ДАЛЬИСТПАРТ.

КНИГА 2

1924

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДАЛЬИСТПАРТ

Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке

Книга II

ВЛАДИВОСТОК
1924

Гублит № 1199. Тираж 1000 экз.

„Красное Знамя“—1-я тип. Акц. О-ва „Книжное Дело“, Владивосток.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящий сборник вошла только часть того обширного материала, который находится в распоряжении комиссии Дальистпарт.

При выборе материала редакция старалась в первую очередь дать место таким статьям, воспоминаниям и документам, которые находились в более обработанном виде и достаточно ярко характеризовали какой-либо период из истории борьбы на Д. В. трудящихся масс с контр-революцией и интервенцией.

В скором времени редакция приступает к изданию **третьего сборника,** и потому просит всех товарищей, желающих поместить в этом сборнике свои статьи, воспоминания или документы из истории революционного движения на Д. В., обращаться в комиссию Дальистпарт при ДБ ЦК РКП.

РЕДАКЦИЯ.

Статьи и воспоминания.

П. Ф. Анохин.

А. Буйко.

ВОСПОМИНАНИЯ О П. Ф. АНОХИНЕ.

Днем, 10 мая 1922 г., в тридцати верстах от Читы на Витимском тракте был убит бандитами Петр Федорович Анохин.

В дальневосточных условиях бандитизм всегда имел прямых участников из среды активных белогвардейцев, которые мотивы хищнические, грабительские соединяли с политической борьбой против пролетарской власти и Коммунистической партии, применяя террор по отношению к лучшим представителям рабочего класса.

В лице т. Анохина контр-революция вырвала из рядов Коммунистической партии одного из преданнейших работников, подготовленного и закаленного в борьбе против самодержавия еще в дореволюционное время, рабочего-большевика.

В июне 1921 г. приехал для работы на Дальний Восток в качестве члена Дальбюро ЦК РКП тов. Анохин. Общая обстановка была в то время исключительно трудная. 26 мая 1921 г. штыками японских милитаристов был устроен белогвардейский переворот во Владивостоке, и власть передана в руки ставленника японской военщины, черносотенца Меркулова, изображавшего по заданиям японского штаба «подлинную русскую власть» для прикрытия грабительского хозяйничанья в Приморье японской буржуазии и военщины.

В это-же время вооруженный и снабженный интервентами барон Унгерн, укрепившийся в Монголии, выполняя задания японских милитаристов, совершал разбойные набеги на Прибайкалье, грабил, расстреливал мирное население и разорял все на своем пути.

Организуемый белогвардейцами бандитизм в разных местах дополнял общую картину активного напора империалистов на существовавший тогда демократический буфер —Дальневосточную Республику, а через нее на Советскую Россию.

Партийные коммунистические организации, сложившиеся в обстановке партизанской борьбы с белогвардейцами и интервентами, при оторванности отдельных губерний друг от друга жили, главным образом, задачами своей губернии, решая все вопросы большей частью в зависимости от местных перспектив и выгод.

Больших усилий стоило Дальбюро изжить раздробленность парторганизации, местничество, создать дисциплину, общий план в работе, наладить связь мест с областным центром, которая была сильно ослаблена с самых первых моментов организации буфера, когда часть руководителей буферной политики во главе с Краснощековым не дооценивала значение партийной работы и мало уделяла ей средств и сил.

В 1921 г. областной партийный центр был обновлен, начавший в это время работать П. Ф. Анохин много уделил внимания партработе, значение которой он учитывал в полной мере и старался проводить в жизнь все, что может усилить, укрепить положение парторганизации.

В начале 1922 г. на Дальнем Востоке проводилась чистка партийной организации. Во главе этой работы, в качестве председателя Д. В. комиссии по очистке рядов РКП, был т. Анохин. К этой работе он относился с особым вниманием. В момент, когда нужно было провести чистку в ячейках, П. Ф. просил освободить его от многих других работ, указывая на большое воспитательное значение чистки в нашей молодой Дальне-восточной организации, а также на особую опасность ошибок при чистке в виде необоснованных исключений из партии. Этой работе т. Анохин считал необходимым в дальне-восточных условиях уделить исключительно глубокое внимание. «Нужно твердой рукой вышвырнуть из наших рядов всю мещанскую и примазавшуюся публику, всех играющих в партийность, но нельзя делать ошибок в отношении настоящих членов партии, которые нужны партии и для которых исключение хуже смерти» —обычно говорил т. Анохин. Все обжалования, апелляции, касающиеся исключения из партии, присылаемые в Дальне-восточную комиссию из губерний, Анохин тщательно изучал, лично собирал все материалы и давал нужное направление делу.

Вспоминаю, как тот или иной исключенный является к т. Анохину с пачкой бумаг о своей работе, чтобы доказать неправильность решения комиссии по очистке.

В таких случаях т. Анохин обычно отвечал: «видите, товарищ, большинство людей обладает свойствм сохранять все выгодное для себя и забывать не выгодное. Мы проверили, взвесили ваши отрицательные поступки и сделали нужный вывод. Копить слишком много бумаг о своей работе тоже не особенно ценная черта. Получается впечатление, будто преданность партии, активная работа является для членов партии каким-то исключением, которое обязательно надо записывать. Повседневная наша обязанность ведь сводится в конце концов к активной работе по заданиям партии, и хорошим прошлым далеко не всегда можно оправдать для члена партии его современные ошибки».

Осенью 1921 г. начались переговоры ДВР с Японией. В составе нашей миссии был т. Анохин. Он очень много работал над вопросами, которые нужно было решать при переговорах, но считал эту работу чрезмерно тяжелой. Во время созданного японцами перерыва в переговорах т. Анохин приехал за материалами из Дайрена в Читу и усиленно просил освободить его от дипломатической работы. «Знаю, что не обойтись нам без разговоров с империалистами, но я готов нести самую тягчайшую работу, чтоб только избавиться от сиденья в японских отелях и любезных разговорсв с японскими генералами и шпиками. Тяжелее этой работы, наверное, не знает никто, ее не придумает никакая фантазия»—говорил тов. Анохин.

В 1922 г. в силу особого обнагления белогвардейских бандитских шаек, развивших свою предательскую работу под прикрытием основного закона ДВР, запрещавшего смертную казнь, было решено отменить соответствующую статью закона, и ввести смертную казнь за тяжелые преступления. Даже отдельные неустойчивые члены нашей партии боялись, что мы сорвем этим «весь демократический облик с буфера», а меньшевики и эсеры повели бешеную атаку в существовавшей тогда их легальной печати, указывая, что вот, мол, возвращаются снова времена насилий и жестокостей, вводимые коммунистами.

Мы разоблачали в печати меньшевиков и эсеров, и т. Анохин в своих статьях давал им не раз должную отповедь В одной из своих статей, по поводу смертной казни он писал: «Нам хорошо известно, что в добрые, для эсеров и меньшевиков, времена генеральской диктатуры в Сибири, на Украйне, в Грузии и целом ряде других мест, они не очень брезгливо относились к расстрелам по суду и без суда пачками рабочих и крестьян, боровшихся против

контр-революции, а наоборот, весьма усердно помогали в этом деле. И, случись так, что все эти «чистенькие» господа получили бы вновь, хотя чуточку, власти,—для революционного населения повторилось-бы тоже самое, только в более свирепой форме». Тут-же дальше указывалось, что нужно железной рукой охранять революционный порядок.

В конце 1921 г. среди ответственных товарищей был поднят вопрос о ликвидации коалиции в государственной работе с меньшевиками и эсерами, которым в совете министров ДВР предоставлялось соответствующее количество министерских мест. В это время меньшевики и эсеры требовали допуска их представителей в нашу миссию для переговоров с Японией, считая «нетерпимым», что министерство иностранных дел имеет какие-то «тайны» от совета министров (где были меньшевики и эсеры).

Пишущему эти строки приходилось принимать участие в переговорах с этой бунтовавшей тогда право-социалистической оппозицией, желавшей создать кризис в совете министров, как раз в момент переговоров с Японией; и хорошо помнится, как тов. Анохин занимал в этом вопросе прямую непримиримую линию. Он доказывал, что не надо этим господам уступать ни в чем, так как их уход от работы ни на кого не произведет никакого впечатления. Это в конце концов явилось мнением многих, и коалиция была ликвидирована без каких бы то ни было последствий.

К немногим этим штрихам о т. Анохине нужно прибавить самое главное: он был представителем того слоя рабочих, которые составляют фундамент нашей партии, которые, находясь в недрах рабочего класса, связали теорию революционного марксизма с повседневной борьбой рабочего класса, сделали борьбу за новое человеческое общество, за социализм главной целью своей жизни.

С 12 лет тов. Анохин работает в типографии, и будучи совсем еще молодым, он уже связывается с рабочим движением, и вскоре превращается в социал-демократа большевика. Не достигши еще 18 лет, Анохин переживает разгром всей организации в Петрозаводске, Олонецкой губ., когда он остался один и у него не хватило опыта наладить разрушенную жандармами работу партийной организации. С несколькими рабочими Анохин, по своей инициативе, организует убийство охранников и жандармов, после неудачи которого он попадает в тюрьму и приговаривается к смертной казни. Малолетство избавляет его от смерти. На каторге и в ссылке Анохин учится, много работает над со-

бой, превращаясь в твердого, уравновешенного революционного марксиста, и о петрозаводском покушении на шпионов и жандармов вспоминает, как «о ребяческой горячности».

Рабочий, начавший с малых лет добывать кусок хлеба тяжелым трудом, т. Анохин достиг большой политической подготовки своим неустанным трудом и кипучей энергией. Мягкий по характеру, простой и внимательный к нуждам окружающих, в то-же время непримиримо твердый и решительный при решении принципиальных вопросов таков был П. Ф. Анохин.

Дальне-восточная организация РКП отметила память П. Ф. Анохина, назвав его именем областную партийную школу. Рабочие и крестьяне, получающие знание в стенах этой школы, должны знать, что для человека, в память о котором названа школа, не было ничего в жизни, кроме борьбы под знаменем пролетарской партии, неустанной работы над собой, твердой учебы для целей все той-же борьбы.

В раннем детстве Анохин стал на передовую линию борьбы за интересы пролетариата и остался на посту до последней минуты своей жизни. Наша партия потому и сильна, что она состоит, главным образом, из людей, живущих целями партии, готовых для осуществления этих целей отдать все, что у них есть, не исключая и своей жизни.

А. Милеев.

Г. ХАБАРОВСК И ЕГО РАЙОН С 1-го ИЮНЯ—ПО 1-е НОЯБРЯ 1920 ГОДА.

В начале июня 1920 г. к моменту моего приезда в г. Хабаровск, куда я был командирован фронтом для исполнения обязанностей Уполномоченного Вр. Владивостокского Правительства, здесь царила глубокая реакция, возглавляемая черносотенной думой и ее достойным представителем городским головой Лихойдовым; по городу самоуверенно фланировали казачьи и армейские офицеры, сильные опекой и покровительством японского штаба; повсюду чувствовалась атмосфера нескрываемой ненависти к революции, глухая, непримиримая вражда к ее деятелям, готовая в любой момент вылиться в открытое насилие.

Вместе со мной прибыла группа товарищей для замещения различных административных должностей. С первых-же дней нам стало очевидным, что оставаться здесь всем не имело смысла, так как при неблагоприятном направлении дела, могли оказаться лишние жертвы, а потому было решено оставить только меня, как Представителя Вр. Правительства и т. Масленникова, в качестве моего секретаря. Кроме нас в Хабаровске в то время находился еще т. Уткин, как особоуполномоченный того же Вр. Правительства.

Мы не имели никакой реальной силы, которая могла бы поддержать наши требования, распоряжения и уберечь нас от нападения, которое можно было ожидать каждую минуту.

Положение наше затруднялось еще более вследствие того, что городская дума объявила населению города о непризнании нас представителями Вр. Правительства. И только после опубликования многих деклараций и неоднократных выступлений в пленуме городской думы нам удалось, наконец, отстоять свои права и склонить городскую думу к признанию наших полномочий.

В то же время нам нужно было в силу необходимости считаться с высшим командованием находившейся здесь японской дивизии.

Тов. Уткину и мне пришлось употребить много усилий, чтобы добиться корректных отношений к нам со стороны японцев; добиться этого особенно было трудно еще и потому, что японцы, напр., хорошо знали меня за главного интенданта восточного фронта красных войск, направленного против них. Начальники дивизии и штаба многими часами выдерживали нас в вестибюле здания штаба, желая задеть наше самолюбие, но мы стойко и терпеливо выдерживали эти испытания, граничащие с издевательством.

В середине июля 1920 г. особоуполномоченный тов Уткин в сопровождении тов. Граженского выехал во Владивосток в поезде начальника штаба японской дивизии Ойнума, находясь в вагоне, соседнем с вагоном Ойнума. На следующий день после отъезда тов. Уткина, я получил с Имана срочное телеграфное донесение, в котором сообщалось, что тов. Уткин и тов Граженский убиты белогвардейскими казачьими офицерами, среди белого дня, в вагоне поезда начальника штаба Ойнума.

Это известие взволновало нас и создало в высшей степени затруднительную обстановку для дальнейшей работы. Белогвардейцы, поощряемые японским штабом, обнаглели до чрезвычайности, и мы с т. Масленниковым хорошо знали, что наша жизнь висит на волоске.

В этот, особенно тяжелый для нас момент, мне пришлось осуществлять роспуск, вернее разгон, Хабаровской городской думы, которая отказалась выполнить требование Вр. Правительства о назначении новых выборов в городское самоуправление, так как старый состав думы был избран по закону Колчака.

Упорство городской думы и в особенности городского головы Лихойдова побудило Врем. Правительство издать особое постановление, согласно которому Хабаровская городская дума объявлялась распущенной и назначался временный Городской Совет из 5 лиц для управления городом до избрания новой думы.

Лихойдов заявил мне, как представителю Вр. Правительства, что он не сложит своих полномочий и не подчинится никакой силе.

Нам было хорошо известно, что японцы условились с Лихойдовым довести меня, как представителя Вр. Правительства, до необходимости применения вооруженной силы

для передачи управления городом временному Совету и роспуска существующей думы. Мы знали, что японцы ждали этого столкновения с той целью, чтобы перебить часть верной нам городской милиции и нас самих.

Но это нас не остановило от решительных действий. Мною был назначен Лихойдову определенный день и час, в который он должен был сдать свои полномочия Городскому Совету, назначенному Вр. Правительством, с предупреждением, что в случае неисполнения моего предложения, управление городом все же будет мною передано Городскому Совету, какие бы меры для этого ни пришлось употребить, вплоть до применения вооруженной силы.

Назначенный день настал, но удивил всех тем, что я явился в здание думы один с полным составом Вр. Городского Совета, без всякой вооруженной охраны и предложил Лихойдову передать полномочия, оставив здание думы, на что он ответил категорическим отказом. Это заставило меня заявить ему лично, что если он в течение 3-х дней не сдаст своих полномочий, то я его устраню вооруженной силой.

В тот же день я был в японском штабе, где письменно заявил о неподчинении Лихойдова постановлению Вр. Правительства, что неизбежно вызывает необходимость применения экстраординарных мер, могущих вызвать кровопролитие. А так как японцы постоянно, устно и письменно заявляли, что они очень озабочены поддержанием в городе «безопасности» и «порядка», то я предложил им лично воздействовать на Лихойдова, заставив сложить его полномочия гор. головы, и тем предупредить возможное кровопролитие; при этом я заявил японцам, что о сношении по этому вопросу с ними я телеграфно донес Вр. Правительству.

В то время, как сочувствующее нам население Хабаровска напряженно ожидало мирного разрешения конфликта, наши враги определенно готовились к вооруженной борьбе с нами и мы хорошо знали, что у Лихойдова была организована своя большая тайная вооруженная милиция из белогвардейцев, и что он намеренно старается вызвать столкновение, чтобы покончить с нами, и поэтому нам приходилось быть очень осмотрительными в своих поступках.

Мои переговоры с японским штабом достигли цели, так как, явившись через три дня в думу с членами Городского Совета, опять-таки без всякой охраны, я уже не нашел там ни Лихойдова, ни его думских сподвижников. Эта бескровная победа над Лихойдовым и черносотенной думой была в то же время и нашей дипломатической победой над

коварными замыслами японского штаба, который, как потом нам стало известно, действовал в полном контакте с Лихойдовской бандой.

Все лето 1920 г. японцы готовились к вооруженному занятию левого берега Амура, где был наш фронт, чтобы затем занять Амурскую область. Но у японцев не было серьезного к этому повода, и они задумали создать его искусственно, путем провокации.

С этой целью японский штаб в лице начальника японской бригады ген. Ямада сорганизовал в Имане группу белогвардейцев, подготовил для них на р. Уссури бронированные пароходы, вооружив их орудиями, и предполагал отправить их по р. Уссури на Амур с тем, чтобы они открыли от дер. Владимировки канонаду по нашему фронту, расчитывая на то, что наше командование, не разобравшись в чем дело, откроет в свою очередь, артиллерийский огонь по гор. Хабаровску в предположении, что эта канонада от Хабаровска исходит от японцев, а тогда будет уже на лицо вполне законный повод к выступлению.

Об этой подготовке ген. Ямада в Имане я своевременно узнал от нашей разведки и сейчас же сообщил нашему фронту, вступив в то же время в деятельную переписку с японским штабом, которому писал, что до моего сведения дошли слухи о подготовке к выступлению на Имане белогвардейцев против нашего фронта на левом берегу Амура и что я, зная, стремление японского штаба к сохранению «спокойствия» в Хабаровском районе, надеюсь на незамедлительное принятие им соответствующих мер к предупреждению выступления белогвардейцев. В заключение я поставил в известность японский штаб о том, что переписка мною сообщается Вр. Правительству и главному японскому штабу во Владивостоке.

Результат этих моих сношений с японским штабом не замедлил сказаться: тот же ген. Ямада, который организовывал это провокационное выступление против нашего фронта, должен был немедленно выехать в Иман и там собственными руками ликвидировать свою затею.

Неудавшаяся авантюра японского штаба в Имане заставила его в августе перенести центр белогвардейской организации из бочкаревцев и калмыковцев, во главе с атаманом Бочкаревым, в Хабаровск, что делалось под величайшим секретом, который японцам все же не удалось скрыть от нас, но мы, однако, этого до поры до времени не обнару-

живали. Многие белогвардейские офицеры вместе с Бочкаревым тайно переехали в Хабаровск и разместились в гостинице «Селект», где у них был организован штаб.

Атаман Бочкарев предполагал устроить в Хабаровске переворот с тем, чтобы перебить нас и восстановить опять бывшего городского голову Лихойдова. К этому времени Хабаровск был буквально наводнен казачьей и армейской офицерней, которая готова была приступить к расправе с нами по одному знаку японского штаба. В то же время атаман Бочкарев в сопровождении своих офицеров устраивал торжественные панихиды по Николае II и после панихиды вся белогвардейщина дефилировала рядами по главной улице с пением «боже, царя храни». Несмотря на всю опасность нашего положения и на демонстративное выступление белогвардейцев, мы все-таки находились на своих местах и продолжали работу. Даже более того—в это тяжелое время мы были особенно деятельны: все время поддерживали связь с Владивостоком, с Особоуполномоченным Вр. Правительства тов. Цейтлиным*), которого во время вызвали в Хабаровск вместе с начальником областной милиции тов. Колесниченко.

По приезде в Хабаровск тов. Цейтлин категорически заявил японскому штабу об использовании нашего резерва милиции (250 чел.), который был под надзором и охраной японских войск, для ликвидации штаба атамана Бочкарева, чтобы, таким образом, снять опасность, висевшую над представителями власти Вр. Правительства в Хабаровске. Японцы упрямились, но когда тов. Цейтлин предъявил им все мои отношения в штаб, в которых указывалось о готовившейся провокации бочкаревцами в Имане и о том, что белогвардейцы переселились в Хабаровск и здесь в гостинице «Селект» организовали штаб и ведут усиленные работы по организации переворота, тогда японцы должны были уступить, и разрешили тов. Цейтлину осадить гостиницу «Селект» нашим резервом милиции, что и было сделано с применением оружейного и пулеметного огня. При этом были взяты в плен—сам атаман Бочкарев со всеми его сподвижниками и находившийся на содержании у японцев

*) Тов. Цейтлин убит меркуловской контр-разведкой в 1922 г. во Владивостоке, куда он был командирован правительством ДВР для переговоров с японцами.

русский газетчик Панов*). Так была ликвидирована бочкаревщина, после чего сгустившаяся грозная атмосфера несколько разрядилась.

Наступил сентябрь, появились негласные сведения о прекращении японцами интендантских заготовок; японцы начали тайно подготовлять эвакуацию; грузили в затоне базы Амурской флотилии на суда ценные, громадные запасы материалов, станки, машины для отправки всего этого имущества водою частью в Харбин, частью через Николаевск на Амуре; в самом Хабаровске мы наблюдали деятельную упаковку награбленных японцами вещей: мебели, роялей, пианино и проч. для отправки по жел. дороге во Владивосток.

В конце сентября от высоко-секретной и авторитетной иностранной контр-разведки и от нашего Особоуполномоченного во Владивостоке тов. Цейтлина мы уже имели положительные сведения, что в октябре предстоит эвакуация японских войск из Хабаровского района.

Все мы воспрянули духом; виден был конец нашей тяжелой ответственной работы.

Действительно, в начале октября японский штаб объявил нам об эвакуации японских войск, которая и не замедлила начаться, а с первым снегом, по пятам уходящих японских войск, торжественно вошли в Хабаровск наши красные войска.

---

*) В настоящее время Панов осужден Приморским Губсудом к высшей мере наказания за контр-революционную пропаганду и за связь с японским штабом.

Н. Бодрый.

КОСТЯ СУХАНОВ.

Прошло почти шесть лет с того дня, когда зверски и неожиданно был убит чехо-словацким конвоем Председатель Владивостокского Совета рабочих депутатов Костя Суханов.

Был поздний вечер. На столе, за который я сел, лежал раскрытый лист газеты, освещаемый ярким снопом электрического света...

«Смерть К. Суханова и А. Мельникова» —бросился мне в глаза заголовок, набранный крупным шрифтом.

В воображении тотчас же представилось смеющееся, жизнерадостное лицо Кости, которого я любил и уважал всегда, даже в те дни, когда нас разделило друг от друга разное понимание политического момента.

Не верилось... Казалось невероятным, невозможным... Но были так упорно беспощадны и так протокольно-сухи эти газетные строки под крупным заголовком:

14-го ноября прокурор окружного суда Гончаров прислал чехо-словацкому военному прокурору, д-ру Шебеста, следующее отношение:

«В виду необходимости судебному следователю допросить заключенных в концентрационном лагере большевиков К. Суханова, Петра Уткина, Мельникова и Я. Свидерского, прошу вас сделать распоряжение о переводе поименованных лиц в областную тюрьму, о чем прошу меня уведомить».

Д-р Шебеста сделал распоряжение начальнику лагеря о переводе вышепоименованных большевиков, в тюрьму под строгим конвоем и разместить их в чешском отделении. Тогда же и было отдано распоряжение чешскому следователю, который должен был сообщить д-ру Шебеста о прибытии большевиков в тюрьму.

Начальник лагеря отдал приказ, чтобы переводимые были препровождены в тюрьму по группам, при чем первой группой должны были быть отправлены Суханов и Мельников, а второй—Уткин и Свидерский.

В виду участившихся побегов из лагеря (см. № 275 «Гол. Пр.» от 28—15 августа «Бегство большевиков» и др.), начальником лагеря был дан наказ конвоирующим, что в случае попытки бежать остановить предупреждением «стой», а в случае ослушания открыть стрельбу.

Третьего дня утром, в 8 часов чешскому прокурору, д-ру Шебеста, было доложено, что сопровождавшиеся в тюрьму 2 арестованных за попытку к бегству двумя конвоирами (чехами) были убиты.

Д-р Шебеста немедленно собрал особую комиссию, из чешского судебного следователя, коменданта лагеря и двух свидетелей, и вместе с ними выехал на место происшествия, где и были допрошены оба конвоира.

При показании последних выяснилось следующее: Суханов и Мельников находились от конвоиров в 5-ти шагах. Шли они по дороге от лагеря военнопленных, ведущей к шоссейной дороге. Между сборным пунктом и временными мастерскими Суханов и Мельников бросили свой багаж, с которым они отправились в тюрьму, и разбежались в разные стороны. На предупреждение конвоиров, бежавшие не остановились. Тогда по ним была открыта стрельба. По каждому из них было дано 3 выстрела, из которых последними они были убиты наповал. Мельников остался лежать на шоссейной дороге, а Суханов в 150 шагах от него, на горе.

О случившемся немедленно было дано знать коменданту лагеря и коменданту чехо-словацкого гарнизона, которые немедленно прибыли на место и отдали распоряжение об отвозе убитых обратно в лагерь.

В то же утро, еще до прибытия д-ра Шебеста на место происшествия, в тюрьму отправлялись—Уткин и Свидерский. По дороге их следования собралась толпа, пытавшаяся отбить последних от конвоиров. Тогда из лагеря был выслан дополнительный конвой, благодаря которому Уткин и Свидерский были доставлены в тюрьму без дальнейших инцидентов.

По распоряжению д-ра Шебеста, отныне никто из большевиков не будет отправляться в тюрьму или обратно.

О дне похорон Суханова и Мельникова будут уведомлены только их семьи. Посторонняя публика к похоронам не будет допущена».

Так по казенному, чиновно, привычным канцелярским языком сообщалось о гибели т. т. Суханова и Мельникова.

Я шел домой в слободку по Светланке.... И сквозь мглу ночи передо мною вырисовывалось смеющееся лицо Кости, ну, точь в точь такое же, как на земляческих студенческих вечеринках, или дома в «коммуне» на Ружейной (Петроград).

А на другой день новые протоколы о смерти Кости, неумолимо подтверждающие, не оставляющие никакого сомнения...

———

Я знал его с детских лет. Вместе учились во Владивостокской гимназии, вместе кончили ее. В один год поступили в Петроградский Университет. Почти одновременно познали прелесть «отсидки». Вместе поднимали бучу во Владивостокском землячестве.

В гимназии Костя Суханов не был с нами, с маленькой группой протестантов, вечных оппозиционеров, недовольных бюрократическим укладом жизни школы, ненавидевших педагогов.

Мы, в том числе и Всеволод Сибирцев, позднее также павший от руки интервенции, имели свои кружки, собирались тайком; изучали Писарева, Белинского, Маркса; знакомились с историей революционного движения.

В. Сибирцев, я, Л. Карахан (державший экстерном) и др. выходили из стен гимназии с бурлящим в душе потоком ненависти к самодержавию. А Костя—таким же, каким мы его знали все гимназические годы.

Никто из нас не мог и предполагать, что пройдет несколько месяцев, как т. Суханов станет совершенно иным человеком.

Да, это был Костя, но уже другой, каким он и оставался до последней минуты своей жизни...

Это был Костя—борец, Костя со всем пылом молодой души возненавидевший самодержавие.

Вместо аккуратненького гимназиста, я видел перед собой типичного «студента 1905 г.», когда я его встретил в Питере.

В начале 1912 г. на одной из студенческих сходок был арестован в числе 60 других товарищей и Костя Суханов.

Это был—первый арест, первое боевое крещение нашей земляческой группки.

Молодые, неопытные мы не могли доискаться «подполья»».

И весь наш революционный пыл, всю нашу жажду живой деятельности мы проявляли в пределах Владивостокского землячества, в котором насчитывалось более ста человек.

Землячество явилось для Кости той первой школой общественности и революционной борьбы, которая впоследствии позволила ему более широко развернуть свои способности.

В землячестве Уссурийского края он был действительно душою. Жил им, стремился создать вокруг него такую атмосферу, которая способствовала бы биению пульса об-

К. Суханов.

щественной жизни. Словом, все то, что было возможным осуществить в колодках самодержавия.

В дни войны землячество Уссурийского края, руководимое по прежнему Костей, имело пораженческие тенденции и приняло в основу своих взглядов на войну циммервальдский манифест.

Помню его в нашей «коммуне» на Ружейной. Мы, группа уссурийцев, осуществили нашу мечту: наняли прекрасную квартиру (правда, на 7-м этаже) установили очередь в работе, в уборке комнат, варке обедов, покупке провизии.

«Коммуна», как нас и называли земляки, жила дружной, веселой жизнью. Правда, не все и не всегда относились аккуратно к своим обязанностям.

И если кто был коммунаром среди нас, в идейном смысле этого слова, то таким, конечно, нужно признать Костю Суханова.

У нас в «коммуне» был свой рукописный журнал под названием «Кукиш», т. е. именно то, что мы часто имели взамен презренного металла. Костя был одним из активных «сотрудников» «Кукиша».

Один из отсутствовавших товарищей прислал в «Кукиш» корреспонденцию со следующим приветствием и характеристикой по адресу Кости, хотя и написанным в шутливом тоне, но поразительно оправдавшимся во многом в жизни:

«Приветствую... Константина Суханова, известного общественного деятеля и будущего популярного лидера партии самых крайних левых в Государственной Думе, таких крайних, что им еще нет ни названия, ни места в Государственной Думе».

В марте 1916 г. я был арестован. Первым, кто откликнулся на мой арест, был Костя. Он, узнав о беде товарища, поставил в землячестве вопрос о помощи моей семье, оказавшейся в тяжелом материальном положении.

И я, сидя за решеткой, вспоминал в эти дни о Косте... Передо мной вставал образ друга, в котором ни время, ни расстояние не убивали светлых чувств, той духовной привязанности, что свойственна людям с тонкой душевной организацией.

Позднее, когда я уже был на воле узнаю, что Костя на лето уехал во Владивосток и там организовал, по поручению Петроградской группы С.-Д., тайный кружок «Молодая Россия»—для пропаганды за прекращение войны. В кружок, несмотря на его малочисленность, проникали три провокато-

ра. В августе на тайную массовку явилась жандармерия и арестовала присутствующих, в том числе и Костю.

Костя просидел до февраля 1917 г., т. е. до кануна революции. Выпущенный из тюрьмы, после полугодового томления, он телеграфирует друзьям в Петроград:

«Петроград. Зое Секретаревой—17 февраля 1917 г. Сердечно благодарю хлопоты. Четырнадцатого вышел залог. Бодр, здоров. Привет друзьям. Пишите. Костя».

В момент февральской революции я узнал о том, что Костя, освобожденный недавно из тюрьмы, принимал деятельное участие в перевороте, что он избран во Владивостокский Совет рабочих депутатов, и что он пользуется широкой популярностью в пролетарской массе.

Когда-то в тесных рамках землячества горел, пылал Костя, весь отдаваясь революционным настроениям. А теперь: он один из вождей Владивостокского пролетариата.

Костя на трибуне.

Костя вышел на широкую, творческую дорогу.

Февраль угасал... По всей стране то там, то здесь вспыхивали красные зарницы надвигающегося грозного Октября.

Многих этих зарницы пугали, пугали и меня.

Именно в эти предоктябрьские дни я встретил Костю на спектакле в Народном Доме.

Радость этой встречи я никогда, никогда не забуду, как и не забуду того, что это была, увы, последняя дружеская беседа, хотя мы виделись позднее неоднократно...

Помню, с какой тревогой, с каким томительным ожиданием ответа, спросил меня Костя:

— А ты, Коля, за советскую власть?!.

Я ответил отрицательно. Боль сдавила наши сердца, омрачив радость встречи.

Наступил грозный Октябрь... Могучие волны его не сразу, но докатились и до Владивостока.

Костя—председатель Совета рабочих депутатов—радостно принял Октябрь. Он с еще большей энергией, с еще большим энтузиазмом отдался укреплению советской власти на берегах Дальнего Востока.

Вокруг его имени было много разговоров. Враги шипели, сплетничали, старались забрызгать грязью Костю... Рабочие буквально готовы были на руках носить «своего Костю». Редко, когда его называли по имени и отчеству. Как он был при жизни Костей, так и остался им в памяти пролетариата и после своей смерти.

Нарождающаяся советская власть могла гордиться сво-

им представителем на Дальнем Востоке. Когда в наш рейд вошли японские военные суда, то Владивостокский Совет, председателем которого был тов. К. Суханов, заявил свой протест.

Японцам, пришедшим для переговоров, тов. Суханов заявил, что он до тех пор не вступит ни в какие переговоры с японцами, пока они не уведут свои суда.

Такой ответ был одним из первых протестов против интервенции и был дан тем, кто сам пал одной из первых жертв кровавой интервенции.

Японцев, явившихся позже во Владивосток с бронированным кулаком, удивлял вид нового представителя русской власти. Они привыкли видеть седовласого, представительного генерала, увешенного разными медалями и орденами. А тут перед ними—маленький, скромно одетый студентик. В одной из своих газет японские репортеры написали:

«Вчера мы имели честь посетить его превосходительство, председателя рабочих и солдатских депутатов Константина Суханова, засвидетельствовать ему свое почтение и вместе сняться на фотографии. Его превосходительство, председатель Совета, владивостокское дитя, студент русского столичного факультета, годами молодой барич».

Будучи кристально чистым человеком, Костя был способен к идеализации окружающего. До самого последнего момента он не верил в возможность выступления чехов.

Но в конце июня—вероломное выступление чехов, падение первой советской власти на ДВ, арест членов Совета, в том числе и Кости Суханова.

Костя снова за решеткой. В третий и последний раз... В своем родном городе—в плену у чехословаков.

Только раз вышел на волю Костя за это время.

Палачи-чехи слишком хорошо знали Костю и отпустили его под «честное слово» на похороны красногвардейцев с тем, чтобы после он вернулся обратно в тюрьму.

Это было 4-го июля 1918 г.

Костя пришел сказать «прости» тем, кто на несколько месяцев раньше его пали жертвой «любви беззаветной».

Тысячи трудящихся встретили своего любимого Костю с тем, чтобы снова расстаться с ним, на этот раз навсегда...

Костя исполнил свое слово. Он вернулся в тюрьму.

А в рабочих кварталах после этого царила тоска по Косте... Зато радовался буржуазный лагерь.

Но в плену у чехов бывшие члены Совета рабочих де-

путатов не унывали: они жили надеждами на мировую революцию. И вот ворвалась «с воли» весть:

— В Германии революция!

Все встрепенулись, ожили.

Доктор Гинстон так описывает эти дни:

«В узкой комнатке с двухэтажными нарами собрались бывшие советские работники. Проснулись великие надежды и в глубокой тиши засветился яркий огонек. Узники колючего дома почувствовали, что там далеко, на крайнем западе люди, объятые теми же идеалами, теми же чаяниями, что и они, двинулись по тем же тернистым путям к светлому, лучшему будущему.

Послышался голос Кости Суханова, в нем слышалась уверенность, твердость. Маленький, невзрачный, он вдруг превратился в огромного колосса. Глубокие глаза горели бесконечной верой в торжество поставленных задач, и вместе с тем они были полны решимости. Рисуя невидимую им германскую революцию, Костя всем своим существом переживал все моменты этого великого мирового события. Германскую революцию Костя сравнивал с восходящим солнцем, лучи которого освещали, согревали и обнадеживали весь мир! С горящими глазами, с пылающим сердцем Костя Суханов призывал товарищей оставаться на своем посту».

Это была последняя речь Кости. Последний прощальный привет миллионам восставших.

Через неделю Кости не стало... Он был убит... Убит вероломно, зверски. Якобы при попытке к побегу, тогда как на самом деле он и не собирался бежать.

Т-щ Губельман рассказывал:

— Когда мы сидели в лагере, мы могли бежать, но К. Суханов был против бегства, он глубоко верил в правоту своих убеждений и не предполагал, что станет жертвой вероломства. По настоянию товарищей, он с двумя товарищами бежал и что же—дорогой один из товарищей ослабел, и К. Суханов вместе с ним возвратился в лагерь»...

Ясно, что чехословаки лгали, желая ложью прикрыть свое беспримерно-гнусное преступление.

Они убили того, кто всем своим существом был предан пролетариату.

В эти тяжелые дни утраты борцов за коммуну поэт Ярославский пишет следующие строки, посвящая их т. т. Суханову и Мельникову:

Так хищно, трусливо и подло
Затаивши звериный крик,
Вонзили в теплое горло
Беспощадно-бесстрастный штык.

Почему не убили прямо?
Это было честнее в сто крат!
Вся душа осторожного хама
В инстинктивной оглядке назад.

Смерть пугает бессмертною жаждою,
Равнодушием бесстрашный рок.
Но с погибшею жертвою каждою
Крепнет в будущем светлый залог.

И в те же дни бывший секретарь Совета рабочих депутатов Всеволод Сибирцев, верный спутник Кости, оставшись за решеткой и оплакивая смерть друга, пишет посвящение погибшему.

Еще поворот колеса
Вечной богини-фортуны;
Кто может,—укрывшись в леса,
Бьется во имя Коммуны,
Погибло немало борцов,
Снова и снова, расстрелы;
Слезам матерей и отцов
Вторит лишь ропот несмелый...
Для жалких минутных властей
Крови все кажется мало;
Зачем эти сотни смертей?
Им не убить идеала!..
Убийцы!—горящий костер
Кровью гасить бесполезно!..
Где руку рабочий простер—
Власть его воле железной!

Это стихотворение Всеволод передал мне, когда он, я и Зоя Секретарева обсуждали мысль о «сборнике памяти Кости Суханова». А через несколько дней, после неожиданного японского выступления, вместе с Лазо и Луцким таинственно исчез и Всеволод Сибирцев... вместе с ними, в борьбе за дело пролетариата, пал от рук палачей—японцев.

Ф. Зайцев.

В ВАГОНЕ СМЕРТИ*).

(Воспоминания спасшегося).

3 февраля 1924 г. исполнилась пятая годовщина со дня смерти Беренбаума **), одного из многих мучеников, погибших в Маккавеевском застенке от рук семеновских палачей.

20 декабря 1918 г. Беренбаум сделал попытку убить атамана Семенова, которая, однако, кончилась неудачей.

Покушение было произведено в г. Чите в стенах театра в присутствии всей свиты атамана и многочисленных зрителей. Беренбаум бросил в Семенова две или три бомбы, взрывом одной из которых атаман был лишь легко ранен в ноги.

Беренбауму удалось временно скрыться, но вскоре он был арестован, по его словам, фельдфебелем какой то воинской части, Малышевым, за что последний был произведен Семеновым в офицеры.

Как и надо было ожидать, за свое выступление Беренбаум поплатился нечеловеческими муками, которым его под-

*) Давая место настоящей статье, редакция считает необходимым указать, что это делается не в целях прославления героического подвига В. Нерриса, а в силу желания выявить возможно ярче представление о том, как осуществлялся в Забайкалье «знаменитым атаманом» его «демократизм».

**) Настоящая фамилия Беренбаума—В. Неррис. Автор, конечно, не знал этого, и называет его тем именем, которым В. Неррис назвался, повидимому, при аресте и под которым он значился у семеновцев.

Будучи чрезвычайно увлекающимся юношей, В. Неррис, естественно, примкнул к с.-р. максималистам. Покушение на Семенова он произвел по постановлению читинской группы при участии двух других товарищей—быв. матроса Косихина и А. Сафронова, последним брошена была в Семенова вторая бомба. Подробно об этом см. ст. И. Жуковского «Памяти В. Неррис» в сборнике «Красная Голгофа». Изд. газеты «Амурская Правда». Благовещенск, 1920 г.

Ред.

вергли озверевшие сподвижники Семенова, руководившиеся в данном случае чувством мести к человеку, посягнувшему на жизнь их атамана. Еврейское происхождение Беренбаума еще более усугубило его вину в глазах палачей.

Мне пришлось быть невольным свидетелем истязаний Беренбаума на ст. Маккавеево в «вагоне смерти».

Это кошмарное событие имело место при следующих обстоятельствах.

Я только что отбыл тюремное заключение, которому подвергся, вследствие доноса своих же односельчан, как большевик и как работник станичного Совета и Исполкома. По возвращении домой, в Маккавеево, в конце октября 1918 года, мне сразу же пришлось вновь столкнуться с семеновцами, т. к. здесь находился их штаб. Нечего и говорить, что я, как замеченный, подвергался всякого рода издевательствам, неоднократным обыскам и арестам, при чем местом заключения семеновцы выбирали бани, где, повидимому, легче и спокойнее можно было производить порку и «допросы» арестованных. В конце концов я, по доносу П. П. Бусоедова и М. А. Китаевича, снова был арестован, вместе с гр. Л. и мы оба были предназначены для отправки к барону Унгерну, но благодаря какой-то счастливой случайности я и мой товарищ от этой «приятной» экскурсии были избавлены.

На этот раз вместо бани нас посадили в так называемый «вагон смерти», стоявший на ст. Маккавеево, где уже находились только что привезенные из Читы на броневике Беренбаум, Ломтев, рабочий читинских мастерских, которого верный сторож Семенова, начальник гауптвахты и знаменитый палач, прапорщик Кобеляцкий, называл подрывником; затем там был беглый матрос *), которому Кобеляцкий предлагал убить Беренбаума, за что в награду обещал «милость»—с честью расстрелять вместо того, чтобы подвергать мучительной пытке, но матрос решительно отказался от этого гнусного предложения.

В другом купе сидели товарищи Сафронов **), который, как сказывали, был командиром Верхнеудинского революционного полка, его адъютант и какой-то народный учитель ***), фамилии последних двух мне не удалось устано-

*) По всей вероятности, Косихин, член читинской организации с.-р. максималистов.

**) Очевидно, это был Сафронов, участник покушения на Семенова.

***) Можно предполагать, что это был учитель Иванов Арнольд, член читинской организации с.-р. максималистов.

вить, так как при той обстановке, в которой мы находились, нельзя было что-либо открыто сказать друг другу.

Помню, когда нас втолкнули в это логовище, было часов 6 вечера, 2-го февраля. Сознание, что нам уже не придется отсюда выбраться живыми и тяжелое положение семьи, оставшейся без всякой материальной поддержки, тяжелым камнем лежало на душе.

Товарищи, с которыми нас посадили в одно купе, т. е. Беренбаум и двое других, были страшно избиты: головы у них, видимо, были проломлены, стекавшая из ран кровь засохла на щеках, а на лицах у всех виднелись кровоподтеки и синяки. Последние два угрюмо молчали и временами стонали, но тов. Беренбаум был очень весел и жизнерадостен; как только офицеры уходили из вагона, он танцевал, пел романсы и рассказывал анекдоты, чем, видимо, желал развлечь своих товарищей, при этом он говорил: «Все равно, ребята, не спасемся, нужно быть готовыми к смерти каждую минуту». Последние что-то тихо ему на это отвечали.

Часов в 9 вечера палач Кобеляцкий явился в вагон со штатом своих верных рабов из китайской стражи (охрана состояла исключительно из одних китайцев). Он отворил нашу камеру и приказал Беренбауму ложиться, последний стал просить избавить его от экзекуции ради последних часов жизни. Но этот зверь был неумолим и приказал китайцам «растянуть» жертву.

В один момент тов. Беренбаум оказался лежащим на полу вагона, придавленный двумя или тремя китайцами, а сам палач стал со всего плеча стегать его нагайкой, толщиной, вероятно, не менее дюйма.

Сделав 30 ударов, он велел одному китайцу произвести еще 20 ударов шомполом, что и было в точности исполнено. Несчастный первоначально кричал и просил убить его, но, видя, что это мало трогает палачей, он замолчал и терпеливо переносил истязания.

После этого остальным заключенным также дали по 20 ударов нагайкой.

Невероятно тяжело было смотреть на эту страшную картину, но деться было некуда: стены вагона и железные решетки были крепки. Когда ушли палачи, тов. Беренбаум (я не верил своим глазам и ушам) стал вальсировать, наигрывая языком какой-то мотив. Затем, он стал рассказывать какой-то анекдот, содержание которого я уже теперь забыл, но помню, что он передавал что-то очень смешное. Слушая

его, пришлось на время вернуться к жизни, даже угрюмый и измученный тов. Ломтев громко рассмеялся.

Утром, в 8 час., зверь Кобеляцкий вновь явился и опять произвел экзекуцию, точно таким же образом, как и накануне вечером.

Производя истязания, Кобеляцкий говорил: «Это вам завтрак!»

После этого офицеры группами человек по 5—7 стали приходить в наш вагон, некоторые из любопытства, а большинство затем, чтобы поглумиться над тов. Беренбаумом.

Один из них, подъесаул Подгорбунский, более часу издевался над избитым и измученным Беренбаумом: плевал ему в глаза, душил за горло, царапал ногтями рук лицо до крови, при этом ругался самым грубым образом и неистово кричал: «Какое ты имел право поднимать руки на святого человека!» и т. п.

Часа, вероятно, в два дня, 3 февраля в наш вагон пришел дежурный офицер и объявил, что полковник *) приказал никого в вагон не впускать и экзекуций не производить. Тогда вся эта свора из вагона ушла, и до вечера никто к нам не заходил.

Вечером, часов в девять, когда все арестованные притихли, в наш вагон с шумом ввалилась толпа пьяных офицеров. Один из них буквально зарычал: «Беренбаум!»

Беренбаум инстинктивно вскочил (он лежал в это время на средней полке купе) и по-солдатски ответил: «Я, господин полковник!» Не знаю, почему он мог узнать в лицо этого зверя, так как в вагоне было полутемно.

Потом замок решетки снова щелкнул, дверь широко распахнулась и в нее ввалился в большой овчинной шубе, с длинными рукавами, войсковой старшина Сергеев, начальник штаба отряда атамана Семенова, правая рука Тирбаха. Ругаясь, Сергеев стал бить Беренбаума по голове кулаками, кричал и приговаривал, как и Подгорбунский: «Какое имел ты право подымать руку на святого человека».

Долго бил он Беренбаума, задевая меня рукавом шубы, наконец, устал, отпыхиваясь, как паровоз. Беренбаум не говорил ни слова. Тогда Сергеев приказал подбежавшему на его зов офицеру: «Остричь этого негодяя!» На вопрос офицера: «как прикажете?», последовал ответ Сергеева: «конечно, шашкой».

---

*) Тирбах.

И Беренбаум, терпя адскую боль, был «острижен», вернее его волосы вместе с кожей были все соскоблены, при чем весь пол был залит кровью. Потом Сергеев приказал «раздеть» Беренбаума, но когда тот стал было сам раздеваться, Сергеев заорал во все горло: «Не смей, мерзавец! Твоя воля над собой кончена». В это время китайцы уже подбежали к Беренбауму, и раздели его до нага, после чего он был связан по рукам и по ногам. Остальных пятерых товарищей вязали другие офицеры. Некоторых из присутствующих офицеров я запомнил, это были: подполковник Попов, впоследствии расстрелянный Тирбахом, капитан Аргентов и подполковник Перли. Остальных же человек трех не знаю.

Когда все товарищи были связаны, их понесли на двор, при чем Сергеев говорил: «Вероятно, не замерзнет эти три версты».

Слышно было более 10 минут, как они возились около вагона, а затем уехали.

Больно и обидно было отстать от несчастных товарищей. Злоба душила меня и я плакал и клялся отомстить палачам.

Только в 12 часов ночи вернулась китайская стража и из разговоров их я уловил, что все шесть человек были зверски убиты в бане Китаевича; в особенности мучительным пыткам был подвергнут Беренбаум.

Г. Мучник (Сибиряк).

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ В ПРИМОРЬЕ.

(По материалам и воспоминаниям участника).

Организация советской власти на Дальнем Востоке началась в 17 году, под руководством отдельных товарищей-большевиков и при поддержке левых эс-эров, максималистов и с.-д. интернационалистов.

Строго оформленной партработы в период 17—18 годов не замечается, ибо все усилия партийцев направлялись на укрепление соввласти, но и эта работа была прервана выступлением чехов, поддержавших атамановщину, впоследствии сросшуюся с другими интервентами—японцами.

На борьбу с темными силами реакции и интервенции были брошены все силы, но неорганизованность красной гвардии и ее малочисленность, а также численное и техническое превосходство врага, сломили зарождающуюся власть. Красная армия только что нарождалась, и вследствие своей молодости не могла явиться серьезным противником для наших врагов.

После потери уссурийского фронта и занятия Хабаровска Калмыковым началась партизанская война, руководителями в которой являлись, в большинстве случаев, партийцы-большевики, сплотившие вокруг себя группы рабочих и крестьян. Центром партизанства в Приморье является Сучанский каменноугольный район, но туда были брошены японские, чешские и белогвардейские части, поддержанные американцами, и этот первый очаг борьбы, открывшийся здесь еще в 1918 году, был задушен, а партизаны по одиночке рассеялись по Приморью, чтобы продолжать начатое дело.

Часть партизан, пробравшись через сопки горными тропами, направилась в Иманский уезд, игравший в 1919 г. крупную роль в борьбе с Калмыковщиной.

Основоположниками партизанства в Иманском районе (долина реки Вак) являются товарищи Мелехин,

Ярошенко и Федорец Федор (последний погиб в боях с каппелевцами), пробравшиеся с несколькими товарищами после разгрома партотрядов японцами в районе Сучана, приблизительно, в июле, августе 1919 года. Вначале эта маленькая группа, прячась в тайге, повела работу среди крестьян, призывая их взять оружие против банд Калмыкова, зверства которого к этому моменту достигли апогея. Но отсутствие средств и оружия не давали возможности широко развернуть работу, тем более, что этому сильно противодействовал отряд Ширяева, стоявший в Имане и выделявший по временам карательные экспедиции в окрестные села для поимки «красных бандитов» и экзекуции над крестьянским населением, давшим приют партизанам.

Партизаны со своей стороны тоже не зевали. Стоило только «охранителям порядка» углубиться подальше от города, как они натыкались на засады, осыпавшие их градом пуль; но стоило подойти белым резервам, как окрестности пустели, партизаны исчезали; белогвардейцы, в свою очередь, также поворачивали назад, ибо забираться вглубь тайги они не решались. Эти смелые выступления воодушевляли крестьян, и они, спасаясь от жестокости калмыковцев, понемногу стали присоединяться к партизанским отрядам.

К сентябрю месяцу партотряд имел в своем составе до 30—40 человек, пополнившись беглецами из городов и наиболее революционными крестьянами; за одну экзекуцию, произведенную над крестьянами, было поймано несколько казаков, физических участников порки, которых по приговору отряда, расстреляли.

Такое проявление активности со стороны партизан возымело желательное действие на белогвардейцев и они почти совсем перестали показываться в деревнях, ограничив свои действия линией желдороги, на участке от станции Бикин до ст. Евгеньевка (г. Спасск).

Связь партизан с работниками из эшелонов смерти.

Приблизительно в таком виде рисовалось положение дела на Имане к первым числам октября 1919 г., когда туда прибыли эшелоны советских и партийных работников и части красноармейцев, эвакуированных Колчаком из Красноярска и Омска.

Нам, партийным и советским работникам, привезенным в знаменитом «эшелоне смерти»», предстояло одно из двух —или быть отправленными в Ново-Киевский лагерь, где свирепствовал тиф и там погибнуть, не принеся никакой пользы, или быть мобилизованными, под видом «добровольцев» в ряды калмыковской «армии», едва насчитывавшей 2—3 тысячи человек.

Это был очень тяжелый, мучительный момент. Среди товарищей ходили самые противоречивые слухи, а циркуляра ЦК РКП о том, чтобы партийцы, находящиеся на территории колчаковщины, вступали в армию белых и разлагали ее изнутри, мы не знали. После длинных разговоров и горячих споров было решено согласиться на мобилизацию

Калмыковцы пробовали провоцировать мобилизованных, предлагая выдать «комиссаров и коммунистов», но потерпели неудачу, несмотря на угрозы расстрелять каждого десятого в случае обнаружения среди нас ненавистных им большевиков.

Вскоре после мобилизации мы приступили к организационной работе и начали искать связей с местными партийными ячейками и партизанскими отрядами.

Режим был суров, за ворота казарм выпускали с трудом, а после побега Свешинкова Владимира и еще троих товарищей, привезенных из Читы, надзор усилился. Правда, обещанных угроз в исполнение не привели, но пойманного читинца немедленно расстреляли без всякого суда.

Вскоре нам удалось познакомиться с товарищем Штык, служившим в городской милиции.

Через него была установлена связь с партизанским отрядом тов. Мелехина. Но мы от перехода к нему временно воздерживались, так как были раздеты семеновцами при проходе нашего эшелона через Читу, а самое главное, мы надеялись в недалеком будущем получить оружие, в котором партизаны страшно нуждались.

Для опыта в установлении непосредственной связи с партизанами был выделен тов. Виноградов, который отправился, якобы, в командировку для закупки конопли и прочих материалов, но назад, понятно, не вернулся.

Вскоре от Виноградова мы получили известие, что он благополучно прибыл в партотряд и работает в штабе.

Еще до побега Виноградова калмыковцы изменили к нам отношение и стали корчить из себя либералов, сторонников «широкой демократии», что особенно старался подчеркивать подполковник Ширяев.

Чтобы еще больше показать себя «народниками» они разрешили нам организовать певческий кружок и сформировать кружок любителей-артистов, выделив из нестроевой роты 6 человек, которые начали ремонтировать пустую казарму и вообще подбирать материалы для постановки спектаклей. Пользуясь относительной свободой (барак был за стенами казарм), мы могли легче сноситься с партизанами и горорганизацией. Когда было получено обмундирование и частичное вооружение (винтовки, но без патрон), мы стали подумывать, как бы усилить партотряды политработниками и военспецами, тем более, что побег тов. Виноградова прошел безнаказанно.

В первых числах декабря уходит партия в 5 человек.

Этот побег всполошил золотопогонную свору, вследствие чего батальонным командиром, сотником Дьячковым, был отдан приказ во что бы то ни стало найти пособников побега.

С приходом наших товарищей, партизаны получили несколько хороших работников и укрепили связь с батальоном, который, находясь на службе у калмыковцев, фактически служил делу революции и по первому сигналу мог дать 500 вооруженных людей.

За первой партией к партизанам ушло человек 10—12 специалистов службы связи, инструкторов по оружию, для ремонта винтовок и др., что также осталось безнаказанным.

Вскоре подполковник Ширяев предпринял «наступление» против партизан, окончившееся переходом части батальона, бывшего в «походе» и сумевшего захватить одно орудие и 2 пулемета. Партизаны в свою очередь перешли в наступление и под Муравьев-Амурским имели бой с бронепоездом «Атаман Калмыков», но потеряв 2-х раненых товарищей, отступили, наведя панику на «кошомное войско», как в насмешку они звали казаков.

В это время наши товарищи, ушедшие в сопки тоже не теряли времени и связались с партизанскими отрядами Анучино и Сучана в Приморье и отрядами, действовавшими против логовища Калмыкова—Хабаровска

Казачий круг.

Все это вместе взятое натолкнуло калмыковцев на созыв 8-го казачьего круга, который первоначально предполагался в Хабаровске, но в связи с волнениями в гарнизоне, был перенесен на Иман, где и открылся 17 или 19 января 1920 года.

Чтобы быть в курсе дела, я и четверо других товарищей (Солдатов, Петрушин, Синицин и Агафонов) через преданного нам хорунжего Плотникова, были назначены в качестве посыльных в распоряжение круга.

Работа нами была выполнена хорошо; через несколько часов после окончания заседания круга товарищи-партизаны уже получали полный протокол, прежде чем его успевали обработать секретари круга. Правда, это была крайне опасная работа, но результаты ее стоили риска, почему мы не задумываясь и приняли ее на себя.

За неделю до открытия круга, калмыковцами предпринимались попытки мобилизации казаков (старших возрастов), не увенчавшиеся, однако, большим успехом. Мобилизованные, повидимому, не обнаруживали большого желания воевать с партизанами. При первом же «походе» они разбежались по домам, оставив в руках «противника» два орудия, а оставшиеся бродили по городу, увеличивая растерянность царившую среди белогвардейцев, и в тоже время представляя богатый материал для нашей агитации.

Круг все время ждал приезда атамана Калмыкова, но, вместо него, явился полковник Савицкий, его правая рука, требовавший от круга полного и беспрекословного подчинения атаману, ведущему борьбу за «единство России», при поддержке дружественной Японии.

Но круг, уже информированный о событиях во Владивостоке, отнесся довольно холодно к призывам Савицкого, и даже находились такие делегаты, которые предлагали заключить мир с партизанами; к этому присоединялись и представители крестьян, приведенные белыми на круг из ближайших к городу деревень.

В то время, как на круге дебатировался вопрос о войне и мире между крестьянами и казаками, г. Никольск-Уссурийский был уже занят без сопротивления, т. к. мобилизованные части без выстрела перешли на сторону партизан. Иман сжимался полукольцом партизанских отрядов, увеличившихся до 2—3 тысяч бойцов и оставлявших белым два выхода—первый на китайскую территорию, без дорог и совершенно неудобную для передвижения, и, второй—на Хабаровск, ибо линия охранялась китайскими и японскими частями, с которыми партизаны не вступали в бой.

С получением сведений о падении Никольска, нам удалось склонить оставшихся казаков разъехаться по домам, что сделали также и казаки-артиллеристы, бросив оставшиеся четыре трехдюймовые пушки на произвол судьбы.

Когда Ширяев и Савицкий узнали об уходе казаков, они окончательно убедились в бесполезности сопротивления. Погрузившись на броневик ночью с 28 на 29 января, остатки калмыковской своры выехали из Имана. Были кое-какие попытки их задержать, но у наших ребят было только 12 винтовок и несколько бомб, что являлось, понятно, слабым оружием против броневика, тем более, что команда последнего не поддавалась разложению да и весьма строго охранялась офицерами.

Перед отходом калмыковского броневика была попытка взорвать путь около Иманского моста, но стоявшие там китайские солдаты помешали осуществить это предприятие, и поэтому бандиты избежали плена.

Бескровный переворот.

После ухода броневика с белогвардейцами, мы заняли станцию, выдвинув начальником гарнизона тов. Хренова—красного офицера, работавшего с нами с 17 года. В тоже время я повел переговоры с японцами и китайцами о пропуске в город партизан, против чего ни те ни другие не протестовали. Таким образом, власть в городе перешла к временному правительству в лице земства и представителей от партизан.

В распоряжении тов. Хренова было около 100 бойцов, вооруженных винтовками и гранатами. Еще до переговоров с японцами и китайцами, нами были арестованы белые офицеры и освобождены товарищи, арестованные по указанию Барышникова, адъютанта командира батальона Дьячкова.

Порядок в городе не нарушался, патрулировали наши товарищи, одев красные ленты на рукава, а также японцы и китайцы, относившиеся, казалось, безразлично к перевороту, ибо японские солдаты говорили «бурсука хоросе», а командование прямых ответов не давало, ссылаясь на неполучение директив от японштаба из Владивостока.

Для информации партизан был послан тов. Яковлев, а вслед за ним другой товарищ.

Днем 29-го января в город вступили красные партизаны, встреченные всем населением, как освободители от произвола и насилий палачей-атамановцев.

Встреча произошла за городом, с обеих сторон реяли красные знамена с лозунгами—«Вся власть трудящимся», «Да здраствуют Советы». С приветствием выступали наши

товарищи, земцы-эсэры и даже городской голова—чуть-ли не октябрист.

С пением революционных песен живописной толпой входили партизаны в город, окруженные толпой женщин и детей, вышедших встречать своих отцов, уходивших в сопки.

В этот же день вечером состоялся открытый митинг, на котором присутствовали представители партизан, рабочие и масса горожан.

Позднее ночью состоялось собрание ответственных работников, были распределены обязанности по управлению городом, армией и уездом, намечен план соединения с партизанскими частями в сторону Никольска и очищения района в сторону Хабаровска. Кроме того, было поручено т. Роне, Метц и мне развернуть партийную организацию, произвести регистрацию партийцев и приступить к выпуску газеты.

Назавтра мы приступили к выполнению своих обязанностей, и через два дня все пришло в относительный порядок, при чем газета, под названием «Рабоче-крестьянская газета», орган Иманского Комитета РКП, вышла на другой же день.

Наряду с оформлением партийных и государственных органов шла подготовка к созыву крестьянского съезда, который должен был закрепить достигнутые победы и установить форму власти.

Вскоре удалось связаться с Владивостоком и получить директивы центра, предлагавшие признать власть временного земского правительства, что partком и старался проводить.

Эсэров и меньшевиков не было слышно; хотя они в начале было и появились, но потом быстро сошли со сцены, так как при попытке выступления на митинге, их встречали свистом и криками: «Долой предателей»»

Крестьянский съезд.

Партком выделил ряд товарищей и бросил их в деревни, как для информации населения о происходящих событиях, так и для проведения выборов делегатов на уездный крестьянский съезд, который и состоялся в конце февраля 1920 г. в г. Имане.

Настроение съезда было ярко-советское, с уклоном в сторону максимализма, ибо ячейки наши на местах только что организовались и были слабы для того, чтобы четко

проводить линию, намеченную центром. Все же партийцам, бывшим на съезде, удалось провести резолюцию доверия Владивостокскому Земскому Правительству, но об организации земства в уезде крестьяне и говорить не хотели: «Мы дрались с калмыковцами и японцами под знаменем советов, земству не доверяем, оно опять подведет нас под казачьи плети,—мы признаем только Советы и им доверяем», так говорили крестьяне.

Прибывшие из Владивостока эсэры пытались выступать, но крестьяне не давали им говорить, и только вмешательство т. т. Думкина, Залуцкого и др. дало им возможность высказаться. Но когда дело дошло до предложения с их стороны организовать земство и начать подготовку к выборам во Всероссийское Учредсобрание, поднялась такая буря протестов, что эсэр, не кончив своей речи, вынужден был покинуть трибуну и снять свою резолюцию, которую он намеревался предложить крестьянскому съезду.

Съезд продолжался 3 или 4 дня и закончился избранием Совета, который выделил Исполком, под председательством т. Думкина. В состав исполкома вошли: тов. председателя—т. Петров, членами: Залуцкий, Подоба, Копьев и др.

Вся съездовская работа партийцев велась в полном контакте с Владивостокскими товарищами, получившими директивы партцентра, которые диктовали нам максимум осторожности и тактичности. Создание Советов было санкционировано Владивостоком, да иначе и не могло быть, ибо настроение крестьян было весьма и весьма приподнятое.

Работа по укреплению советвласти.

Началась горячая работа по налаживанию советского аппарата и закреплению партвлияния на крестьянство: создавались волостные и сельские советы, укреплялись комячейки.

К апрелю месяцу Амурская и Приамурская области уже были очищены от белых банд, и только Читинская пробка выделялась грязным пятном на территории Дальнего Востока.

Японцы также эвакуировались из Благовещенска и начали очищать Хабаровск. Казалось, что все идет к благополучному концу.

Японцы собираются уходить.

В конце марта и первых числах апреля начали носиться упорные слухи о том, что японцы готовят какую-то ка-

верзу, хотя в то же время в официальных кругах крепла уверенность в близком окончании интервенции. Японские части, стоявшие в Имане, ушли 1—2 апреля, забрав с собой резидентов-торговцев, парикмахеров и проституток.

Нужно, отметить, что нам удалось завязать кое-какие связи с японцами, как с рядовыми солдатами, так и офицерами, которые с большими предосторожностями посещали партком, и когда было объявлено им, что их везут домой, то один солдат пришел и сказал нам об этом. Кроме того, он сделал намек, что командование их к чему-то готовится и со своей стороны рекомендовал крайнюю осторожность по отношению к проходящим эшелонам. Нами это было принято к сведению.

Выпроводили гостей.

3-го апреля на ст. Иман из Хабаровска прибыл эшелон с японцами, в котором были исключительно войска, преимущественно пехота. Солдаты этого эшелона вели себя как-то подозрительно: начали патрулировать не только на станции, но пытались проникнуть в город, под предлогом боязни нападения со стороны города на эшелон. И только после решительного заявления начгара т. Хренова, что русская охрана в городе достаточно сильна и следовательно, причина боязни неосновательна, японцы прекратили свои попытки к «экскурсии».

После длинных переговоров, в течение которых гарнизон города стоял под ружьем и обложил территорию вокзала, японцы убрали патрули со станции, оставив только охрану около вагонов; но все же они держались как-то странно—просили убрать наши войска, что-то говорили о партизанах, и т. п. Чтобы скорее прекратить эту канитель, комендант станции, тов. Бородавкин, запросил японцев о времени их отъезда, на что получил ответ: «мы не знаем».

Наконец, часов в 8 вечера, к японскому составу был прицеплен паровоз, машинисту дали жезл, и поезд пошел. Японские солдаты кричали из окон: «бурсуки хоросо, стреляй нет, проссяй»... Командование тоже не протестовало, и все обошлось без инцидентов.

Выступление японцев.

После отхода японэшелона состоялось совещание советских, партийных и военных работников, т. к. из Владивостока уже начали поступать по телеграфу тревожные све-

дения, и еще совещание не закончилось, как было получено сообщение, что во Владивостоке неблагополучно. Хабаровск же сообщил о полном спокойствии, предупреждая о внутренней тревоге, т. к. и там японцы вели себя подозрительно. Совещание постановило призвать под ружье всех партийцев, назначить надежных командиров и военкомов в части войск, а также распределить работников в телеграфе и т. д.

Всю ночь провели мы в тревоге, так как Владивосток скоро перестал отвечать, и вскоре же замолчали Никольск-Уссурийский и Спасск; утром Хабаровск известил о выступлении японцев, а часов в 11 утра со станции Красная Речка товарищи информировали о событиях, прося подкреплений.

Иман располагал только двумя батальонами, при чем один уже был выдвинут в сторону Спасска; все же другой батальон был немедленно брошен к Хабаровску, а город охранялся партийцами и членами профсоюзов, добровольно ставшими под ружье.

В результате японской провокации 4—5 апреля 20 года вся территория от Владивостока до Хабаровска, за исключением Имана, оказалась в руках японцев.

Организация обороны.

Внезапное выступление японцев, разогнавшее только еще начавшие организовываться части Красной армии, ошеломляюще подействовало на население и даже панически настроило партийцев, уже переживших ужасы разгрома и подвергшихся гонениям со стороны чехов, японцев и калмыковцев. Но все же Иманский Уисполком стал во главе обороны. Прежде всего нужно было связаться с частями, стоящими под Хабаровском, что и было выполнено, а также проникнуть во Владивосток и выяснить на месте положение вещей.

Пока еще не была установлена связь с Владивостоком, среди ответработников, собравшихся на Имане со всего Приморья зародилась дикая мысль—распустить все наличные части, правда, потрепанные и панически настроенные, вывезти все ценности и оружие в сопки, взорвать полотно железной дороги и технические сооружения, организовать надежные базы в сопках и, набрав отряды, уйти туда, предоставив событиям развертываться своим порядком. С таким положением не соглашались товарищи, главным образом, попавшие на восток против воли, т. е. батальонцы и другие партработники, стоявшие на позиции центра.

Несмотря на их противодействие, некоторые из ответственных товарищей начали свертывать свои учреждения.... но полученные с Амура директивы через товарища Постышева и товарищей из Владивостока, прекратили этот сепаратизм. Вскоре был организован временный Революционный Комитет фронта, начавший сбивать части и направлять их под Хабаровск.

Колебания и неуверенность среди партийцев, не говоря уже об общей растерянности, требовали наиболее прочной связи, для чего, после одного из бурных собраний ответственных работников, были посланы т. Думкин на Спасский фронт, чтобы связаться с прибывающими из Приморья товарищами и попытаться установить связь с Владивостоком, и я—под Хабаровск, чтобы установить связь с группами войск правого и левого берега Амура, т. е. с товарищами Постышевым, Серышевым и Флегонтовым.

Как выполнил свое задание тов. Думкин, я точно не помню, (наверное, он восстановит этот пробел), а мне пришлось проделать большую работу.

Прежде всего нужно, было установить единую тактическую линию и способ борьбы, каковые не были установлены на Имане, получить информацию и директивы нашего партийного центра—Москвы.

По вопросу о тактике, на Красной Речке было созвано совещание командиров частей и ответработников, на котором и были приняты решения: «Ни в коем случае не распускать армии, а, наоборот, сбивать части и вводить строгую дисциплину. Связаться с Владивостоком и Благовещенском, чтобы получить от них информацию и директивы. Не допускать соединения японцев, находящихся в Хабаровске с Владивостоком и, если представится возможность, — овладеть Хабаровском. Никаких сепаратных действий и выступлений отдельных частей и групп не допускать». Такое постановление поддержало группу Иманских «оборонцев», как нас называли товарищи, сторонники ухода в сопки и роспуска армии и т. п. «революционных» действий, шедших в разрез указаниям центра и здравого коммунистического подхода к вопросам и задачам момента. Этому постановлению Иманские сепаратисты впоследствии подчинились и проводили его в жизнь.

На другой день была получена телеграмма от Тряпицина из Николаевска, которой он вызывал к проводу, чтобы передать директивы из Москвы, якобы полученные им. После короткого совещания в штабе для переговоров с

Тряпициным и получения через него директив Москвы, было выделено по одному представителю от армии, партизан и партии; персонально делегировались Сибирцев Игорь, Вредный и я. Мы тотчас же и выехали кружным путем в с. Князе-Волконское, где начиналась линия телеграфа, свободного от японцев.

Приехав в Волконку поздно вечером, сейчас же пошли на телеграф и вызвали Николаевск. К аппарату подошла Нина Лебедева, заявив, что Тряпицин лежит в соседней комнате и поручил ей вести переговоры. Прежде всего она справилась, есть ли между приехавшими Шевчук и, получив отрицательный ответ, долго молчала, а потом заявила: «мы едва ли с вами сговоримся». На это мы ей ответили, что сговориться, пожалуй, с нами гораздо лучше, так как мы представляем всю совокупность фронта, а главное, что линия наших действий будет зависеть от тех директив, которые получены Николаевском от Москвы.

Разговор тянулся целую ночь, но от Лебедевой не было получено никаких директивных указаний центра, были только такие фразы: «нам поручено умереть, но не сдавать Николаевска. Все фронты должны подчиниться тов. Тряпицину, ибо он связан с Москвой. У вас много гадов, бывших белогвардейцев, первый из них Булгаков-Бельский» и т. п.

Все-таки в результате бессонной ночи удалось выяснить, что у Тряпицина никаких директив нет, и что он просто хочет взять кого-то «на пушку», т. е., прикрываясь Москвой, проделать свое дело и выдвинуть себя командующим армиями Дальнего Востока. Кроме того, Лебедева обещала, что они пошлют нам патронов, в которых нуждался фронт, и не будут предпринимать никаких мер, не известив Амурского командования. На прощанье она категорически требовала, чтобы к аппарату были вызваны Шевчук, Изотов и Иванов— командиры партизанских отрядов.

Удалось ли Николаевску говорить с указанными товарищами, я не знаю, но надо полагать, что удалось, ибо дальнейшая тактика Шевчука носила характер явно инспирированный анархиствующими элементами.

Возвратившись из Волконки на Красную Речку, мы сделали, на основании подробных записей разговора, доклад штабу и ответработникам, находившимся там, причем было решено, чтобы локализировать влияние тряпицинцев, приглашение на провод Шевчуку и другим не передавать, ибо

их информация могла вызвать окончательный развал частей, а политработа наша была слаба.

Командование левого и правого берегов Амура готовилось к наступлению на Хабаровск, но чувствовалось, что оно будет неудачно, ибо дисциплина в частях, а особенно в партизанских отрядах, была слаба, хотя и чувствовался революционный подъем, но он не был организационно оформлен.

Лед на Уссури и Амуре слабел, переправа была очень опасна, а через несколько дней должен был наступить ледоход, который окончательно разобщит оба берега почти на неделю. Телефонная связь между берегами была, но часто обрывалась, а во время ледохода ее поддерживать было невозможно.

Получив такие сведения, я выехал на Иман, чтобы подробно информировать товарищей и оказать содействие в случае наступления на Хабаровск. По прибытии на Иман мною был сделан доклад узкому кругу ответственных партийцев, которые решили в тот же день вечером созвать собрание всех ответработников, находящихся в Имане, на котором и вынести окончательное решение по всем вопросам, выдвинутым общей обстановкой.

Прифронтовый комитет РКП.

Отсутствие тесной связи с Владивостоком и левым берегом Амура выдвинуло в порядке очереди вопрос о создании авторитетного партийного центра, который бы руководил всей работой по обороне от японцев и давал директивы работникам в области не только военной, но и хозяйственной, советской и других. Это вызывалось еще тем обстоятельством, что в Имане собрались члены исполкомов и парткомов Никольского и Спасского уездов, делегаты съезда трудящихся, собравшегося в г. Никольске-Уссурийском и разогнанного японцами, а также военные партийцы, руководившие работой в различных районах Приморской области. Нужно было заслушать информацию и обсудить положение дел под Хабаровском. Состоялось собрание, на котором был разрешен ряд важных вопросов, а также избран Прифронтовый Комитет РКП в составе 5 товарищей: Кокушкин, Роне, Пантелеев, я и Румянцев, причем последнему поручалось наладить партработу и руководство в частях армии.

На этом же собрании был намечен Ревштаб, также в составе 5 товарищей: Кокушкин, Слинкин Илья, Залуцкий,

Гинтовт и Андреев, причем последний в качестве командующего всеми вооруженными силами, находящимися на территории, свободной от японцев.

Собрание затянулось почти до полуночи, а утром были получены сведения о катастрофе на Красной Речке.

Краснореченская катастрофа.

Числа 25 или 26 апреля произошла катастрофа на Красной Речке, когда все войска, сосредоточенные под Хабаровском со стороны Имана, под давлением японских войск панически бежали, частью на левый берег Амура, а некоторые в сторону Имана. Своевременно принятыми мерами порядок был восстановлен, и японцам не дали возможности распространиться дальше, но Красная Речка осталась все же у них в руках. Это новое наступление вновь породило панику, еще усилившуюся тем обстоятельством, что временно прервалась связь с левым берегом Амура и Владивостоком. Снова началась спешка, подготовка к уходу в сопки, на котором настаивали, главным образом, т. Думкин и т. Залуцкий; другие же товарищи решили итти на соединение с Амурскими частями и продолжать борьбу с японцами, но сделать это только в крайнем случае, согласовав, если представится возможность, с парторганами Амура и Владивостока.

Связь наладилась.

Такая неопределенность длилась недолго, так как из Владивостока приехал тов. Холодов и другие, которые информировали о положении и передали директивы Владивостокского штаба партии. Началась лихорадочная работа по реорганизации войсковых частей, борьба с дезертирством и хищничеством, ибо были и темные личности, которые, пользуясь сумятицей, захватывали народное имущество и удирали с ним, кто куда—один в сопки, под видом партизан (Гурко и др.), а другие—за р. Уссури на китайскую территорию, с целью колонизировать Китай, организовав там коммуну, отойдя от гражданской войны.

Наметив линию работы и поручив проведение ее в жизнь Ревштабу, товарищи владивостокцы выехали дальше, с тем, чтобы передать директивы тов. Постышеву и Серышеву, работавшим на левом берегу Амура по организации и укреплению рядов Красной армии, сыгравшей потом крупную роль в деле очищения Дальнего Востока от интервентов и прочей белогвардейской погани.

С отъездом товарищей Холодова и др., благодаря правильно взятой линии, работа пошла во всех направлениях: началась заготовка продовольствия и снабжения для армии, развернулась под руководством тов. Румянцева политработа в частях Красной армии, широко наладилась работа по информированию населения через «Рабоче-Крестьянскую газету», а также выпуском специальных листовок, воззваний и т. п., как к населению, так и к бойцам.

Приближался день первого мая, который решили праздновать торжественно, так сказать, на зло врагам-японцам, которые окружили Иманский район, превратив его в советский остров на территории Приморья, занятого интервентами.

29-го апреля состоялось собрание всех коммунистов, находящихся в Имане и зарегистрированных Прифронткомом, которое также высказалось за широкий масштаб празднования первого мая, особенно после информации одного из членов Ревштаба о положении во Владивостоке, которое уже давало возможность учитывать, что японцы прекратят активные действия, заключат перемирие и дадут возможность перейти к мирным формам жизни.

Снова паника.

Наряду с здоровой атмосферой замечались и больные струйки, порожденные минувшей паникой, питаемые антиреволюционными элементами, которые распространяли слухи о том, что японцы вновь обманут коммунистов, устроят бойню и т. п.

На фоне этих беспокойств появились три товарища из Владивостока, якобы посланные тов. Кушнаревым, но, как потом выяснилось, просто удравшие из Владивостока. Они и внесли страшную сумятицу в ряды партийцев. Прибыли эти лица не по линии партии, а по административной и передали какую-то записку (карандашем на клочке бумаги) в Ревштаб, который, ознакомившись с ней и заслушав их доклад, решили собрать широкое совещание ответработников, вне зависимости от их партийности. Прифронтовый Комитет узнал об этой записке днем 30-го апреля, и трое его членов—Румянцев, Остапенко и я—настаивали на том, чтобы до вынесения информации на широкое совещание, обсудить и проработать ее на соединенном заседании Ревштаба и Прифронтового Комитета, но получили отказ с указанием, что записка и информация получена по административной линии и за могущие быть последствия отвечает Ревштаб.

В это же время получилась паническая телеграмма от командующего Спасским фронтом т. Шевченко, сообщавшая, что японцы начали наступление в сторону Имана (сведения эти, как выяснилось впоследствии, не отвечали действительности: японцы устроили только усиленную разведку, при чем разведчиков тов. Шевченко и принял за наступающую колонну).

Все это вместе взятое и настроило некоторых товарищей на панический лад. Другие относились с недоверием к «информации» трех малоизвестных в партийных кругах пареньков, пришедших из Владивостока, и не верили в то, что записка писана действительно тов. Кушнаревым, ибо он один не мог давать таких ответственных директив, не скрепив их подписью других членов штаба коммунистов; но не хотели затевать склоки, намереваясь выступить открыто на собрании, которое созывалось Ревштабом, и там попытаться образумить тех, которые поддались панике.

Собрание состоялось в 6 часов вечера 30 апреля. На него было приглашено столько народу, что трудно было что-нибудь сделать—преобладал партизанствующий элемент, который неохотно шел на организованные действия, не особенно любил дисциплину, которую начали вводить в армии, а также и организованный порядок в области снабжения, административного управления, командования и т. д. Оказались также и анархиствующие, не верившие в то, что удастся мирным путем договориться с японцами, распустить армию, создать партизанские отряды и уйти с ними в сопки, а как и что будут делать товарищи во Владивостоке и на Амуре, до этого им было мало дела. Сговориться с такой публикой было трудно, тем более, что и некоторые партийцы поддерживали их.

Удалось только отстоять проведение дня первого мая, как было намечено, да создание особого отряда из товарищей, желающих организованно итти на соединение с Амурскими войсками. Вносившие это предложение надеялись на то, что за этот день успеет прийти связь, которая была послана во Владивосток и принесет ясные директивы от штаба партии, словом, надеялись оттянуть время и не дать развалить работу.

Майский праздник.

Празднование первого мая превзошло ожидания его устроителей: огромный подъем среди населения и бойцов, оживленные лица детворы, организованно участвовавшей в

праздновании—все говорило за то, что наше дело на верном пути. А в душе скребли кошки: если не получим успокоительной информации, нужно уходить, оставив Иман на произвол судьбы...

Специальный номер «Рабоче-Крестьянской газеты», посвященный дню первого мая, читается на расхват, большое количество экземпляров отправлено под Спасск и к Хабаровску, где уже паника поулеглась. Но что делается под Спасском, еще не знаем... Празднование заканчивается митингом-концертом, на который собралось столько народу, что все не могли вместиться в зал Общественного Собрания, а утром вся площадь перед Исполкомом была заполнена толпой, желавшей услышать о том, что творится в направлении Владивостока. Точных данных не было, но информация давалась по источникам, вполне заслуживающим доверия. Паническое настроение массам не передалось, а это уже было хорошо, и мы надеялись, что все обойдется благополучно.

Результаты плохой связи.

Вечером получилась телеграмма, что части под командованием т. Шевченко отступили, хотя боев и нет, но не исключается возможность повторного наступления японцев. Эта телеграмма играет решающую роль: часть партийцев, пожелавшая ехать на соединение с Амурскими войсками, организуется в коммунистический отряд под командованием тов. Туманова (анархист) и его помощника тов. Хренова (коммунист) и, с ведома и согласия Ревкома, после обсуждения этого вопроса в Прифронтовом Комитете, выезжает из Имана по направлению к Хабаровску. Прифронтовый Комитет разделился: трое товарищей—Роне, Румянцев и я—выехали с отрядом, а т. т. Кокушкин и Остапенко остались на Имане: первый в качестве председателя Ревкома, а второй—попытаться установить связь с Владивостоком, откуда ожидался скорый приезд тов. Пантелеева. Кроме того, тов. Остапенко надеялся не допустить разрушений, чего в некоторых случаях ему и удалось достигнуть.

Часть товарищей, оставшаяся в Имане, обещала покинуть свой пост только в крайнем случае и тогда уже уходить в сопки, как того хотелось некоторым, вроде Гурко, который забрав все, что попало под руку, оставил линию дороги и ушел «партизанить», обнажив фронт Имана со стороны Спасска, чем нарушил связь с передовыми частями, бывшими под командованием тов. Шевченко.

Ночью с 1-го на 2-ое мая коммунистический отряд выехал по направлению Хабаровска, а в Имане началась подготовка к уходу в сопки и отправка частей, для переправы через Амур, на соединение с Амурской армией, ограждавшей подступы к Красному Благовещенску со стороны японцев, засевших в Хабаровске и со стороны «Читинской пробки» атамана Семенова и его друзей-японцев.

На Уссури.

Когда комотряд прибыл на ст. Верино, то выяснилось, что правильной переправы через р. р. Уссури и Амур нет, что наши части несут большие лишения по пути за Амур и, за отсутствием перевозочных средств, много ценного материала бросается на произвол судьбы.

Наладить переправы, собрать имущество, сколотить разрозненные части и уже организованным порядком направлять их в распоряжение Амурского командования—таковы были задачи, поставленные перед комотрядом, который, кроме того, должен был выполнять функции заградительного отряда, дабы японцы не устроили какой-нибудь пакости в районе Бешеной протоки и рек Уссури и Амура.

Числа 3 или 4 мая отряд выступил со станции Верино, забрав все имевшееся у него и подобранное по пути имущество, (телеграфные провода, шанцевый инструмент и т. п.), направляясь на станицу Аргунскую, куда и прибыл в тот же день, а вечером подтянулся и обоз, продвинутый крестьянскими подводами, собранными из окрестных деревень.

На другой же день было приступлено к обследованию местности и отысканию материала для устройства переправы, ибо выяснилось, что отдельные группы, пробиравшиеся за Амур, забрали у казаков лодки и куда-то загнали их. Выяснив возможность переброски частей и имущества на ту сторону Амура, приступили к постройке плотов и послали связь в лице тов. Роне и др. к тов. Постышеву, а также и на линию дороги, вплоть до Имана, т. к. получились сведения, что наши части стоят еще там, и что туда же перебрался штаб Булгакова-Бельского, который находится в распоряжении Ревштаба. Чтобы проделать эту работу, т. е. связаться с частями на линии дороги под Хабаровском и с Иманом, были командированы я и Крастин Адольф.

Задание, данное отряду, было выполнено с честью: построили плоты, собрали лодки; разрозненные группы, плетущиеся за Амур, задерживались, сбивались в роты и направлялись дальше. Тов. Барабаш, бывший завхозом отряда,

брал все имущество на учет и готовился к отправке его амурским частям, а некоторое, особенно то, в чем остро нуждалась Амурская армия, было направлено за Амур под охраной надежных товарищей.

Восстановление связи.

Посланная на Иман связь прибыла туда как раз в тот момент, когда там наладилась связь с Владивостоком и выяснилась картина переговоров с японцами, заканчивавшихся в плоскости июньского договора о «нейтральной зоне»—инкубаторе для выводки авантюристов. Но тогда было ясно одно: военные действия со стороны японцев прекращаются, —значит нужно поддержать Владивосток и установить единую линию действий.

После обсуждения сведений, полученных из Владивостока и заслушания директив, было решено немедленно же поставить в известность Амурское командование, чтобы согласовать его действия, а также и всех отрядов, находившихся на правом берегу Амура. Эта задача была возложена на меня и Крастина. Мы должны были немедленно выехать по направлению к Хабаровску, информировать о положении Владивостока части, стоявшие под Хабаровском, т. е. иными словами отряд Шевчука, через политкомиссара тов. Лободу, и, не задерживаясь, пробраться за Амур (по пути осведомив комотряд в Аргунском), информировать тов. Постышева, договориться с ним, выяснить точку зрения амурцев и вернуться в Иман.

Сейчас же по окончании заседания мы выехали по направлению к Хабаровску; прибыв на ст. Верино, узнали, что т. Лобода арестован Шевчуком, который настроен враждебно к Иманскому штабу, обвиняет Ревком в измене делу революции и т. д. После моей информации, которая была сделана на экстренном совещании ответработников Шевчуковского штаба, начала выясняться довольно неприглядная картина: Шевчук под влиянием анархиствующих элементов не склонен подчиниться Владивостоку и признать перемирие с японцами, не признает и не контактирует работу с военкомами; выяснилось также, что тов. Лобода при аресте был избит самим Шевчуком

Условившись с Шевчуком, что он до получения ответа от тов. Постышева не будет предпринимать никаких шагов и послав секретную записку Иманскому штабу о положении на Верино, я и Крастин выехали в Аргунское, чтобы оттуда пробраться за Амур.

Сделав краткий доклад ответработникам комотряда о положении Приморья и об отряде Шевчука, я вместе с тов. Тумановым и еще четырьмя товарищами из отряда выехал на лодке вниз по Уссури, по направлению к Казакевичево, где мы встретили тов. Сержанта с отрядом моряков, которые являлись передовым отрядом по охране побережий от японцев.

В Казакевичево встретились с представителем китайского командования, предлагавшего кое-какие услуги, но переговоров с ними вести не стали; получив от них информацию о цели их приезда, предложили им обратиться к тов. Серышеву и Постышеву, как представителям военного командования того района, о котором у китайцев шла речь.

В Казакевичево же мы встретили товарищей, которые ехали на правый берег от Амурского командования с целью завязать связь и получить информацию о Владивостоке, а также передать приказ Шевчуку, чтобы он подчинился Амуру и не нарушал работы Владивостока по переговорам с японцами.

Информировав товарищей о положении дел в отряде Шевчука и о ходе переговоров с японцами, мы выехали на лодке за Амур, а товарищи-амурцы направились на ст. Верино к Шевчуку.

Поздно вечером мы прибыли в деревню Орловку и по телефону связались с тов. Постышевым, который немедленно же выслал нам верховых лошадей и проводников-кавалеристов. В ожидании, пока прибудут лошади, попили чайку, поговорили с товарищами, несшими береговую охрану, благо попали знакомые ребята, и часов в 11 ночи, когда прибыли лошади, выехали на ст. Николаевку, где тогда стоял штаб и политотдел Амурских войск.

Расстояние в 12—14 верст покрыли часа в 2—3 и, несмотря на то, что была глубокая ночь, сразу же были приняты тов. Постышевым. Заслушав наше сообщение о ходе мирных переговоров и, не принимая категорического решения до согласования вопроса с Благовещенском, Амурское командование принципиально согласилось координировать свои действия с Владивостоком. Потом информировали нас о положении фронта, при чем тов. Постышев заявил, что он вслед за нами выедет на Иман, по пути приведя в повиновение Шевчука, если он будет продолжать «шебаршить».

В разговоре с тов. Постышевым выяснилось, что тов. Роне, посланный для связи комотрядом, не вернулся обратно, а остался работать в Тунгусском исполкоме, надеясь в

ближайшие дни пробраться в Иркутск, а там на родину—в Красноярск. Это было не единичное явление: многих красноярцев и вообще сибиряков, как партийцев, так и беспартийных красноармейцев, тянуло домой, и они под тем или иным предлогом выбирались с Дальнего Востока....

Часов в 7 утра мы выехали тем же путем обратно на Иман. Путешествие проходило без приключений, вплоть до ст. Верино, (Аргунское мы миновали), где произошло несколько событий.

Получив приказание Амурского командования о переброске своего отряда, Шевчук медлил выполнением, разводя демагогию: нужно, мол, умереть под Хабаровском—это долг революционера, Тряпицин действует правильно—давит гадов и проч. Кроме того, он задержал члена Ревштаба тов. Слинкина, собираясь судить «партизанским судом» его и товарища Лободу. Все это передали нам бойцы, когда мы с тов. Крастиным прибыли на ст. Верино, предупреждали нас, что, мол, Иван Павлович (Шевчук) и вас арестует.... Раздумывать долго не приходилось—нужно было действовать. Я направился в вагон Шевчука, где и нашел его в глубоком раздумье. Первым его вопросом было: «ты был у Постышева?» На что и получил ответ: «да был». Тогда он сказал, чтобы я перестал «волынить» и делал то, что он велит.

После этих реплик, началась длинная беседа с Шевчуком, любящим поговорить высоким штилем на тему о долге революционера и нашей тактике на Дальнем Востоке. В результате этой беседы Шевчук отдал приказ о выступлении отряда на левый берег Амура и о передаче арестованных т. т. Слинкина и Лободы в распоряжение Иманского Ревкома, но при условии, что я их сам должен доставить под конвоем в Иман и сдать в целости Ревштабу. На это, понятно, он получил мое полное согласие.

Не теряя времени мы попросили Шевчука дать нам паровоз с вагоном, чтобы скорее выехать на Иман и увезти арестованных. Наше желание было исполнено, и часа через полтора мы выехали из Верино вместе с тов. Слинкиным и Лободой, освободив их от конвоя партизан, чем последние остались довольны не меньше, чем и первые, ибо партизанам не хотелось отставать от своего отряда, а нашим товарищам хотелось поскорей избавиться от «гостеприимства» Шевчука.

На Иман приехали той же ночью, проведя в командировке 5 дней, в течение которых там выяснилось, что договор с японцами будет скоро подписан и что на днях при-

бывает из Владивостока русско-японская комиссия во главе с тов. Уткиным, чтобы проехать в Хабаровск и уже там на месте выяснить условия вывода наших частей в 30-ти верстную нейтральную зону.

Товарищи встретили нас весело, поздравляли с удачно выполненным поручением, а т. т. Слинкина и Лободу с освобождением от «Шевчуковского пленения». Тов. Холодов к этому времени тоже возвратился на Иман и после нашего доклада о поездке решил, в согласии с другими товарищами, чтобы успокоить волнующихся партизан и выяснить истинную картину, назначить следственную комиссию по выяснению деятельности Прифронтового Ревштаба. В комиссию вошли т. т. Рачковский, Волков, Селютин и я; по приезде на Иман тов. Постышева, он должен был войти в состав этой же комиссии в качестве председателя, а до его приезда надо было приступить к подготовительным работам. О создании комиссии и ее составе были широко оповещены не только войсковые части, которые стояли по линии Уссурийской дороги, но и находившиеся на той стороне Амура, т. к. различные слухи проникали повсюду, сея недоразумения и кривотолки по адресу Иманского Ревштаба.

Приезд т. т Постышева и Уткина.

Через день—два приехал тов. Постышев, с которым была установлена линия работы следкома, давшей такие результаты: фактических виновников не установлено, за исключением Гурко и Пешко, но они ушли со своими отрядами в Спасский уезд и начинать с ними борьбу на глазах японцев, не представлялось возможным; в отношении других товарищей рисовалась картина растерянности, а иногда поспешности и непродуманности действий, но без всякого злого умысла или корыстных целей.

К концу работ комиссии прибыл из Владивостока тов. Уткин вместе с японцами, которые везли директивы своего командования генералу Сиродзу, сидевшему со своими войсками в Хабаровске и как-раз в это время предпринимавшему наступление на Амурские войска, которые и дали ему хороший отпор в боях на Бешеной протоке и левом берегу Амура, выше Хабаровска верст на 30. В силу этих обстоятельств тов. Уткину задерживаться в Имане не приходилось, тем более, что тов. Постышев уже уехал к войскам, когда получились сведения о выступлении японцев. Тов. Уткин дал нам необходимые указания в работе и предложил, по окон-

чании работ комиссии, взять все материалы и привезти к нему в Хабаровск, возложив эту работу на меня и тов. Рачковского.

Перед отъездом в Хабаровск тов. Уткин предложил мне, от имени Владивостокского Бюро партии, взять на себя постановку газеты в Хабаровске и там же вести партработу в полулегальных условиях, считая, что я, как старый подпольник, справлюсь с этим делом. Согласие мною было дано, и, закончив работу комиссии дня в 3 или 4, мы вместе с тов. Рачковским выехали в Хабаровск.

Через японские цепи.

Последние дни в Имане проходили под знаком подавленности и уныния. Как бы ни диктовал разум, что тактика, принятая нами правильна, что она ведет к победам в дальнейшем, но чувство бунтовало против допуска японцев и их грязной тени -бочкаревцев--на территорию Советского Дальнего Востока. На этой-то почве иногда случались мелкие инциденты, в роде того, что бойцы отряда тов. Шнейдера не хотели одеть милицейских повязок и тянули в сопки. Но атмосфера была оздоровлена, и инциденты оканчивались разговорами, а делалось то, что приказывал штаб.

Перед нашим отъездом лишние части войск, по количеству превышавшие договорную цифру, были выведены из города за 30 верстную линию и расквартированы в Ракитинской волости; из них был впоследствии создан Ракитинский батальон, являвшийся сдерживающим началом против поползновений бочкаревщины проникнуть за нейтральную зону.

Работа следкома была закончена в первых числах июня (точных дат не помню), и мы с тов. Рачковским выехали в Хабаровск, имея при себе все документы, относящиеся к делу Ревкома и следкома.

Характерный случай: нам пришлось ехать в вагоне, который служил у Калмыкова походной тюрьмой, в «вагоне смерти», в котором было замучено атамановцами много наших товарищей. Стены еще носили следы сабельных ударов, а темные пятна от крови и целый ряд надписей говорили о нечеловеческих муках и предсмертном часе многих товарищей, имена которых были нацарапаны на стенах и сиденьях вагона, напоминающего внутренним устройством клетку для диких зверей (железные решетки, двери и т. п.)...

В такой обстановке доехали до ст. Корфовской, где узнали, что японцы хотя и пропускают в Хабаровск, но обы-

скивают, и если что найдут, то арестовывают и увозят в тюрьму. Это передал нам один мой старый знакомец—левый эсэр тов. Яковлев, побывавший в Хабаровске по делам Полетнинского кооператива. Он снабдил меня удостоверением от кооператива, а Рачковский достал где-то старое «земское» свидетельство, и мы, переночевав у товарищей, на утро двинулись по образу пешего хождения в Хабаровск.

Немного не доходя до станции «Красная Речка», встретили крестьянина, от которого узнали, что вот-вот приедет тов. Постышев заключать с японцами мир, после чего и поезда пойдут.

Получив такие сведения, мы направились прямо полотном дороги на «Красную Речку», но за 200—300 саж. до станции были остановлены японскими солдатами, среди которых был какой-то «тип», говорящий по русски. Японцы нас задержали, отвели к начальнику караула, а тот отправил нас к коменданту станции, который, по их словам, должен был опросить нас и, в зависимости от этого, или пропустить, или, если мы окажемся «бурсука», отправить в тюрьму.

Только что подвели нас к станционному зданию, как со стороны Хабаровска раздался гудок идущего поезда, а через несколько минут подошел и поезд. Среди японцев какая-то суматоха, мы пользуемся ею и подвигаемся к поезду. О, радость!.. На подножке вагона стоит тов. Постышев, сзади виднеются еще несколько товарищей. Я махнул ему рукой. Он заметил нас и подошел, и мы наскоро передали ему, в чем дело.

Во время разговора с тов. Постышевым к нам подошел какой-то японский офицер и стал ломаным русским языком докладывать «высокому комиссару», как он называл тов. Постышева, что мы желаем пройти в Хабаровск, и спрашивал нет ли препятствий к пропуску нас в город.

Тов. Постышев сказал, что он нас знает и считает людьми, не вредными для общественного порядка. Японец любезно засюсюкал, раскланялся с нами и заявил, что со стороны японского командования также не встречается препятствий.

Немного побродив по станции, мы встретили наших бойцов-связников, которые грузились на дрезину, чтобы ехать в Хабаровск для работ по восстановлению разрушенной телеграфной линии. Мы присоединились к ним и благополучно добрались до радио-телеграфной станции, а там уже пешком прошли в город.

На другой день мы встретили тов. Уткина, передали ему документы и дела следкома и разошлись каждый по своим делам. Я начал подготовительную работу по изданию газеты, а Рачковский был назначен в согласительную русско-японскую комиссию по приему русского имущества от японцев.

З. Матвеев.

СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ В ПРИМОРЬЕ.

Первой советской газетой в Приморье были «Известия Владивостокского Совета солдатских и рабочих депутатов». Газета начала свое существование в марте 1917 года. В Приморье противоестественный союз меньшевиков и большевиков продолжался дольше, чем в центре. Объяснялось это тактическими соображениями и недостаточной информацией со стороны руководящих центров. Однако, большевики, как политическая сила, действовали во Владивостоке самостоятельно, состоя лишь формально в РСДР партии. Такие деятели, как т-щи Нейбут, Суханов, Раев, Никифоров и др. на страницах «Известий» писали статьи, которые резко расходились с толкованием текущего момента соглашательскими партиями. С течением времени из редакции стали выходить один за другим меньшевики и др. группы, после чего газета стала определенно советской, а в ноябре 1917 г. она сделалась уже оффициальным органом местной советской власти.

В феврале 1918 года газета «Известия» была переименована в «Крестьянин и Рабочий», сделавшись объединенным органом Исполнительного Бюро Приморского Областного Совета крестьянских депутатов и Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов. Газета стала давать на своих страницах обширный информационный материал из местной и общероссийской жизни, пропагандируя вместе с тем советский строй и коммунистические идеи. В газете были выделены отделы—«Крестьянская жизнь» под ред. т-ща П. М. Уткина и информационный—на английском языке. Эта газета выходила вплоть до чехо-словацкого переворота (в конце июня 1918 года).

Второй советской газетой, единственно сохранившейся на протяжении последующих шести лет (за некоторыми перерывами), является «Красное Знамя» - орган, бывший так же, как и «Известия», вначале оффициальной газетой РСДР партии, объединявшей, как сказано выше, большевиков и меньшевиков. С самого же начала редактирования этой газеты

тов. Нейбутом она приняла вполне определенный большевистский характер. Меньшевикам, в конце концов, нечего было делать, и они ушли, основав свою газету.

«Красное Знамя» сыграло огромную роль в деле распространения советских идей и укрепления в массах коммунистических идеалов. Она выходила и после чехо-словацкого переворота в июне 1918 года, сначала легально, затем нелегально. Газета все время вела борьбу за лозунг «вся власть советам» против других местных соглашательских и буржуазных газет. Наиболее видными сотрудниками первого периода, вплоть до ухода «Красного Знамени» в подполье, были т-щи Нейбут, М. Губельман, В. Антонов, Прокопьев, К. Суханов, П. Никифоров, Гуляев и др., т. е. те же товарищи, которые сотрудничали и в упомянутых выше «Известиях».

После ухода в подполье редакция «Красного Знамени» пыталась издавать эту газету легально, но, выпустив несколько №№, она была вынуждена продолжать издание этого же органа под другими названиями. За короткое время вышли: «Рабочий», «Рабочий и Крестьянин», позже, а именно в период злейшей реакции, в 1919 году, выходили короткое время «Рабочий Мир» и «Труженик». Во всех этих газетах сотрудничали и товарищи, сидевшие в тюрьмах.

Кроме этих газет, в течение 1917—1918 г.г. выходили следующие советские газеты: «Бюллетень Объединенного Исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», «Бюллетень Стачечного Комитета», «Правда» (издание чехословацких коммунистов), «Известия Никольского Совета рабочих и солдатских депутатов»; в Хабаровске выходили до переворота 1918 г. «Дальневосточные Известия Рабоче-Крестьянского Правительства».

Из легальных органов, пытавшихся бороться с интервенцией и с реакцией за советовластие, необходимо указать подцензурную газету «Дальневосточное Обозрение» и журнал «Приморский Рабочий».

Нелегально выходили в 1918 и 1919 г.г. несколько газет, как печатных, так и литографированных и гектографированных, как в городах, так и в сопках. Так, выходили время от времени во Владивостоке—«Красное Знамя», в Никольске-Уссурийском—«Коммунист». Летом 1919 г., в с. Фроловке Сучанским районным штабом партотрядов на пишущей машине издавалась газета «Революционный Партизан» под редакцией Кл. Жук, которая сама же печатала эту газету на машинке. В с. Анучино штабом партотрядов Приморья издавалась в примитивной типографии ручным способом «в накатку» га-

зета «Рабочий и Крестьянин»—продолжение Владивостокского издания того же названия.

После свержения власти адм. Колчака, с февраля 1920 г. в Приморье появляются вновь советские газеты. Начинает выходить «Красное Знамя» под редакцией Н. Чужака при почти новом составе редакции, так как из прежних сотрудников одни были убиты, другие уехали. Из старых остались лишь т-щи Уткин, П. Никифоров и В. Антонов. В числе новых сотрудников были т.т. Луцкий, Цейтлин, Н. Белин и Климчук.

Своеобразные условия жизни окраины, находившейся в обстановке интервенции, и наличие белогвардейцев, живших при японцах вполне свободно, делали атмосферу все удушливее и удушливее. Реакция с каждым днем все выше и выше поднимала свою голову и открыто готовила переворот. Выступление японцев 4—5 апреля в Приморье, убийство тов. Уткина, Кустовинова, Андреева и др., засилие каппелевцев, несоциалистические съезды и господство японцев—все это создавало невыносимо тяжелые условия для работы, и только вера в свою правоту и в возможность объединения с РСФСР поддерживали местную советскую прессу. Более того, вокруг нее собрались лучшие журналисты и писатели, работающие теперь в Москве и Ленинграде.

Кроме «Красного Знамени» в период 1920—21 г.г., до каппелевского переворота, в Владивостоке выходили: «Дальневосточная Трибуна» (оффициоз), «Коммунист», «Военный Набат» (затем «Набат»), «Уссурийский Гудок» (профессиональная железнодорожная газета), «Крестьянская Правда», «Голос Учительства» и журналы: «Творчество» и «Рабочая Жизнь». В других городах Приморья издавались: в Никольске-Уссурийске—«Начало», орган осведом. отдела, «Рабочее Знамя», орган Ник.-Уссур. Ц. Б. Проф. Союзов; в Хабаровске—«Коммунист», «Голос Трудящихся»—орган Бюро Профсоюзов и военная газета «Вперед»; на Имане—«Рабоче-Крестьянская Газета».

Каппелевский переворот в мае 1921 года заставил снова перейти советскую печать в подполье. Только профессиональные организации могли еще издавать легальные газеты и журналы и то на короткое время.

Выходили советские газеты и в качестве беспартийных, организуемых группами сочувствующих, так как все советские деятели были или в тюрьмах или в сопках.

Все эти газеты беспощадно преследуются, берутся под цензуру, редакторы их привлекаются к судебной ответственности. Газеты же возникают все под новыми названиями

и в одно время, а именно летом 1921 г., почти беспрерывно разоблачают политику братьев Меркуловых и японскую интервенцию. Газета Центрального Бюро Профсоюзов «Рабочий» в июле 1921 г. напечатала на видном месте лозунги «Долой братьев Меркуловых!» и «Долой интервенцию!». Во время забастовки газеты призывали рабочих к выдержке и натиску совместно с Ц. Б. После этой газеты, закрытой за призыв к свержению меркуловцев, вышли газеты: «Голос Труда», «Металлист», «Труженик», «Голос Рабочего», «Молот» и «Рабочий Путь». Затем издавались преемственно группами журналистов при участии Ц. Б. Профсоюзов газеты: «Курьер», «Восточный Курьер» и уже в 1922 г.—«Мир».

Из журналов необходимо упомянуть «Грузчик», «Приморский Рабочий» и «Бюллетень Дорпрофсожа». Другие города Приморья, а именно Иман и Хабаровск, были вне сферы влияния каппелевцев и японцев (за исключением периода конца 1921 г. и начала 1922 г.), благодаря чему там была свободная советская печать.

Из нелегальных газет во Владивостоке и Никольске-Уссурийском в течение 1921—1922 г.г. издавались: «Красное Знамя» во Владивостоке и «Рабоче-Крестьянская Правда» в Никольске.

Партизанами также издавался в разное время целый ряд газет: в 1921 г. в гор. Ольга местным партгарнизоном на ротаторе издавалась агитационная газета под редакцией Т. П. Сикорского; в 1922 г. Сучанским штабом партотрядов издавалась газета «Красный Сучан» и в Анучино политотделом штаба партотрядов Приморья—«Красная Звезда» под редакцией т-ща Ковнера. Кроме них, в Приморье издавались еще партизанские газеты—«Партизанский Клич» и «Красное Знамя».

В течение 1917—1922 г.г. в Приморье издавались газеты РКСМ. Начало этим газетам положила «Трибуна Молодежи», поразившая смелостью и твердостью своих позиций еще в 1917 г., когда другие газеты были еще осторожны. Затем время от времени стали появляться и другие комсомольские газеты и журналы: в 1918 г.—«Молодой Бунтарь», в 1920 г.—«Юный Коммунист», затем вышло 2 номера журнала «Красная Молодежь», а с 1922 г. (сначала в сопках) стала выходить регулярно газета «Красный Молодняк».

1/10

II.

История революции и Р. К. П. на Дальнем Востоке.

И. Воронцов.

ПЕРВЫЕ ШАГИ РАБОЧЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ.

По освобождении из Иркутской тюрьмы в сентябре 1900 года, мне предложено было избрать местожительство по моему усмотрению, и я, воспользовавшись этим «правом», избрал г. Читу, куда в это время Управлением Забайкальской ж. д. производился набор рабочих разных профессий.

В читинских мастерских, где я нашел себе работу, мне вскоре пришлось познакомиться с маляром Иваном Горшковым. Горшков, самарский рабочий, еще довольно молодой человек (ему тогда было 24 г.) отличался серьезностью в своих поступках и деловитостью в разговорах, и, несмотря на свою молодость, прошел довольно суровую школу жизни и закалился в борьбе с самодержавным режимом. Не мог остаться он пассивным и в этот период своей жизни.

Вместе с ним мы стали подбирать кружок из более развитых рабочих. К выбору в кружок мы приступили очень осторожно, с достаточной долей конспиративности, так как оба имели в этом некоторый опыт.

Обыкновенно мы заводили с рабочими разговоры на разные невинные темы, следили за их поведением, узнавали, какие книги они берут в библиотеке, рекомендовали им прочесть ту, или иную книгу в роде Э. Золя «Углекопы», «Труд»; Джиованиоли «Спартак», повесть Ежа «На рассвете» и др. Затем проверяли впечатления от прочитанного и в зависимости от результатов вводили в свой кружок.

Таким образом, к концу 1900 года в наш кружок вошли: кузнец Зинченко, токарь Павел Киселев, слесаря Иннокентий Нешумаев и Костя Кузнецов, столяры Ян Раубе, Поломарь и др.

Считаю не лишним привести краткие характеристики членов этого рабочего кружка. Кузнец Зинченко ничем особенно не выделялся, старался держаться в тени, но в кон-

спиративных делах был смелый парень. П. Киселев был очень живой, смелый в суждениях, вступал в споры с администрацией и пользовался в своем цехе популярностью. И. Нешумаев был склонен скорее к кабинетной работе, читал много, восторгался прочитанным, но не умел передать другим своих знаний. Впоследствии он несколько лет работал в нелегальных типографиях сибирских с.-д. организаций. Костя Кузнецов тогда уже носил все задатки боевого революционера: горячий спорщик, страстный, порывистый в исполнении возлагаемых на него поручений, но плохой конспиратор. Я. Раубе сосредоточенный в себе литовец, несколько замкнутый, с уклонами к заговору, к террору и анархизму, решительный и всегда энергичный.

Нужно ли говорить, что все эти товарищи были искренно преданы рабочему делу, хорошо дисциплинированы и обладали высоким чувством товарищеской солидарности.

Этот основной кружок наш держался довольно сплоченно и конспиративно. Обуреваемые жаждой знания, мы читали и группами и в одиночку книги по вопросам рабочего движения и экономики. Помимо этого, мы отдавали должное и беллетристике: М. Горький, Лев Толстой, Тургенев, Достоевский, Решетников и др. были нашими наиболее любимыми писателями. Кстати сказать, многие из нас покупали книги, и у некоторых составились библиотечки.

Весною 1901 года накануне первого мая решили чем-нибудь ознаменовать пролетарский праздник. И вот, 30 апреля, поздно ночью общими силами была составлена первая прокламация к рабочим г. Читы. Написали ее в 3 экземплярах печатными буквами и той же ночью наклеили на самых видных местах в мастерских и депо. В этом рискованном деле принимали участие Зинченко, я и Нешумаев.

Надо сказать, что никто из нашего кружка не мог в то время назвать себя членом какой-либо партии. Хотя мы и знали о существовании с.-д. и с.-р., но подробно с ними еще не имели времени познакомиться. Поэтому мы и подписали нашу прокламацию: «Группа борьбы за освобождение рабочего класса».

Прокламация наша обратила на себя всеобщее внимание—не только рабочих, но и администрации мастерских и депо, а также и жандармов.

Среди рабочих прокламация вызвала оживленные разговоры и споры в течение всего рабочего времени. Рабочие сходились группами, а наши пионеры пользовались случаем и вербовали новые кадры революционеров.

С этого времени стали образовываться еще кружки, в которых мы являлись уже руководителями. Около этого же времени мы познакомились, или, вернее, в наш кружок вошел служащий О-ва потребителей Забайкальской ж. д. т. Ванштейн[1]), который как бы служил связующим звеном нашего кружка с городом, и через него мы стали получать коекакую нелегальную литературу. Это еще более оживило нашу работу по части уразумения многих, неизвестных нам революционных истин. Но все же мы еще несколько месяцев были предоставлены самим себе.

В 1901 году летом, работая в депо, я познакомился там с местным рабочим Никандром Дзержко, а через него с Минеем Губельманом (Емельян Ярославский).

Вскоре после этого знакомства мы с Горшковым стали посещать живших в то время в Чите народовольцев, из которых помню Г. Батогова, мужа и жену Диковских, Зундевич, Фриденсон, Фрефельд, Фейт, Яцевич и др.

На вечеринках у народовольцев собиралось много учащейся молодежи, большинство из них были революционно настроены, хотя тоже пока еще не примыкали к какой-либо партии. Среди них мы встречали Павла Иванова, Павла Пордана, Дмитрия Кривоносенко, Бронштейн, Малых, Александра и Татьяну Кузнецовых.

Вскоре после нашего знакомства с М. Губельманом последний явился для наших рабочих кружков первым учителем, организатором и первым интеллигентом, который и связал нас всех в первую с.-д. организацию.

Наш кружок пользовался большим влиянием на рабочую массу, руководил ею во всех выступлениях. Вступал в переговоры с администрацией мастерских и депо по всем вопросам рабочей жизни, смело защищал интересы рабочих и, конечно, навлек на себя серьезное недовольство администрации и жандармов. Но все же нас пока терпели, как говорится, до поры до времени.

Как-то рабочие вагонного цеха были недовольны неравномерными для всех расценками сдельной работы. Недовольство это то наростало, то утихало, с тем, чтобы вновь разгореться при новых фактах несправедливостей, но никто не решался поднять вопроса перед администрацией.

Наконец, наш кружок взялся за это дело. Была составлена прокламация, проредактирована и исправлена

[1]) Впоследствии был расстрелян Ренепкампфом.

т. Гублеьманом и по отпечатании на гектографе распространена по всем цехам ж.-д. мастерских.

Брожение среди рабочих усилилось и когда мы увидели, что почва достаточно подготовлена, мы вызвали мастера вагонного цеха инж. Малишевского и изложили ему наши требования. Дело обещали расследовать, а нас троих —Раубе, Поломаря и меня—назначили к увольнению. Но рабочие всех цехов бросили работу, пришли к конторе, вызвали начальника мастерских и потребовали нашего оставления, грозя в противном случае забастовкой.

Рабочие одержали победу. На завтра мы вышли на работу. Это была, кажется, первая победа рабочих в столкновении с администрацией.

Около этого же времени усилилось движение среди учащейся молодежи в связи с долетевшими до нас известиями о студенческих волнениях в России.

Мне не один раз приходилось принимать участие в печатании летучек и материалов о событиях в России в связи со студенческим движением.

Гектограф находился в то время в доме Н. Дзержко, в печатании этой нелегальщины принимали участие и все жильцы этого дома.

После поездки т. Губельмана, кажется в Иркутск, в 1902 году наша рабочая организация оформилась в организацию РСДРП. Некоторые из рабочих нашего кружка, как, например, Горшков и Зинченко ушли к эс-эрам, расслоилась также и учащаяся молодежь; тем не менее наша читинская организация РСДРП к 1903 году значительно окрепла и, несмотря на начавшиеся преследования жандармов, 1903-й и 1904-й годы следует отнести к наилучшим годам ее революционности, сплоченности и углубления работы.

Кроме того, следует отметить, что Чита была хорошей революционно-пролетарской школой для многих рабочих, которые в последующие годы рабочего движения играли довольно видную роль почти во всех городах Сибири.

Иннокентий Бабайлов.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЧИТА С 1905 ПО 1909 Г.

I.

В 1905 году.

Волна забастовочного движения и революционных выступлений докатилась до Читы 14-го октября. В этот день была объявлена всеобщая забастовка в железно-дорожных мастерских, депо и целом ряде учреждений: в правительственном телеграфе, на почте и в учебных заведениях города.

Часам к 11 рабочие Читы 1-ой начали собираться в вагонный цех на митинг. Часть рабочих в это время была занята выгрузкой винтовок из вагонов.

Скоро около мастерских показалась рота солдат под командой офицера Шпилевского, который приказал стрелять по рабочим, но солдаты отказались. Тогда Шпилевский собственноручно убил наповал из нагана первого, близко стоящего рабочего Кисельникова.

В этот же день, в знак протеста против зверской расправы над безоружными рабочими, была устроена многотысячная демонстрация в городе.

В день похорон учащиеся города шли на ст. Чита 1-ая, но за железно-дорожным мостом были настигнуты сотней казаков и избиты нагайками. Похороны не состоялись, а на следующий день число участвующих в похоронной процессии уже было так огромно, что она превратилась в грандиозную демонстрацию протеста против насилия приспешников самодержавия.

18-го октября был получен царский манифест, и вечером того же дня в общественном собрании был открытый митинг. 19-го октября после митинга в ж.-д. мастерских рабочие с красными знаменами двинулись в город для освобождения политических заключенных из тюрьмы.

Когда демонстрация вошла в город, то на Александровской улице встретила товарищей, уже освобожденных распоряжением губернатора. После этой встречи демонстранты остановились у дома губернатора, послав к нему делегацию с требованием дать телеграфное распоряжение об освобождении всех политических заключенных, содержащихся в тюрьмах Нерчинской каторги. На следующий день была избрана комиссия, которая и выехала на каторгу для освобождения политических заключенных.

В конце октября усиленно начали распространяться слухи о готовящемся погроме. Читинский комитет РСДРП выпустил воззвание, в котором призывал к организации самоохраны города.

В первых числах ноября читинская организация РСДРП поручила т-щу Григоровичу-Костюшко *) организацию рабочей дружины. С этой целью, под его руководством ночью человек сорок рабочих, членов РСДРП окружили склад Читинского железнодорожного батальона и взяли 2000 винтовок. С этого момента началась организация десятков красной гвардии, которые усиленно стали обучаться строю и ружейным приемам.

Старые местные власти совершенно растерялись, узнав о вооружении рабочих, но все же бразды правления старались держать в своих руках. По городу разбрасывались кем то черносотенные воззвания с призывом «бей жидов», но выступлений не было, т. к. черносотенцы всюду видели вооруженную рабочую дружину и ограничивались лишь распространением и расклейкой на заборах своих гнусных воззваний.

Вскоре к рабочему движению стали примыкать воинские части Читинского гарнизона, хотя в то время их было в Чите очень мало. Среди них велась довольно основательная работа с.-д. и эс-эрами.

Подпольные типографии с.-д. и эс-эров не успевали печатать прокламации, воззвания и проч. Тогда т-щ Григорович предложил производить эту работу в частных типографиях, путем захвата их. Он собирал группу вооруженных членов партии человек около 20-ти, которые ночью приходили в частную типографию, обрывали телефонные провода, занимали все выходы, и работа кипела до утра.

*) Т-щ Костюшко-Волюжанич находился в Якутской области в ссылке и бежал оттуда незадолго до событий 1905 г. В Чите он работал чертежником в жел.-дор. мастерских под фамилией Григоровича.

В этом же месяце был организован железнодорожный комитет по переброске скопившейся на Дальнем Востоке во время японской войны армии, которая своим реакционным настроением представляла не малую угрозу всему рабочему движению. Железнодорожный комитет выпустил воззвание, которым мобилизовал ж.-д. транспорт с целью усиления ремонта паровозов, вагонов, разгрузки линии, чтобы как можно больше и скорее отправить солдат на родину.

В половине декабря были разоружены жандармы и полиция, и власть перешла к Совету рабочих депутатов.

В декабре все время шли беспрерывные митинги. 14-го декабря в честь декабристов была устроена вооруженная демонстрация. Рабочая армия к этому времени довольно основательно обучилась строю, и 14-го декабря из ж.-д. мастерских две слишком тысячи рабочих штыков в стройном боевом порядке, с красными знаменами, двинулись в город, где и был устроен грандиозный митинг.

В половине декабря были получены известия из России и с Дальнего Востока о движении карательных отрядов Меллера-Закомельского и Ренненкампфа.

В последних числах декабря были получены сведения о падении Красноярска *) и Иркутска. Подробности рисовали ужасную картину расправы царских сатрапов с нараждающейся революционной властью. Читинский Совет рабочих депутатов выпустил воззвание, в котором призывал всех на защиту завоеванной кровью рабочих свободы. Для организации защиты гор. Читы был избран военный совет, во главе которого стоял т-щ Григорович.

С 1-го января в железнодорожных мастерских целыми днями шла военная подготовка. Снаряжались встречные экспедиции, которые, по постановлению военного совета, должны были взорвать линию и карательные отряды Меллера-Закомельского и Ренненкампфа. Началась работа по минированию мастерских, строились баррикады.

Утром 5-го января тревожный гудок призывал всех в мастерские. Я жил в городе и знал хорошо, для чего был дан тревожный гудок. Я тотчас же собрал все предметы, которые не следовало оставлять, взял винтовку, и сказал своим, что на этот раз, быть может, я больше не возвращусь, простился и ушел.

*) Сведения т-ща Бабайлова не точны: Красноярск пал 3-го января 1906 г. **Ред.**

К 5-ти часам вечера мастерские были переполнены вооруженными рабочими. Воинские части оставались на охране в городе. Организованный Красный Крест со всеми перевязочными средствами готовился к своей работе. К 11-ти часам ночи вернулись встречные экспедиции и заявили, что сделать ничего не удалось, т. к. впереди медленно двигающихся эшелонов линия охраняется цепью солдат на довольно большом расстоянии.

Положение создавалось безнадежное. Меньшевики начали настойчиво агитировать среди масс о бесполезности и нецелесообразности оказывать сопротивление. Председатель военного совета и другие товарищи-большевики стояли за то, что лучше умереть в бою с оружием в руках, чем позорно сдаться.

В два часа ночи разнеслась молва о побеге нескольких меньшевиков, членов Читинского комитета, во главе с видным в то время партийным профессионалом Николаем Николаевичем (кличка—Н. Н. Маленький). Эта группа соглашателей с вечера приготовила лошадей и в 2 часа ночи тайком позорно бежала. Это обстоятельство послужило главной причиной, почему рабочие отказались от сопротивления, и к 5-ти часам утра из двух слишком тысяч вооруженных рабочих осталось человек 50 большевиков и несколько человек эс-эров и меньшевиков.

Обсудив создавшееся положение, оставшаяся группа большинством голосов решила разойтись

Утром 6-го января прибыли первые эшелоны Ренненкампфа. Железнодорожные мастерские были оцеплены казаками и солдатами, но войти в них никто не решался. Власти боялись неожиданного вооруженного сопротивления. Только в 2 часа дня мастерские, наконец, были заняты.

Меллер-Закомельский дошел до станции Могзон, и дальнейшее движение его, по распоряжению высших властей, было приостановлено. На своем пути Меллер-Закомельский беспощадно душил революционную власть и расстреливал рабочих и служащих, как рассказывали, «пачками», заставляя перед расстрелом копать самих могилы.

После занятия читинских мастерских начались избиения и аресты. Военно-полевой суд открыл заседание и в первую очередь приговорил к расстрелу: т-ща Григоровича-Костюшко, начальника ст. Цуксмана, служащего Чит. ж.-д. о-ва потребителей Ванштейна и Столярова. Много служащих, рабочих и казаков были приговорены к 10, 15 лет и на вечную каторгу.

Расстрел т-ща Григоровича, Цуксмана, Ванштейна и Столярова был произведен на открытом месте, у подошвы Титовской горы.

Через несколько дней на могилах расстрелянных развивался красный флаг. Рабочие ходили на эти могилы и приносили с собой камни, укладывая их на могилы; из этих же камней было выложено «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Власти наблюдали за этим явлением и каждый день разбрасывали камни, стараясь стереть следы кровавой расправы с своими политическими противниками.

II.

Годы тяжелой реакции.

(1906—1907—1908).

После расстрела товарищей—Григоровича, Цуксмана, Ванштейна и Столярова и осуждения свыше 40 чел. на каторгу, работа в массах читинской организации РСДРП, вследствие полнейшего разгрома и гибели ряда активных товарищей, замерла.

Было тяжелое время. Черная реакция свирепствовала повсюду и царские опричники, торжествуя победу, злобно душили остатки революционных очагов.

Вести партийную работу было чрезвычайно трудно. В железнодорожных мастерских и депо рабочие, за исключением провокаторов и штрейкбрехеров, были все уволены.

Вскоре был объявлен новый прием рабочих, и через густое сито «политической благонадежности» активным членам читинской организации РСДРП попасть снова в среду рабочих было очень трудно; к тому же каждый поступающий вновь должен был, при приеме его, дать администрации подписку в том, что он отказывается участвовать в забастовках, собраниях, заниматься агитацией и пропагандой.

Массовый прием был закончен, и активных членов читинской организации РСДРП в мастерских не оказалось ни одного. Всякая революционная работа при таком положении была, конечно, затруднительна, тем более, что в вагонный цех поступило много старых активных рабочих, эсеров.

Наши товарищи, имевшие возможность поступить обратно в мастерские, никак не хотели согласиться дать подписку.

Помню, на одном из заседаний Читинского комитета этот вопрос обсуждался в течение нескольких часов, и в результате комитет постановил: все члены партии, имеющие возможность быть принятыми в мастерские, в интересах партийной работы, должны дать подписку и немедленно приступить к организации рабочей массы и выполнению других заданий комитета.

В первое время удалось поступить мне и еще трем товарищам. Все мы, подчиняясь решению комитета, считали, что данная нами подписка нас ни к чему не обязывает. и вскоре же начали проводить всю работу, возложенную на нас комитетом.

С наступлением весны и приближением первомайского международного праздника рабочих, начинается более оживленная работа нашей организации,—к этому дню мы насчитывали около 300 организованных рабочих.

Типография наша сохранилась и к первому мая была на ходу. Трудно было проносить в мастерские литературу, так как жандармское сыскное отделение выпустило целую стаю шпиков и провокаторов, которые следили за нами во всю. Кроме того, в проходной будке и у ворот мастерских всегда стояли жандармы, которые зорко наблюдали за проходящими рабочими и делали попытку подозрительных подвергать обыску, но мы ухитрялись надувать их. навьючив под одежду прокламации, и во время массового прохода рабочих, окруженные надежными товарищами. благополучно проскальзывали в мастерские. Бывало и так: около проходной будки устраивался скандал, жандармы сбегались наводить порядок, а мы в это время, нагруженные нелегальщиной, зная, в чем дело, спокойно проходили.

1-го мая в лесу был назначен митинг, собралось более 200 чел., но до открытия митинга появились казаки и в честь первого мая принялись угощать нас нагайками. Несколько человек были арестованы, а остальные рассыпались по лесу.

Несмотря на этот первый провал, массовые собрания устраивались в лесу почти каждый праздник и проходили довольно удачно.

В августе провели перерегистрацию, которая была вызвана, главным образом, появлением в наших рядах провокаторов, и после чистки были произведены перевыборы комитета. В новый состав комитета прошли в большинстве рабочие, определенно примыкавшие к большевистскому течению в партии. В это же время был организован районный

комитет Читы 2-ой, который объединял городских рабочих и учащуюся молодежь.

2-го марта 1907 года на могиле расстрелянных год тому назад товарищей -Григоровича-Костюшко и других- нашей организацией был устроен бо́льшой митинг, посвященный памяти борцов, преждевременно погибших в схватке с самодержавием. На этот митинг мы принесли сохранившиеся наши боевые знамена 1905 года.

С глубокой скорбью и уважением я вспоминаю о товарище Григоровиче и хочу отметить, что это был выдающийся и преданный делу партийный работник. Помню его слова, сказанные в последнюю ночь, в мастерских перед приходом Рененкампфа, рабочим: «Только с оружием в руках, через труп самодержавия и капитала, мы придем к социалистическому строю».

В половине 1907 года власти довольно основательно почувствовали нашу работу, в особенности после нескольких открытых митингов, устроенных около мастерских и в других местах.

Меньшевики в это время усиленно занимались ликвидаторской работой. Они считали революцию законченной и предлагали уничтожить подпольную организацию, чтобы вкупе и влюбе с буржуазией работать в новых, легальных условиях.

Но мы, большевики, совсем иначе смотрели на данное положение, наше поражение рассматривали, как временное, и считали, что революция еще только начинается.

Между тем реакция свирепела. Начались аресты активных работников, провалился склад нелегальной литературы, были взяты также запасные части печатного станка, штамп для членских билетов и старые комитетские печати.

Ядро активных работников состояло из пятнадцати человек, и к концу 1907 года тринадцать из них сидели в тюрьмах.

Впоследствии жандармами было создано так называемое «дело тринадцати», по которому многие товарищи получили каторгу и ссылку.

В мае 1908 года нам был вручен обвинительный акт по делу Читинского комитета РСДРП 1906 и 1907 г.г.

В числе тринадцати были следующие товарищи: Моисей Губельман, Вячеслав Неупокоев, я, Василий Чаплинский, Нахим Либерман, Захар Глейзер, В. Бороздин, С. Шергов, Мария Гоберник, Нодельман и другие.

Обвинение было предъявлено по 1 ч. 126 ст.

10-го июня 1908 г. выездная сессия иркутского военно-окружного суда, под председательством генерала Аракина, по делу Читинского комитета вынесла следующий приговор: Иннокентия Бабайлова подвергнуть лишению всех прав и состояния, в ссылку на каторжные работы сроком на 8 лет, Неупокоева—на 2½ года, Либермана, Глейзера, Шергова, Бороздина, Нодельмана—на вечную ссылку в Якутскую область.

Губельман и Чаплинский от суда уклонились и из общего дела были выделены. В 1910 г. они были арестованы в других городах и осуждены на 8 лет каторжных работ каждый.

Иван Бабайлов.

К ИСТОРИИ ЧИТИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП.

(с 1909 по 1923 год).

I. Торжество реакции.

Драконовский приговор выездной сессии Иркутского военно-окружного суда, вынесенный 10-го июня 1908 года по «делу 13-ти», завершил реакцию и мрачной угрозой повис над товарищами, оставшимися на воле. Это были самые тяжелые безотрадные дни для немногих уцелевших бойцов разбитой армии. В Чите осталась тогда маленькая группа из рабочих, жившая лишь воспоминаниями о недалеком, героическом прошлом и заботой о дорогих пленниках, заброшенных в тюрьмы.

Учащаяся молодежь, которая так оживленно и бурливо волновалась в дни общественного подъема, теперь примирилась с «отцами» и скрылась в учебные заведения.

Работники—профессионалы, бывшие авторитетом для молодого поколения революционеров, также отошли и занялись делами более мирными.

Одиночество, заброшенность и горечь поражения создавали тяжелое, почти безнадежное настроение.

Долетавшие до нас вести с каторги об отчаянной борьбе заключенных с бесчеловечным режимом одобряли и звали к борьбе... И каждый с гордостью думал: «Наши товарищи продолжают поединок»...

II. Возрождение организации.

Но вот группа мало-по малу оживилась, и в начале 1909 г., при наличии около 20 человек, постановила начать работу. За неимением типографии решено было пустить в ход мимиограф, который тогда находился у б. члена партии Щедровича. Начинающейся работой руководили два

товарища, высланные из России—«Павел» и «Александр». Однако, попытка возобновить работу и получить связь с центром успехом не увенчалась, т. к. т. «Павел» неожиданно был арестован, а мимиограф так мы и не смогли получить. Было еще несколько попыток в этом направлении, но и они также были безуспешными.

Осенью 1909 г. приехал в Читу т. Вас. Чаплинский, и нами был устроен летучий митинг под носом администрации — около проходной будки Читинских жел.-дор. мастерских. Неожиданность такого выступления всполошила жандармов, и они засуетились. Рабочие остались очень довольны и посмеивались над растерянностью жандармерии.

Мы, в свою очередь, продолжали вести работу, и к началу 1910 г. вполне окрепли для систематической партийной деятельности. К этому времени ядро нашей организации составляли следующие товарищи: рабочие ж.-дор. мастерских Ник. Кузнецов, Никон Осипов, Желтобрюхов, Мих. Истомин, Евгений Богуславский, фельдшер приемного покоя Даниил Карелин, типографский наборщик Исай Нахановичч, Виктор Алексеев, бежавший из ссылки т. «Александр» (фамилию его не знаю) [1]) и я.

Рабочими вагонного цеха была сделана типографская касса, т.т. Кузнецовым, Богуславским и Осиповым типографский станок; забота же о доставлении шрифта была возложена на меня и т. Исая Нахановича, как типографских рабочих. С этой задачей мы справились блестяще, изрядно пообидев типографию «Забайкальской Нови».

Оборудовав «технику», мы начали издавать прокламации. Конспиративная квартира в городе помещалась у т. Алексеева, и одно время на Дальнем вокзале у Ник. Осипова. На этих квартирах, помню, нами были отпечатаны прокламации: «Памяти казненных», «Не отдавайте детей в муштру к держимордам» (по поводу организации по городам пресловутых «потешных рот»), о режиме на каторге и ряд других.

[1]) Под кличкой «Александр» работал Георгий Кузьян, бежавший из административной ссылки, которую он отбывал в Нарымском крае, Томской губернии, и куда был выслан из Иркутска. Умер т-щ Кузьян в 1922 году на ст. Бочкарево, Амурской ж. дор., от чахотки. Болезнь помешала ему вступить в партию РКП (б.) и принять активное участие в ее работе. **Ред.**

Прокламации наши в условиях глухой реакции производили громадное впечатление и до известной степени способствовали поднятию настроения у рабочих.

Между тем приближалось первое мая, к которому мы усиленно готовились. Вследствие усилившейся слежки шпиков работать в квартире товарища Алексеева дальше было уже нельзя, и мы перебросили типографскую кассу на Дальний вокзал, где у т. Кузнецова или Осипова, хорошо не помню, целую ночь набирали первомайский листок. Перед этим мы получили из Женевы от ЦК воззвание, посвященное 1-му мая. Воззвание освещало текущий момент, было написано красиво и дельно, и мы решили его переиздать. В результате упорного труда, продолжавшегося всю ночь, набор был готов. Ранним утром, чуть рассвело, мы с т. Нахановичем, рекой Читинкой отправились в город, неся попеременно большой набор первомайского листка.

В этот же день предстояла перевозка «техники» на новую квартиру. Постоянным жильцом квартиры Комитет партии назначил меня и т. «Александра». Собираемся к перевозке, на дно телеги уложили наше «промышленное предприятие», а сверху разный домашний скарб и нарочно на видном месте пристроили иконы—«богородицу» и еще какую-то. Тронулись, а сами незаметно осматриваемся. Замечаем «наблюдателя» и начинаем «кружить». Подъезжая к квартире, увидели двух субъектов, выглядывающих из-за столбов. Положение «определилось». Мы быстро сворачиваем и направляемся в лес. Здесь моментально выгружаемся, все свое добро—богатство забрасываем ветками и, отойдя в сторону, наблюдаем. Прошло несколько солдат с винтовками. Идут, покуривают, нас не замечают. Убедившись в сравнительной безопасности мы пошли в город на совет.

Обсудив положение, все-таки решили листок отпечатать хотя бы и в лесу. К вечеру отправились. В виду исключительности обстановки «мобилизовались». К работе были привлечены, Никон Осипов, Евгений Богуславский, «Александр», и Б. Файнгольд. На всякий случай было захвачено два браунинга. Наскоро устроили шалаш, установили станок, и работа закипела. К утру же было готово несколько сот листков. Ночная работа в совершенно необычной обстановке была «занятна», и довольные удачей, мы много шутили. Но вот над нашими головами раздается голос: «Вы что, господа, здесь делаете?»....

От неожиданности — замешательство, а бывший на посту Б. Файнгольд отвечает: «А просто так, в гости приехали».... Выглядываем из балагана и видим лесообъезчика. Замечаем, что смутился и он. Картина же пред нами развернулась такая: в шалаше, (а он был у нас без крыши) лежат подушки в белых наволочках, одеяло, кое-какой скарб, а в средине всего этого на некотором возвышении «машина» и мы—в типографской краске, черные и замазанные.

Аллах его ведает, что он подумал про нас,—только повернул лошадь да ходу. Не задумались долго и мы: спрятав типографию в густой заросли леса, мы навьючили пожитки по горбушкам и тоже—ходу.

Но все-таки листки захватили и в этот же день вечером—дело было накануне 1-го мая—усеяли ими город и вокзал.

III. Провокатор Струнин.

Точно не помню, в апреле или в мае месяце 1910 г. в Читу прибыл некий Струнин[2]) (или Стронин — не помню). Он заводит знакомство с лицами, имевшими касательство к членам нашей организации и, называя себя представителем ЦК партии, через них старается проникнуть к нам. Одновременно Струнин завязывает связь с существовавшей тогда в Чите группой анархистов, предлагая им динамит и бомбы. Обо всем этом мы случайно узнали, и насторожились.

Однажды ко мне приходит человек, рекомендует себя студентом-технологом и подает записку, написанную на папиросном листке членом партии Мих. Гринец, находившимся в Читинской тюрьме. Помню содержание записки было такое: «Предъявитель сего «Сашка», хороший товарищ, может быть использован для кружковой работы».

Я понял, что товарищ Гринец обманут, и всячески старался отделаться от неожиданного гостя. А он между

[2]) Провокатор Петр Струнин еще в 1908 году сделал попытку спровоцировать ново-николаевских товарищей с.-д. (б.), сидевших в Томской тюрьме с целью создания процесса об областной сибирской организации. Однако, благодаря осторожности товарищей, провокация Струнина была установлена, и об этом тогда же товарищи сообщили по всем тюрьмам и сибирским с.-д. и с.-р. организациям, а также ЦК с.-д. партии. Читинские товарищи, очевидно, об этом не были хорошо осведомлены. **Ред.**

тем предлагает шрифт, деньги, литературу и настаивает ввести его в организацию. Я же одно: «произошла ошибка, я о партийной работе представления не имею».

Как потом выяснилось, Струнин с особой целью был заключен в тюрьму: он надеялся, познакомиться там с Гринец и получить через него связи с нашей оранизацией. В тюрьме он пробыл всего лишь неделю.

Вопрос о Струнине я поставил в Комитете, который поручил мне продолжать начатую мною политику в том же направлении, при чем в виду возможной засады принимать шрифт и литературу Комитетом было запрещено, но от обещанных Струниным денег (он обещал передать организации 300 руб.) постановлено было не отказываться. Струнин был у меня раз пять и каждый раз просил меня допустить его на заседания Комитета. Я продолжал гнуть свою линию. Обещанных денег, литературы и шрифта я так и не видел.

Не сумев проникнуть в нашу организацию, Струнин создал самостоятельную «с.-д. организацию», в которую втянул портного Кулакова и К. Долгова. На квартиру первого он привез типографский станок, и в тот же день пришли жандармы, тов. Кулакова забрали и создали дело о «преступном сообществе». После этого Струнин из Читы выехал.

Провокаторская роль Струнина стала известна тюрьме, и коллектив политических заключенных разрешил т. Кулакову сделать заявление прокуратуре, распоряжением которой Струнин был «арестован», но затем, конечно, его «освободили».

IV. Аресты и остановка работы.

А работа нашей организации шла тем же темпом. После описанного первомайского «пикника» мы «спрятались» и месяца полтора не работали. Летом решили возобновить издательскую деятельность, и с этой целью запрятанную типографию перевезли за реку Ингоду, где в густом черемушнике, вдали от дороги, снова обосновались. Здесь было выпущено три или четыре листка. С каждым выпуском деятельность шпиков увеличивалась, и каждый активный работник был под особым вниманием охранки.

В августе 1910 г., после выпуска одного из воззваний, в городе было много обысков,—искали, очевидно, типографию. Во время обысков арестовали тов. Нахановича и

меня. Несмотря на всю осторожность, в злополучную ночь на наших квартирах оказалась литература и еще кое-что.

Однажды вечером, спустя четыре месяца после нашего ареста, уже после поверки с шумом открывается дверь камеры, и к нам вводят вновь арестованных, около 15 человек. Среди них были Ник. Кузнецов и Евгений Богуславский. Ник. Кузнецов был в приподнятом настроении, и, входя в камеру, с веселой улыбкой приветствовал нас: «Здорово, товарищи!» Все новые арестанты были рабочие читинских жел.-дор. мастерских. Арест произошел на почве подготовлявшейся забастовки.

После этого мы поняли, что партийная работа в Чите заглохнет надолго....

V. Возобновление работы.

Группу арестованных рабочих вскоре освободили. Т.т. Богуславского и Кузнецова отправили на ссылку в Нарымский край. Мы же с т. Нахановичем, отбыв по году крепости, 15-го сентября 1911 г. вышли на волю. Через несколько дней пошли в гости на Дальний вокзал к рабочим—партийцам. Настроение и обстановка благоприятствовали работе, и мы начали подумывать об возобновлении ее. После первого «крещения» были осторожны, как волки. Подготовлялись исподволь и осторожно. Надо было заново делать типографию, доставать шрифт и проч., так как старая «техника», зарытая в землю, испортилась, а шрифт затерялся. Мало-по-малу «обзаводимся»: вагонный цех изготовил типографскую кассу, сборный станок, а мы с Нахановичем достали шрифт. Вместе с этим завязалась хорошая связь с типографскими рабочими. Дело подвигается, но к издательству литературы все еще не приступаем. За этот период времени организация поддерживает связь с каторгой и ссылкой. С каторги (из Горно-Зерентуйской тюрьмы) от т. Иннокентия Бабайлова получаем информацию о режиме и героической борьбе заключенных.

VI. Организация профсоюза рабочих печатного дела.

Петербургская рабочая печать, распространяемая организацией, оказывает большое влияние на настроение типографских рабочих. К тому же в Читу прибыл очень хороший профработник, типограф т. Гурьянов. Идея орга-

низации профсоюза среди типографских рабочих приобретает все больше и больше популярности.

В марте месяце 1913 года в Кузнечных рядах*) устраиваем нелегальное организационное собрание союза, на котором присутствует около 25 человек рабочих. Избирается организационное бюро в составе 5-ти человек. Наряду с этим намечается план издательской деятельности партии. «Техника» уже оборудована и помещается в квартире молодого члена партии, Аврелия Нонява. В листке, отпечатанном в новой типографии, освещаются ужасы каторги, и рабочие призываются к забастовке-протесту.

VII. Опять аресты.

Но нам не удалось выполнить намеченную издательскую программу Комитета: на другой день после распространения листка все активные партийцы уже были в тюрьме. Арестовано было человек 20, по преимуществу типографских рабочих. Большинство из них были вскоре освобождены, а из остальных — Гурьянов выслан за пределы области, Кривоносенко — в Томск под главный надзор полиции, Анна Кнохт (ныне меньшевичка) сослана в Баргузин, мы с т. Нахановичем в бессрочную ссылку в Киренский уезд.

При жандармском допросе нас поража удивительная осведомленность об организации союза и в особенности о собрании типографов.

После, уже будучи в тюрьме, мы стали подозревать, что эта осведомленность охранки исходила от некоего А. Э. Однако, я не предаю эту фамилию гласности, т. к. наши подозрения основывались на данных чисто психологического свойства. В опубликованных же списках Читинских провокаторов в 1917 г. я фамилии этой не встречал.

Так в глухую пору реакции, читинские рабочие создавали свои боевые организации и с необыкновенным упорством расчищали путь для грядущей социальной революции.

---

*) Район города Читы, расположенный в западной его части.

М. П—ский.

ЖИЗНЬ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. И. КРИВОНОСЕНКО.

(Записано со слов его матери П. С. Кривоносенко).

Медленно гаснут вечерние сумерки. Еще лежит снег, еще скованы льдом реки, но уже ощущается легкое дыхание весны.

Быстро идем с т. Н. по улицам г. Читы. Вот Сунгарийская улица. «Здесь»—говорит т. Н. и открывает ветхую калитку.

На улицу выходит старый домик в три окна, во дворе также старый, приземистый флигель, немного дальше ветхий сарай. Двор запущен. Часть флигеля занимает Парасковья Семеновна Кривоносенко. Постучались. Через несколько минут мы уже пользовались гостеприимством П. С., еще бодрой и жизнерадостной старушки. Под седеющими бровями быстро бегают умные глаза, блестят житейским опытом, былью прошедших времен.

Задаю ей несколько вопросов, на которые она быстро отвечает.

Да, этот домик в три окна, этот флигель, этот сарай— историческое место. Член РСДРП (б) Дмитрий Иванович Кривоносенко с 1903 года превратил дом своих родителей в место сходок, собраний, подпольной работы. Здесь же в 1905 г. был военно-револ. комитет, здесь были схвачены в 1905 г. тов. Григорович и др., расстрелянные в 1906 г. Ренненкампфом; здесь пряталось оружие, динамит; этот дом был явочной квартирой, пересыльным пунктом. Так было до февральской революции. И уже после февральской революции, во время атамановщины, оставшись одна, старушка П. С. скрывала у себя политических работников, членов РКП.

П. С. вспоминает участников подпольной работы: т. т. Григоровича, Вайнштейна, Цуксмана, Захара Бермана, И. Владимирского, М. Губельмана, Зарембо, Нахановича, Бабайлова и др. Всех с материнской любовью она награждает ла-

сковыми эпитетами, иногда называет клички некоторых товарищей. Вспоминает отдельные факты и эпизоды из боевой жизни организации, как, напр.,, подготовка к взрыву читинской тюрьмы в 1905 г., экспроприация в 1906 г. в Чите в общественном собрании и др. Придя домой, я сел записать все, что осталось у меня в памяти от беседы с П. С.

И встали перед моим взором образы погибших героев, товарищей, которые делали первые шаги в деле организации партии в Забайкалье, накопляли опыт и затем своею славной, геройской смертью овеяли этот опыт. Вот тов. Григорович, (он же Костюшко-Волюжанич), вот Вайнштейн, Столяров, Цуксман, пом. н-ка ст. Чита 1, который отцепил вагоны с оружием и динамитом для соц.-дем. организации. Все они погибли на революционном посту, расстрелянные Рененкампфом в 1906 г.

Вот встает образ революционера-мученика Д. И. Кривоносенко... Мать не плачет. Она гордится геройским подвигом сына, его стойкостью, его смертью за великий идеал человечества—коммунизм.

Кривоносенко Дмитрий Иванович родился в 1885 году, 13 октября, в г. Чите, Забайкальской области и воспитывался в своей семье, где он с первых дней своей более или менее сознательной детской жизни мог видеть лишь нищету и страдания. Все это запечатлелось в его чуткой детской душе.

Когда ему исполнилось 6 лет, отец его был назначен на должность фельдшера в Акатуйскую тюрьму. Вместе с отцом и Д. И. пришлось поехать в Акатуй.

В Акатуйской тюрьме в то время были заточены народовольцы Петр Филимонович Якубович и Лев Владимирович Фрефельд. Эти два человека обратили внимание на ребенка и часто в своих разговорах с ним в форме, доступной детскому пониманию, говорили ему о страданиях народных, о палачах-тиранах и о стремлении к социализму. Таким образом, в душу Д. И. было брошено первое семя борьбы за свободу. И семя это пало на добрую почву.

Прошло несколько времени, Д. И., благодаря стараниям своего отца и собственным способностям, попадает в первый класс гимназии. Здесь он добывает революционную литературу, хватается за чтение ее и уже с 3-го класса начинает проявлять свою революционную деятельность.

В гимназии, где он учился одним из первых, его революционное воззрение на жизнь было уже замечено. Будучи

в 6 классе, он собирает сходки на своей квартире. Однако, с шестого класса ему пришлось покинуть гимназию навсегда. Причиной этому было следующее обстоятельство: губернатор Надаров устраивает бал для гимназистов и гимназисток, но с условием, чтобы ученики-евреи не были допущены на бал. Ученики по поводу последнего делают собрание, на котором выносится постановление: «Раз не допускаются на вечер наши сотоварищи по гимназии, евреи, то не ходить всем». Постановление это было выполнено только 20 человеками из 6—8 классов, в том числе и Дмитрием Ивановичем, за что все эти 20 человек были исключены из гимназии с «волчьим билетом».

С этого момента мой сын окончательно вступает на путь революционной борьбы с царскими приспешниками и отдается ей безраздельно.

С 1903 г. мой сын с товарищами (в то время учениками Читинской учительской семинарии)—Губельманом Моисеем, Иорданом Павлом, Либерманом Нахимом и Весниным Федором организуют подпольную типографию, они приобретают типографский станок, и начинают издание нелегальной литературы. В это же время мой сын завязывает сношения с заграницей, где в то время находились многие революционные деятели. Это дает ему возможность пополнять свои знания по вопросам борьбы за социализм. Таким образом, работа их продолжалась до 1905 года.

В начале 1905 года приезжают в Читу из центра России трое революционеров (фамилии их я сейчас не помню), они сходятся с моим сыном и начинают усиленным темпом вести подпольную работу. Для этой цели моим сыном нанимается квартира на окраине города (по Зейской улице). В этой квартире в первый же день была устроена сходка, но жандармы как то узнают про это и все организаторы работы арестовываются, кроме моего сына, который уцелел только благодаря случайности. Во время ареста завязывается перестрелка с полицией, и из числа арестованных было несколько человек ранено и избито до того, что из полицейского карцера их везли просто как трупы, навалив на телеги.

Оставшиеся не арестованными, во главе с моим сыном, решили отомстить романовским наймитам: они усиленно повели агитацию. Мой сын, воспользовавшись тем, что мы, его родители, доставляли молоко в военные лазареты для раненых, сблизился с ранеными и вообще с военными и стал засыпать их прокламациями и вести среди них агитацию

Он завязал с солдатами тесную дружбу и часто приглашал их к себе на квартиру под различными предлогами: поминки брата, погибшего в японскую войну и проч. Здесь он брал у них шинели, набивал карманы и обшлага их революционными прокламациями, иногда надевал их на товарищей по организации (семинаристов и гимназистов) и отправлял последних распространять прокламации по городу Чите и воинским частям.

Иногда же он открыто распространял нелегальную литературу, как это было, например, 23 апреля 1905 года. В этот день он пошел гулять по Амурской улице (ныне Александровская) и открыто, направо и налево, стал раздавать прокламации. Действия моего сына были замечены городовым Дворянчиковым, но последний не решился арестовать его. Наконец, нашелся смельчак, городовой Пнев. Он подошел к моему сыну, остановил его и стал требовать, чтобы он прекратил свои действия и выдал ему прокламации и оружие. Все это происходило против магазина Колеш. В это время все прокламации были уже розданы, а оружие сын отдавать не соглашался и, вынув револьвер, сказал городовому: «Я не могу отдать его вам, т. к. он отцовский». Городовой ухватился за револьвер и рванул его к себе, раздался выстрел и городовой был ранен. Набежала полиция и публика, и сын мой был арестован, о чем нам сейчас же сообщил его товарищ Иванов и предупредил, чтобы все было спрятано.

Обыск вскоре нагрянувшей полиции не увенчался успехом, т. к. все, что можно было спрятать, было спрятано, а остальное сожжено.

Сын мой был заточен в Читинскую тюрьму, предполагался приговор его к смертной казни, но благодаря тому, что он стал симмулировать психически больного, а мы, его родители, и его товарищи помогли ему в этом, упросив врачей признать его больным психически,—суду не удалось приговорить его к смертной казни.

Из тюрьмы мой сын был освобожден народом в 1905 г. Сразу же по освобождении из заключения он, совместно с Григоровичем и с матросами-шмидтовцами, организовал в нашем доме военно-революционный комитет. Во главе этого комитета стояли Григорович и мой сын. Вообще нужно сказать, что наша квартира с 1903 года была конспиративной квартирой для революционеров, как бежавших из тюрем, так и бывших на воле. Здесь они находили себе приют, снабжались паспортами и поддерживались материально.

Но вот после 1905 года надвинулась черная реакция, появились карательные отряды. Под кару в первую голову попали Григорович, мой сын и матросы-шмидтовцы.

Дело было так: военно-революционный комитет созвал рабочих и мастеровых и вместе с ними вынес постановление не пускать дальше Читы карательный отряд генерала Рененкампфа и бороться с ним до последних сил.

Но в решительную минуту, при приближении отряда Рененкампфа масса разбежалась и остался только Григорович, мой сын и человек 20 матросов. С такими силами сопротивляться было, конечно, невозможно, поэтому мой сын предложил оставшимся укрыться от карательного отряда. Григорович и один из матросов категорически отказались укрываться и заявили, что они лягут костьми, но укрываться не будут. Тогда мой сын всех согласившихся укрыться отвел на кожевенный завод Клеша, снабдил их паспортами, всем необходимым и отправил в тайгу, сам же вернулся к Григоровичу, который находился в нашем доме, уже оцепляемом целой ротой солдат.

В доме находилось всего 9 человек. Вначале думали отстреливаться, но потом решили, что им против целой роты солдат и полиции не устоять, попрятали оружие и сдались. Сын мой опять был заключен в Читинскую тюрьму, а Григорович с другими товарищами был расстрелян.

Из тюрьмы моего сына направили в Казанскую психиатрическую больницу. Через месяц после всего происшедшего был арестован и мой муж, как участник создания военно-револ. комитета и приговорен к смертной казни, но благодаря моим ходатайствам и ходатайствам людей, сочувствовавших делу освобождения народа, смертная казнь была заменена вечной каторгой. Сыну же моему, чтобы спастись от смертной казни, пришлось снова симмулировать психически больного.

По приезде в Казань мой сын был помещен не в больницу, а в пересыльную тюрьму и заключен в темный карцер, где царские слуги издевались над ним. Узнав об этом только через два месяца, я возбудила ходатайство о переводе его в больницу и поехала в Казань для того, чтобы хоть чем нибудь облегчить участь его. В июле 1906 года он был отправлен обратно в г. Читу и я, приехав в Казань, не застала его там, а догнала на обратном пути в Челябинске и при встрече не могла его узнать, т. к. он был страшно истощен и измучен в пересыльной тюрьме гор. Казани. По при-

езде в Читу, сын мой, по моему ходатайству, через некоторое время был выпущен под мое поручительство.

По выходе из тюрьмы в 1907 году сын мой сейчас же начал революционную работу, привлек к работе т. т. Таранова, Сенотрусова, Золотухина и др., но по доносу провокатора Имермана Ильи (он же Надов), иркутского жителя, сын был арестован вместе с названными товарищами за работой на типографском станке. Нагрянувшая жандармерия выломала двери, разворочала пол и потолок, избила арестованных, забрала станок и шрифт. Дмитрий Иванович содержался до 1909 г. в Читинской тюрьме, а Таранов, Сенотрусов и Золотухин были сосланы в Якутск.

С 1907 года по 1909 сын мой содержался в Читинской тюрьме и вместо того, чтобы быть выпущенным на поруки, по заключенйю врача психиатрической больницы, Жданова, был отправлен в Томскую психиатрическую больницу. В дополнение своего заключения врач сообщил, что Д. И. склонен к побегу и что его нужно держать как можно строже. Благодаря такому отзыву врача Жданова в больнице для моего сына был установлен тяжелый режим, который довел его до того, что он стал просить меня прислать ему стрихнину, чтобы кончить самоубийством.

Читинский суд для того, чтобы запутать дело моего сына и чтобы держать его в заточении, умышленно послал дело в Петербург и только благодаря моим хлопотам через члена Гос. Думы Волкова, дело было найдено, и в 1912 г. сын был выпущен на поруки.

По выходе из заточения сын принимается опять за революционную работу вместе с товарищами Нахановичем Исаем, Бабайловым Иваном, Кнохт Нютой и тремя гимназистками: Нанява, Васильевой Серафимой и дочерью моей Антониной.

Вследствие того, что они не могли достать своего печатного станка, прокламации набирались в типографии Бергута, где служил некто Эдельштейн Александр, который узнал об этом и сообщил жандармерии, указав также и фамилии работников.

В марте 1913 года вечером сын мой арестовывается при разбрасывании прокламаций на Троицкосавской улице, а Нахановнч и Бабайлов на дому, остальным удалось скрыться. Сына посадили до выяснения в 4-й участок, на попечение знаменитого начальника участка Белимова, где его, допытываясь, подвергали истязаниям и довели до такого состояния, что на другой день сестра его не могла узнать и. не вы-

держав, обругала Белимова варваром, за что была также арестована и вместе с братом препровождена в тюрьму, где помощник начальника тюрьмы Панасюк встретил моего сына, как старого знакомого, всевозможными оскорблениями, за что в свою очередь, сын обозвал его подлецом, чем под лил масла в огонь.

Сестру же Антонину в присутствии надзирателей переодели в арестантскую одежду и посадили в уголовное отделение для большего впечатления, потом перевели в карцер.

Сына ужасно избили и посадили также в холодный карцер, где он объявил голодовку. Он проголодал 12 дней, лег и больше не мог уже подняться. На поверку поднимали его надзиратели, становили к стене и если он падал, его били, сопровождая всю эту операцию самой отборной матерной руганью.

Врач Жданов, чтобы поддержать организм сына, начал вводить ему искусственное питание, при этом также всячески оскорблял. При вводе искусственного питания работа делалась так неумело, что у сына выступала кровь, и его уносили в карцер в бессознательном состоянии. На 13-й день голодовки тело начало разлагаться, изо рта шла кровь, куски мяса отваливались от щек. Но доктор Жданов всеми силами старался сохранить жизнь.

Сестре, сидевшей в одиночке, сообщили, что брат Дмитрий умирает. Сестра объявила также голодовку. На четвертый день к ней пришли царские палачи—Жданов и Панасюк, стали уговаривать начать есть, говоря, что она еще так молода. Антонина ответила им: «все равно умирать когда нибудь надо, но вам не поздоровится за ваши дела». Тюремщики нагло спросили, почему им не поздоровится. Антонина продолжала: «мы с братом не одни. За нами целая рать угнетенных, которая отомстит за нас»... Тогда тюремщики звонят по телефону ротмистру Булох и спрашивают, что делать с Кривоносенко, так как он умирает, а сестра продолжает голодовку. Ротмистр с испуга послал жандарма за матерью, дали мне свидание, стали уговаривать меня, чтобы я уговорила сына есть, уговаривал меня и Панасюк, который раньше несколько раз прогонял из тюрьмы, а передачу отбирал и отдавал солдатам тюремной стражи. На 14-й день голодовки сына бегу в тюрьму и вижу, как Дмитрия вытаскивают на руках тюремщики, думала, что несут просто мертвого человека, завернутого в арестантский халат. В комнате для свидания поставили его на ноги, потом поставили стул и, усаживая, приговаривали: «садитесь, Дмитрий Ивано-

Д. И. Кривоносенко.
(Убит в Томске 24 мая 1918 г.).

вич». Вижу—руки и ноги висят, как плеть, голова на груди, веки закрыты, лицо, как сажа, черно. Мне приказали не плакать, не говорить палачам грубости, а только просить сына, чтобы он ел. Желая оставить сына в живых, я стала просить его начать есть. Чуть слышно сын ответил, что ему все равно умирать, и просил меня уйти. Через некоторое время я подала прошение губернатору Кияшко с просьбой перевести сына в больницу. Просьба моя была удовлетворена, а 2 мая мне было разрешено взять сына и я увезла его на прииск Шумова, где его отец был бухгалтером. Но Панасюк и Белимов не успокоились, учинили ходатайство перед Иркутским генерал-губернатором Князевым и сына в начале июня выслали в Томск.

В Томске началась голодная, полная лишений жизнь. Службы не давали, даже запрещала полиция брать какую-либо работу. В 1914 году сын торгует газетами. В это время он завязывает знакомство с солдатами и ведет среди них работу. Вскоре он встретился с Нахановичем и Бабайловым, бежавшими из Киренска, организовали типографию и принялись за работу. В 1916 г. сын поступил в редакцию газеты «Утро Сибири», где и служил экспедитором до февральской революции. В начале 1917 г. Наханович и Бабайлов были арестованы. За сыном и т. Нанява была установлена слежка.

В 1917 году после переворота сын приехал в Читу повидаться с родными, но в начале сентября этого же года был вызван товарищами в Томск, где и занял пост комиссара по борьбе с контр-революцией.

В 1918 году сын мой при исполнении служебных обязанностей был убит белобандитами в Томском женском монастыре.

Приложение № 1.

В ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ПРАВЛЕНИЕ.

Читинской мещанки
Прасковьи Семеновны
Кривоносенко.

Прошение.

Представляя при сем прошение на имя господина министра юстиции, которым ходатайствую перед его высокопревосходительством об отмене определения Читинского окружного суда об отправке содержащегося в Читинской тюрьме больного сына моего Дмитрия Иванова Кривоносенко в Казанскую психиатрическую больницу, имею честь покорнейше

просить Областное правление о направлении представляемого прошения по принадлежности и впредь до распоряжения господина министра по означенному прошению отправкою в Казань сына моего Дмитрия Ивановича Кривоносенко приостановиться. О распоряжении Областного правления по сему прошению прошу мне объявить. Ноября 28 дня 1906 г. Чита, Сунгарийская ул., соб. дом, Прасковья Семеновна Кривоносенко. По безграмотству ее и личной просьбе расписалась Галина Семеновна Бахарева

Приложение № 2.

ПРОТОКОЛ

Совещательного Присутствия Врачебного Отделения Забайкальского Областного Правления № 1819.

Совещательное Присутствие Врачебного Отделения в заседании своем 30 марта 1913 г., согласно приказа военного губернатора Забайкальской области от 29 марта 1913 года, свидетельствовало содержащегося в Читинской тюрьме в порядке охраны Дмитрия Кривоносенко на предмет определения его умственных способностей.

Свидетельствуемый Кривоносенко 28 лет от роду, свидетельствовался около семи раз при военных и гражданских окружных судах. Лежал в Чите, Томске и Казани в психиатрических больницах; в Чите врач Жданов признал, что Кривоносенко страдает душевною болезнью «психическая генерация». В Томской Окружной больнице его признали душевно-больным не опасным для окружающих.

Свидетельствуемый среднего роста, хорошего сложения, ослабленного питания, слизистые оболочки бледны, язык сухой, немного обложен. Зрачки немного расширены, реагируют на свет правильно. Ушные мочки приросшие. Прогнатизм и небольшая ассиметрия лица. Звуки сердца чисты, границы сердца нормальны, пульс 112 ударов в минуту. Легкие нормальны, органы брюшной полости тоже нормальны. Производит впечатление человека крайне ослабленного. Вытянутые руки несколько дрожат, красный дермотографизм ясно выражен. Кожные и сухожильные рефлексы повышены. Кожная чувствительность, все виды ее не расстроены. Свидетельствуемый находится в сильно угнетенном и подавленном настроении. Желает покончить с собой. Несколько дней ориентируется в окружающем, память сохранена. Свидетельствуемый довольно многоречив и резонер. Говорит, что он воин революционной армии, что если кровь прольется, то она будет отомщена; говорит о загробной жизни.

На основании вышеизложенного Совещательное Присутствие Врачебного Отделения полагет, что Кривоносенко страдает душевною болезнью «психическая дегенерация». Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Врачебный инспектор, доктор медицины (подпись).

Сверял делопроизводитель (подпись).

Приложение № 3.

ХРОНИКА

(Из Томской газеты «Знамя Революции» от 26-го марта 1918 г.).

В женском монастыре. 24 мая город был сильно взволнован выстрелами, раздававшимися со стороны женского монастыря. Обыватели были очень перепуганы, по городу шли самые нелепые слухи о разграблении монастырского имущества, драгоценностей, о расстрелах и пр. Деятельно поддерживаемые темными личностями, слухи разростались в нечто чудовищно-фантастическое. Произошло это по поводу реквизиции излишка хлеба и трех коров в монастыре для нужд детских приютов, которые ощущали острый недостаток в молоке для маленьких детей. Губ. Испол. Комитетом было отдано полномочие на реквизицию в женском монастыре части огромного запаса хлеба и нескольких коров председателю союза увечных воинов. Последний явился за два дня до этого в сопровождении нескольких инвалидов для реквизици, согласно ордера испол. комитета. Когда они прибыли в монастырь, ворота оказались запертыми. 24 мая уполномоченный снова явился для реквизиции, но монастырь и на этот раз оказался запертым. В это время у[illegible]вляющего делами исполнительного комитета Орлова была делегация от монахинь. Орлов вызвал уполномоченного по реквизиции к телефону. Уполномоченный поехал в ближайшую квартиру, где есть телефон, для переговоров с Орловым. Когда он вернулся обратно в монастырь, калитка была уже открыта. Увидев с его стороны твердое намерение произвести реквизицию, монахини подняли невероятный шум и вопль, крича: «антихристы пришли грабить православную церковь» и бросились к набату. Священниками, монахинями и разными темными личностями велась в толпе деятельная агитация. Тут было и несколько человек студентов, заведующий духовной консисторией. Все они разжигали народ. На уполномоченного набросилась толпа и избила его. Из толпы начали раздаваться выстрелы, стреляли и священники. Пострадало несколько человек. Количество пострадавших до сих пор выяснить не удалось, но во всяком случае оно не превышает четырех человек с обеих сторон.

В это время прибыл отряд конных красноармейцев, который оцепил монастырь и сад, находящийся напротив. Толпа разбежалась. Несколько человек было арестовано. В монастыре был произведен обыск и конфискация оружия. К вечеру все утихло. Отряд караульной команды остался всю ночь охранять монастырь. В городе после этого население еще долго не могло успокоиться. На площади Революции и около спасского монастыря собирался народ и горячо обсуждал происшедшее. При этом не было недостатка во лжи, клевете, пускаемых противниками сов. власти. Вечером сборища растаяли.

Смерть Кривоносенко. В Совет приехал помощник главного комиссара красной гвардии и сообщил, что в женском монастыре толпа открыла стрельбу по красногвардейцам. Кривоносенко и его помощник В. Нанява решили расследовать это дело, захватили с собой два карабина и две бомбы, отправились в штаб красной гвардии, где им сообщили, что в монастырь уже отправились два или три автомобиля и 50 человек из караульной команды. В штабе они оставили оба карабина и остались вооруженными только револьверами. У Кривоносенко было только 8 пуль, у Нанява 4 пули. Захватив двух конных красногвардейцев, они поехали к монастырю. Около ворот была довольно большая толпа, которая встретила их молчанием. Но во дворе толпа, увидев их загоготала и закричала: «Вот этот самый главный! Убить их!» Тут только они увидели, что во дворе нет ни советских автомобилей ни красногвардейцев. От двух конных красногвардейцев, которые приехали с ними, толпа их оттеснила и начала наседать с угрожающими криками. Кривоносенко выстрелил два раза в воздух, толпа отхлынула, но из нее раздались выстрелы. Одним из выстрелов был ранен в ногу Кривоносенко. Оба красногвардейца уехали по другим воротам за подмогой, а Кривоносенко и Нанява стали пробираться к воротам, которые толпа бросилась закрывать. Пришлось отстреливаться, при чем были убиты три мужчины и одна женщина. Кое-как выбрались за ворота, Кривоносенко снял шапку, которая ему мешала и отступал, опираясь на руку своего помощника. У него уже не осталось пуль. У Нанявы была только одна пуля в запасе. Из толпы все время стреляли и вскоре Кривоносенко упал убитым. Нанява отбежал шагов на 20 и, оглянувшись, увидел ,что из толпы отделился один, подбежал к упавшему и выстрелил в упор. У Нанява была разбита камнями рука и он с трудом мог прицелиться и пустить последнюю пулю в стрелявшего. Толпа погналась за Н. В это время показался конный красногвардеец и под его прикрытием Н. успел скрыться. Труп Кривоносенко был вскоре поднят членами Красного Креста при Красной гвардии и отправлен в мертвецкую. На трупе оказалось много сабельных ударов.

М. Губельман.

К ИСТОРИИ Р. К. П. НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ.

Лет 20 тому назад, в г. Чите существовала маленькая соц.-дем. группа, во главе которой стоял, теперешний секретарь ЦКК РКП, т. Ярославский. Хотя эта первая здесь группа РСДРП была и малочисленна, тем не менее она работала довольно энергично, и ее влияние распространялось далеко за пределы Забайкалья.

Кроме соц.-дем. организации, в Чите в то время не было революционных объединений, несмотря на то, что Забайкалье издавна представляло собой место ссылки революционеров.

Я помню, когда в г. Чите впервые стали организовываться передовые рабочие Читинских железно-дорожных мастерских и депо: т.т. Киселев, Нешумаев, Костя и Федор Кузнецовы, Смирнов, Зазуля, Ваня Кочергин, Никандр Дзержко и многие другие.

Трудно себе представить теперь всю тяжесть такой работы в условиях неослабного наблюдения жандармерии за каждым сколько—нибудь развитым и выдающимся из общей среды рабочим.

Мы могли собираться лишь тайно и то с большими предосторожностями. Партийная работа затруднялась, благодаря отсутствию необходимой литературы и слабой связи с российскими центральными организациями. Материал для агитационной и пропагандистской работы вследствие этого нам приходилось добывать из газет, журналов и других легальных изданий того времени, обрабатывая все это в необходимом для нас направлении.

Первый раз мы собрались у т. Нешумаева, и на этом первом собрании был намечен план работы. У нас образовались группы на ст. ст. Хилке, Могзоне и др.

Насколько вообще трудна была наша работа, можно заключить из того, что тогда многие опасались не только вступления в революционную организацию, но боялись

даже взять в руки прокламацию. Так, между прочим, было с тов. Борисом Шумяцким, который в то время был приказчиком. Он избегал с нами всяких сношений, связанных с революционной деятельностью, но мы, видя в нем незаурядные задатки, втянули его все-таки в работу организации и из него вышел впоследствии крупный работник.

Самодержавие в дальнейшем само невольно позаботилось об усилении нашей организации.

Как известно, в 1902—1903 г. г. волной прокатились беспорядки в России. Товарищи, сосланные за эти беспорядки в Сибирь, рассказывали нам о положении дела в России, рисовали яркую картину того, что творилось самодержавием, и это служило великолепным материалом для революционной работы среди рабочих.

Во время революции 1905 г. наша организация проявила большую энергию в деле освобождения товарищей, томившихся в разных тюрьмах Забайкалья, так, напр., от имени организации была послана группа товарищей в Акатуй, где они потребовали освобождения всех матросов с транспорта «Прут», которые отбывали там каторгу, и, несмотря на то, что посланных товарищей было очень немного по сравнению с количеством стражи тюрьмы, администрация освободила матросов. Затем были освобождены с Керзи многие товарищи, участники так называемого «Романовского восстания» в г. Якутске, которое было протестом против политики самодержавия.

В 1904 г. меня послали на Шилку организовать группу. В Шилке с моим приездом удалось привлечь в организацию почти всех рабочих.

Но вскоре здесь появился провокатор Григорьев, благодаря которому было арестовано несколько товарищей. Один раз Григорьев пригласил меня к себе на совещание. Я пошел с одним товарищем. Мы были вооружены и, рассчитывая на засаду, решили оказать вооруженное сопротивление. И действительно, только мы зашли, как Григорьев закрыл двери на крючок, и из соседней комнаты вышли жандармы. Благодаря только чрезвычайной силе, которой обладал пришедший со мной товарищ, нам удалось спастись бегством. Товарищ был настолько силен, что когда он ударил в дверь, то крючок был сломан, двери открылись, и мы бежали.

Нас все-таки потом поймали и арестовали. После нашего ареста Григорьева нашли убитым.

В 1905 г. организация была сильна несмотря на то, что в г. Чите была прифронтовая полоса. Нами была проведена июльская забастовка, окончившаяся полной победой. Вторая забастовка была проведена в октябре месяце, при чем она длилась до всеобщей забастовки. Когда рабочие вышли на улицу со своими требованиями, вся администрация была ошеломлена. Но вскоре она спохватилась и издала приказ, запрещающий всякие собрания.

15 октября 1905 г. офицером Шпилевским был убит рабочий Кисельников. Страшное возмущение охватило Читу, и она решила вся выйти на улицу и торжественно похоронить убитого товарища.

17 октября по гор. был расклеен приказ генерал-лейтенанта Холщевникова и генерал-майора Карцевич за № 441: «Так как меры кротости и увещания не привели к водворению спокойствия в городе, предписываю всем начальникам частей действовать на точном основании гарнизонного устава».

В ответ на это 18 октября с утра из Читы на Дальний вокзал потянулись массами члены нелегально организованных союзов и учащиеся группами по 50, 100 и 200 чел. с красными лентами и флагами. Впереди шли учащиеся. Навстречу учащимся выехали казаки под командой есаула Беспалова, которому был отдан приказ не допускать толпу на Дальний вокзал. Казаки встретились с учащимися и потребовали, чтобы они разошлись, но когда те не подчинились этому требованию и продолжали путь, то отъехавшие было казаки повернулись и галопом бросились на детей, при чем многие учащиеся в возрасте от 11-ти до 17 лет, были избиты нагайками и потоптаны лошадьми.

После этого возмущение вылилось в массовое выступление. Вся Чита вышла на улицу. К протестантам присоединились еще и выехавшие из соседних деревень казаки, дети которых учились в городе и также были избиты и потоптаны казаками есаула Беспалова. Городские жители, матери учащихся, бесстрашно подходили к казакам и говорили им, что они совершили преступление над детьми, и призывали их во имя оставшихся дома своих детей не слушать приказов царских палачей и вести борьбу не с детьми, а с царским самодержавием, этим главным виновником всех бедствий в стране. Перед нами стена солдат с ружьями, взятыми на руку, мы подходим к вокзалу. Вдруг раздается звучный голос тов. Бермана: «Товарищи казаки и солдаты!

Вы не смеете мешать рабочему классу сказать свое громкое слово. Идите вместе с рабочими. Уберите винтовки!» Многотысячная толпа лавиной прорывает стену шинелей и только начальство, во главе с генералом Карцевым, удирает с площади... Масса движется с красными флагами и пением революционных песен по улицам города.

Генералы, которых побили в 1905 г. японцы, захотели одержать победу над рабочими. Когда ген. Рененкампф двинулся со своей экспедицией в Читу, Читинская организация постановила взорвать поезд Рененкампфа. Но Рененкампф, предугадывая это, поставил один свой вагон среди десяти вагонов с заложниками—нашими товарищами, и нам пришлось отказаться от своего решения взорвать поезд.

Приведу пример воспитания царскими генералами солдат. Однажды вызвали 18 полк расстреливать рабочих. Боевой полк, имея хороший офицерский состав, отличавшийся в боях, отказался расстреливать рабочих. Тогда вызвали 17 полк, бывший в тылу, так называемый «Георгиевский полк», и он исполнил поручение, за что каждый солдат получил в награду полфунта колбасы. С той поры этот полк прозвали «колбасниками». В другой раз вызвали этот же полк для расстрела рабочих, полк исполнил и это поручение, получив в награду на каждого солдата по полфунта сахару.

После 1905 г., с наступлением реакции, работать стало еще тяжелее, но это нас не останавливало, приходилось только удваивать осторожность и много тратить сил на конспирацию.

В 1907 г. меня взяли на военную службу и зачислили в 18 полк. Служить в полку мне пришлось недолго. Здесь была вскоре создана организация и меня вместе с другими товарищами арестовали.

После этого многие годы вплоть до 1917 г. я пробыл в разных тюрьмах и на каторге.

В декабре 1917 г. мы приехали в г. Хабаровск ликвидировать земскую власть. Когда мы предложили комиссару Временного Правительства Русанову сдать власть Советам, он отказался. Служащие Госбанка не исполняли исходящих от нас распоряжений и вели злостный саботаж.

Власть Советов тогда только что устанавливалась, и не имела достаточно силы, чтобы сразу же положить конец этому выступлению контр-революции.

Это было время, когда японцы высаживались во Владивостоке, а Семенов действовал в Маньчжурии и в Забайкалье. В виду серьезности положения, в Хабаровске было мо-

билизовано 50% рабочих, что составило 400 ч. Отряд этот был отправлен на помощь в Забайкалье для борьбы с Семеновым. Этот отряд, выйдя из г. Хабаровска в числе 400 ч. и двигаясь по Амурской дороге на запад, на ст. Бочкарево, вырос уже в полторы тысячи чел. из добровольцев крестьян и рабочих, которые являлись в отряд сами с теми винтовками, которые они привезли с собой с фронта.

В Астрахановке, вблизи г. Благовещенска, добровольцев крестьян сосредоточилось до 13.000 чел. Шли старики с оружием, которое уже не годилось для боевых действий, а скорее представляло собою экспонат для музея. Крестьяне шли с хлебом и овсом. Так велик и единодушен был подъем революционного народа.

Когда мы прибыли в Забайкалье, то легко прогнали от ст. Андриановка всю белогвардейскую муть, восставшую против власти рабочих и крестьян.

Положение изменилось, когда в помощь отечественным белогвардейцам явились интервенты и чехо-словаки, представлявшие из себя большую организованную и прекрасно-вооруженную силу.

Помню, когда мы собрались на нелегальную конференцию в г. Владивостоке в квартире Майорова и стали обсуждать создавшееся положение, то между товарищами, которые оказались здесь, на Дальнем Востоке, случайно и теми, которые жили здесь постоянно, мнения разделились. Случайно заброшенные крестьяне говорили, что мы не можем организовать крестьян для борьбы с реакцией, что мы не можем ставить крестьян под удары царских генералов, а мнение товарищей местных было таково: необходимо итти к рабочим и крестьянам для организации их против реакции

Мнение местных революционных деятелей, восторжествовало,—и на Дальнем Востоке открылась беспримерная в истории партизанская война, которая по своей актуальности и самопожертвованию далеко превосходит восхваляемую квасными патриотами партизанскую борьбу с французами в 1812 г.

III.

Партизанское движение на Дальнем Востоке.

ПРОТОКОЛ

заседания конференции на ст. Урульга, Заб. ж. д., 28 августа нов. ст. 1918 г.

Присутствуют: 8 членов Заб. Областного Исполнительного Комитета, 12 чл. Чит. Гор. Сов. Раб. и Солд. Деп., 7 членов Сиб. Сов. Нар. Ком., 4 члена Заб. Обл. Сов. Нар. Ком., 5 членов Заб. железно-дорожного Комитета, 1 от Заб. Обл. Горного Совета и 13 представителей от воинских частей. Всего 59 делегатов.

Председателем избирается тов. Гаврилов, секретарем тов. Резников. Заседание объявляется открытым.

Тов. Лазо,—делает краткий доклад о положении западного фронта. Во время эвакуации г. Читы он находился в Могзоне. От Хилка до Могзона испорчен путь дней на 5 Его не портили сильно, не желая давать предпочтение Семенову. За Карымской были взорваны два моста, порван телеграф.

Поступили сведения, что чехи уже вошли в Читу, а станица Маккавеевская признала Сиб. Вр. Прав. Далее он передает о настроении рабочих на Дальнем вокзале, выражавших желание оказать сопротивление неприятелю и проявивших сознание того, что они теряют с утратой советской власти.

Тов. Балябин.—Докладывает о положении на Даурском фронте. После последнего поражения семеновских банд, по постановлению фронтового съезда, 15% наличного состава войск стали увольняться в отпуск, а также и старшие года. Но, вопреки этому постановлению, уходили целые части по домам, не говоря уже об отдельных лицах. Таким образом, когда было обнаружено новое наступление семеновских банд, то на фронте оказалось немного бойцов, и те были раскинуты на протяжении всего фронта.

По данным же разведки у неприятеля находится свыше 4.000 человек,—казаков, бурят и хунхузов. Позади у них стоят еще чехи, и подходят японцы. У нас 2-й Аргунский полк стал отказываться от службы, четвертая сотня

его ушла целиком. Когда в Маньчжурии появились 70 японских офицеров, пришлось отступить от 86-го разъезда, взорвав два моста. Ушли в Мациевскую, у Шарасуна взорваны 7 мостов и водокачки. 24 августа ночью уничтожено было все в Шарасуне. На совещании начальника штаба и командиров частей, решено было отступить далее и отошли от Даурии к Борзе, где стояли 3½ дня, не видя неприятеля, уничтожая мосты, водокачки, снимая шпалы. В это время на Харанор стал подходить неприятельский конный полк, наш броневик его обстрелял и неприятель стал отступать. В это время у броневика сломался затвор орудия и мы отступили, поправили повреждение и послали второй. Было получено сообщение о положении дел на западном фронте и о роспуске мобилизованных. Поэтому решено было приступить к ликвидации Даурского фронта, уведя части и все имущество в 4-й отдел. При переезде через Онон оставалась для прикрытия Куэнгинская сотня, но она своротила в сторону Передовые рабочие в Оловянной уже отсутствовали, а артиллерия еще не была вывезена. Она и начальник ее Кузнецов были оставшимися жителями арестованы. Возможность дальнейшего сопротивления Семенову не исключена. Окрестные станицы, где ранее побывали его банды, поднялись все, стар и млад. Цаган-Олуевская выставила три сотни из старых опытных бойцов в одни сутки. В других начали организовываться самостоятельно. Но материальная сторона снаряжения чрезвычайно слаба. Когда уходили, у нас оставалось не более 2.000 патронов, и те были разобраны по рукам, и запаса не было. Снарядов было не более 1300 шт. В заключение считает, что эвакуация прошла болезненно, ввиду потери артиллерии и 2-х броневиков и находит необходимым принять меры, чтобы выручить попавших в плен товарищей.

Тов. Казачков.—Считает необходимым, чтобы собрание было информировано о подробностях эвакуации г. Читы.

Ставится вопрос о безопасности пребывания в Урульге.

Т. т. Балябин и Лазо. — Считают, что на некоторое время Урульга находится в сравнительной безопасности от неприятеля.

Балябин. — Настаивает на принятии срочных мер к выручке товарищей - артиллеристов.

Один из депутатов сообщает, что по полученным данным, артиллерия уже переправлена через мост, а броневики взорваны по распоряжению Лазо, чтобы не достались врагу.

Шилов, Д. — По вопросу о безопасности сообщает, что имеются сведения о проходе каких-то трех сотен казаков в Нерчинск. Там освобождены отрядом Шиша члены Совета. В Размахнино против Семенова мобилизованы все казаки.

Вносится предложение: считать экспедицию для выручки товарищей - артиллеристов необходимой, поручить ее организацию т.т. Лазо и Балябину. Предложение принимается единогласно.

Ставится на обсуждение вопрос о месте заседания конференции.

Вейсман. — От имени интернационалистов настаивает, чтобы конференция состоялась в Урульге немедленно, где она собралась. Предложение принимается. Намечается следующий порядок дня: 1) Об ограблении Читинского Отделения Народного Банка. 2) О ликвидации армии и интернациональных частей. 3) О ликвидации советских учреждений и 4) О финансах, продовольствии и грузах. Повестка дня принята.

Гаврилов. — Выражает мнение, что первый пункт не должен обсуждаться во всей полноте, информация,—как произошло ограбление, — не должна занимать много времени, ибо пока это трудно установить, и следствие еще не закончено. Надо больше остановиться на том, как отыскать похищенное.

Вагжанов. — Заявляет, как председатель следственной комиссии, что в Урульге выяснить всю картину ограбления невозможно, за отсутствием многих причастных к делу лиц, и потому согласен с Гавриловым, что нужно обсудить вопрос о нахождении золота.

Бутин, И.—В виду того, что большинство делегатов не знает картины грабежа,—необходимо сказать, что произошло. Подробнее можно говорить на митинге из находящихся здесь частей.

Гаврилов.—Делает краткий доклад. Центро-Сибирью было вывезено из Иркутска бумажных ценностей на 6,500.000 рублей. Из них через неделю ничего не оста-

лось. Стали выпускать заем свободы, %% бумаги и пр. Наконец, постановили приступить к печатанию билетов, коих было напечатано на 22 миллиона. Ежедневно номеровать их можно было лишь на 700—900 тысяч, спрос же на деньги был значительно больше этого количества. Поступали требования от Заб. ж. д., копей, Амурск. ж. д., национал. флота и фронтов. Военный комиссариат поглощал ежедневно 600 т. р., 100 т. р. ж. д. и 200 т. р. шли на все остальные нужды. Накануне эвакуаций анархисты приходили с требованием уплатить их отряду из 150 чел. обеспечение по 5 т. р. каждому, иначе грозили оцепить «Селект» и как они выразились, «поискать в карманах у комиссаров». Почти такое же требование и в такой же форме поступило от Черновских копей. Дальний вокзал грозил не выпустить ни одного паровоза. Военные части также предъявили требование об уплате им. В виду отсутствия в наличности готовых бумажек, решено было раздать в счет жалования золото. После выбора Сибирского Совета Народных Комиссаров из 9-ти чл. много обсуждали, что делать с золотом. Одни настаивали, что его нужно оставить в банке, в обеспечение выпущенных бумажек, другие предлагали перевести его в Хабаровский Банк. Против этой меры возражали, указывая на то, что все части с вожделением смотрят на золото. Было недостаточно сил для его сопровождения, но слишком много для разграбления. Наконец, предлагалось его просто спрятать, зарыть, но и это представляло непреодолимую трудность в смысле сохранения тайны.

Была организована комиссия для рассмотрения и удовлетворения законных претензий и жалованием по 1-е сентября из представителей частей, жел. дор., Гор. совета. Сам Гаврилов отказался от комиссарства финансов и все распоряжения перешли к Комиссии из 3-х: Оленев, Прокофьев и Шилов. По удовлетворении неотложных нужд, остальные ценности предполагалось увезти на Дальний Восток и там уже в безопасном месте заняться дальнейшим необходимым распределением. В Банк для усиления карала пришли 15 человек. В виду отсутствия пароля их допустили. Затем пришла банда в 100 человек, под командой Пережогина, с оружием, и золото в ящиках было вывезено. Ранее было постановлено поставить к Банку смешанный караул из всех частей. Половников и Гитоев

этого не исполнили. Здесь в Урульге, Сиб. Сов. Нар. Ком., собравшись и обсудив все обстоятельства грабежа, виновность отдельных лиц, решили телеграфировать по всей линии жел. дор. об аресте следующих лиц: 1) Половникова, 2) Голикова, 3) Гитоева, 4) Статуева, 5) Чукина, 6) Брюкова, 7) Шелестова, 8) Караева, 9) Балка и 10) Пережогина.

Из них, по имевшимся сведениям, Половников и Гитоев собирались пробраться на запад с особым отрядом.

Ш и р я м о в.—Сообщает, что до ограбления банка, очевидно, та же шайка совершила грабеж в Горном Совете—пять пудов золота и 60 т. р. Обстоятельства его следующие: было сообщено властям ложное сведение об ограблении Горного Совета, туда был направлен Шелестов и Брюков со 150 вооруженными. Они окружили горный Совет, обезоружили охрану из 50 рабочих Петровского завода, вскрыли кассу и ушли. Пришли также казаки под командой Поздеева, но Шелестов уведомил его, что действует по распоряжению власти.

Казак 1-го Аргунского полка К о м о г о р ц е в сообщает подробности ограбления Горного Совета. Когда мы пришли в «Селект», тов. Поздеев сообщил об ограблении Горного Совета и отправился с нами туда. К нам присоединился Шелестов, у которого было только 10-15 своих людей. Он о чем-то говорил с нашим командиром Гантимуровым. По секрету Шелестов поручил Поздееву оцепить Горный Совет. Слыхал, как Шелестов предлагал Гантимурову 300 т. р. Халфин тоже что-то говорил с Шелестовым. Затем на 7 извозчиках было погружено золото, его окружили два взвода, мне было приказано с моим взводом прикрывать их сзади. Дано было распоряжение называть себя не аргунцами, а заргольцами. На вокзале все оцепили площадь, пока выносили золото, и я здесь видел Пережогина, который проверял пропуска. Если бы не был убит Кларк, то, наверно, грабежа не было бы, а без него аргунцы остались, как овцы без пастуха,—сиротой.

Г а в р и л о в. — Сообщает, что из Иркутска было эвакуировано в Верхнеудинск, а затем в Читу 106 ящиков с золотом, в общем до 200 пудов.

Л е д н е в. — Сообщает, что Забайкальского золота было до 40 пуд. и 360 пуд. серебра.

И н т е р н а ц о н а л и с т. — Сообщает, что по словам Либкнехта, начальника отряда китайцев, в банке они

находили, после грабежа анархистов, в печах много спрятанных служащими денег.

Прокофьев. — Сообщает, что из Иркутска было эвакуировано 106 ящиков и 3 полуящика с золотом. Роздано частям около 60—70 пудов. Арбагарским копям—1 пуд, Черновским—15 пудов, Заб. ж. д.—36 пудов, Черемховским рабочим 14—20 пуд и констатирует, что трудно установить, сколько выдано и сколько ограблено.

Золотом получили некоторые воинские части, напр., Артамонова, Пережогина, хотя им выдавалось и денежными знаками.

Разинцев.—Спрашивает, что было предпринято для розыска украденного.

Гаврилов.—Сообщает, что когда было получено известие об ограблении банка, то послали часть советского отряда и часть казаков, обыскать «Селект», другая часть казаков была послана на вокзал, но Пережогин уже успел уехать. Его поезд на Антипихе прошел, не останавливаясь. Послана была телеграмма на Песчанку и по линии. На Песчанке оказался небольшой отряд красноармейцев Пипина, недостаточно вооруженный, в то время как у Пережогина был пулемет, и Пережогин принимал все меры к беспрепятственному проезду. Дать распоряжение спустить позд под откос не решались, так как могли пострадать невинные, могли спустить и не тот поезд, что и было сделано на ст. Ерофей Павлович. Послана была телеграмма в Благовещенск о встрече Пережогина, но на нее ответа не получено.

Прокофьев. — Сообщает, что поезд Пережогина арбагарцы задерживали, но их уверили, что телеграмма о краже золота провокационная. Кларку, который выехал вперед, поручено задержать Голикова и расстрелять.

Вейсман. — Сообщает, что начальник штаба Голикова Батурин находится сейчас в Сретенске, а Голиков в Зилово.

Жданов. — Высказывается за посылку отряда в погоню. Думает, что скоро настанет разложение у анархистов, начнется разгул. Нужно послать 25—30 человек с разведочными целями, привлекая при надобности местные силы, и чем скорее отряд отправится, тем лучше.

Вейсман. — Считает посылку отряда запоздавшей, его нужно было посылать 3 дня тому назад.

Анархист Х.—Передает, что на вокзале в Чите встретил одного отставшего члена шайки Пережогина, который передавал, что Пережогин собирался пробраться через Монголию на Кавказ.

Балябин. — Я никогда не доверял Голикову и никогда не исполнял его приказаний. Надо выяснить в точности, кто действовал при ограблении, надо послать не отряд, а отряды в 2-3 человека для розысков. Надо решить вопрос принципиально, а исполнение поручить известному органу.

Бутин. — Просит разрешения обосновать свою резолюцию.

Шаев. — Против этого, так как с резолюцией надо ознакомиться, в виду того, что некоторые ее пункты встретят возражения, и предлагаст отложить ее обсуждение до другого дня.

Бутин. — Самый больной вопрос, — кто принимал участие в ограблении. Оно наложило грязное пятно на наше знамя, надо признать, что наиболее ответственные товарищи явились главными организаторами и вдохновителями преступления, разрушив тем наши планы. При выборах Сиб. Сов. Нар. Ком. было намечено продолжение борьбы в виде партизанской организации, и уже на втором месте — подготовка к ликвидации фронтов. Ограбление разрушает этот план. Дальнейшая борьба совершенно после него невозможна. Господствует атмосфера распыления. Преступники перед революцией, они оттолкнули от нас рабочие массы, которые стали обвинять во всем комиссаров. В их глазах теперь советская власть — сплошное грязное пятно. Для деревни — впечатление такое-же, потому она уже начинает расправляться и с отдельными личностями, когда они появляются у них. Поэтому все мы поставлены перед необходимостью не только возвратить обратно золото, но и реабилитироваться. Для этого уже создана следственная комиссия из представителей находящихся здесь частей. Нужно создать еще революционный трибунал, который вынесет приговор виновным, нужно организовать боевые дружины, которые должны по следам отыскать преступников и расправиться с ними. Для реабилитации дела нужно организовать захват Сретенска на несколько дней и выпустить газету, в которой нужно опубликовать весь имеющийся материал, нужно пойти в революционные станицы и приложить свои силы для ор-

ганизации их. Кроме того, некоторые ответственные работники не должны скрываться, они должны выступить с открытым забралом, чтобы осветить все события перед массами, а если это не удастся, то хоть посредством суда, чтобы даже своею смертью засвидетельствовать, реабилитировать самую идею революции.

(Бутин зачитывает свою резолюцию целиком).

По предложению Гаврилова п. 4 резолюции, по вопросу об ограблении банка, принимается без голосования.

«Заслушав исчерпывающие сообщения по поводу ограбления бандитами, примазавшимися к светлому знамени рабоче-крестьянской революции, Читинского Народного Банка Республики и всесторонне обсудив этот вопрос,— конференция постановляет:

1) Признать этот гнусный факт позорнейшим явлением и тяжким, несмываемым пятном всего нашего народного дела; заклеймить организаторов и руководителей этого ограбления именем предателей и изменников рабоче-крестьянской революции и именем гнусных мародеров.

2) Немедленно организовать чрезвычайную следственную комиссию в составе 5 лиц, для экстренного освещения всех обстоятельств ограбления и установления степени причастности отдельных лиц, принадлежащих и не принадлежащих к советским организациям, к факту ограбления, в качестве организаторов и руководителей его, а также и для установления степени виновности в этом ответственных органов, стоявших в этот момент у власти.

3) Избрать Чрезвычайный Революционный Трибунал для суда над преступниками и предателями, изобличенными в причастности к факту ограбления банка.

4) Принять меры к реабилитации светлого знамени рабоче-крестьянской революции, путем широкого, правдивого и полного освещения фактов и всего следственного материала в печати и путем устного слова».

Казачков.— Высказывается против пункта об организации боевых дружин, как преждевременного, до приговора Рев. Трибунала.

Вагжанов.— Находит, что реабилитация через суд Рев. Триб.—это реабилитация лишь перед партиями, перед советскими работниками. Для масс же эта реабилитация ничего не скажет, она не принесет ничего существенного. Для этого все дело надлежит передать общему суду, и только он нас реабилитирует.

Разинцев. — За посылку отряда, организовать который надо поручить существуюшей власти.

Лазо. — Присоединяется к резолюции Бутина целиком.

Исаев. — Причина ограбления лежит в панической эвакуации. Сумятица позволила совершить грабеж. Нужно сосредоточить внимание на ответственности власти.

Резников. — Решительно против организации боевых дружин. Идея эта является отрыжкой прошлого, замена борьбы масс единицами. В данное время разложения они опасны, так как узаконят разбойничьи шайки, в которые неизбежно выродятся, никакой пользы не принеся, усугубляя анархию. Наконец, их организация—дело партий, а не правительственной власти.

Лазо. — Предлагает послать разведчиков для установления местонахождения грабителей и в дальнейшем пользоваться существующим аппаратом власти.

Прения прекращаются, предложения голосуются.

За Бутинское (организация боевых дружин, карающих преступников)—24 голоса, против 15.

За самые энергичные меры по розыску 20, против 8.

За предложение Лазо — 44, против нет.

Предложение Бутина, таким образом отвергается.

Голосуется предложение Бутина—резрешить некоторым ответственным работникам не скрываться и принять все кары, которые посыплются на них в виде искупления для реабилитации идеи.

За принятие 24, против—17 ,воздержалось 13.

Ввиду отсутствия абсолютного большинства голосуется предложение — считать решение окончательным в положительном смысле. За—18, против—17. Голосуется предложение — считать предложение Бутина отклоненным: за—19, против 11. Наконец, голосуется предложение —открыть прения и устроить перебаллотировку: за—24 и против 18. Принимается предложение дать высказаться одному за и одному против. За говорит Бутин, против Резников.

Бутин. — Факт грабежа золота отразился отрицательно на настроении рабочих масс Дальнего вокзала. На последнем собрании при эвакуации Шиш бросил фразу: «что говорить тут об анархистах, золото унесли комиссары». Я тогда вспылил, но оказывается он был прав. С таким настроением нужно считаться. Принятие моего предложе-

ния покажет, что не все комиссары грабили, покажет рабочим и всем трудовым массам, что комиссары не трусят и умеют держать ответ за содеянное ими, и что они не виноваты, если к советской власти примазались мерзавцы. Суд над нами обратится в орудие нашей борьбы.

Резников. — Я против такого предложения. Во-первых, опять вытаскивается архивная теория героя и толпы, противопоставляется один мученик за безопасность и реабилитацию остальных. Это старо и истерично, практически бесплодно. Это равносильно предложению Вагжанова, признающего для себя решающим мнение нашего врага—буржуазии, считающегося с ее судом. Затем некрасива конкуренция с влиянием Шиша. Если масса считается с его мнением, это не значит, что нужно идти на распятие, чтобы его побороть. Мы знаем цену мнению дальне-вокзальцев: сегодня у них кумиром один прохвост, завтра—другой,—и можно ли сомневаться в ценности их расположения. Факт гибели одного товарища ради реабилитации никого из врагов или массы не убедит, скажут, что такой-то был хорош, а остальные дрянь—и только. Идеи должны говорить сами за себя и, вместо бесцельной жертвы, лучше посвятить эту жизнь работе.

Предложение Бутина снова ставится на голосование. За—24, против —24 и воздержавшихся 13. Считается отклоненным, как не получившее большинства.

Балябин. — Спрашивает, почему удовлетворяли требования анархистов, а забыли о существующих нуждах Даурского фронта.

Матвеев Н. — Предполагалось увезти все ценности в безопасное место и там удовлетворить остальные требования.

Вейсман.—Интернационалисты требовали уплаты, но им отказали, и они ничего не предпринимали, так как решили идти до конца с русскими товарищами.

Матвеев Н.—Представитель интернационалистов входил в состав Сиб. Сов. Нар. Ком., и он согласился, что расчет будет произведен не в Чите, а в другом месте.

Прения по вопросу о краже золота считаются прекращенными.

Исаев.—Вносит добавление к резолюции в том смысле, что эвакуация Читы приняла панический характер, без достаточных к тому оснований.

Матвеев Н.—Конечно, теперь можно винить власть, но в сущности она находилась в руках военных. Верховный командующий Голиков самовольно отдал приказ Гитоеву об эвакуации, заявив, что едет вперед; заявлял, что чехи идут в обход, давал свободных только два часа. Военный отдел сообщал, что он ничего не делает. В суматохе трудно было разобраться.

Прокофьев.—Творилась кругом гадость, задуманная, быть может, значительно раньше, и создавала атмосферу паники.

Бутин.—Мне по секрету было известно об ограблении часа за два. Мне сообщили: не доверяйте банде, вас окружающей. Тогда не верилось, не было фактов. Теперь все кажется в ином свете, и даже выступление мобилизованных казаков можно считать инсценированным. Чтобы создать панику, нас запугивали, лезли с требованием денег, не давали возможности организовать противодействие белогвардейцам.

Исаев—Мы знаем, что критиковать власть всегда легко, и не намерены ее обвинять. В добавлении говорится лишь о сожалении. Данные разъяснения только усиливают доводы за принятие его. Например, при обилии работы и малых силах не были привлечены к ней кандидаты в Сиб. Сов. Нар. Ком., им дали бессмысленную работу по выдаче фиктивных пропусков на выезд, заведомо недействительных, но необходимых для успокоения публики. Этим могли бы заняться другие, а силы нужно бы сконцентрировать для главного. Высказываемое в добавлении сожаление не кладет на власть пятна, но умолчать о нем недопустимо.

Гаврилов.—Я не знал о том предупреждении, о котором говорил Бутин. Вообще носились слухи об ограблении и в частности относительно Караева, но затем они стихли.

Резников.—Силы, ограбившие банк, были белогвардейские, и называть их, желавших свалить Советскую власть, товарищами не приходится.

Прения прекращаются. Голосуется добавление Исаева За—9, против—22; считается отклоненным.

На обсуждение ставится вопрос о ликвидации советских учреждений.

Гаврилов.—Теперь говорить долго по этому поводу не приходится, это будет тратой времени. Говорить можно было в Чите, а не тогда, когда власть находится на колесах. Имеются гражданские дела, для решения их нужен со-

ответствующий аппарат, коего теперь нет, как и необходимых учреждений. Теперь может распоряжаться только военная власть, у которой есть средство приводить свои решения в исполнение. Стоит альтернатива—или ликвидировать Советскую власть, поручить это военным, или отослать ее в глубокий тыл, например, в Сретенск или в Благовещенск. Сейчас мы не знаем политического положения. Посылать власть в Благовещенск излишне, там ее не примут, как Сибирскую, так как всегда были сепаратистами. Стоит ли из-за 2—3 дней стремиться к сохранению одного названия?.

Исаев.—Вполне присоединяюсь к мнению Гаврилова. Надо констатировать тот факт, что владение Советской власти—Урульга меньше даже владений княжества Монако.

Бутин.—Без сомнения Сиб. Сов. Нар. Ком.—одно из курьезнейших учреждений, созданное в спешке. Ему нужно почить до нового возрождения. В Амурской Советской Федеративной Республике нас не примут. Путешествовать туда не стоит. Но нужно создать Революционный Комитет, конспиративный, который бы закончил ликвидацию, предлагаю по этому поводу ряд резолюций.

Прокофьев.—Считает, что Сиб. Сов. Нар. Ком. умер в момент эвакуации, и стоит за передачу власти военным властям. Единогласно принимается предложение считать Сиб. Сов. Нар. Ком. несуществующим.

Бутин.—Предлагает по этому поводу составить резолюцию.

Против этого возражают Исаев и Гаврилов: прошло время резолюций, составляющихся для самих себя. Надо экономить время.

Вынесение резолюции по поводу упразднения Сиб. Сов. Нар. Ком. отклоняется.

Матвеев Н.—Сейчас идет борьба. Каким же образом можно создавать орган борьбы тайным? Надо передать всю власть военным.

Исаев.—Двоевластие всегда чрезвычайно вредно. Сейчас все действия рассматриваются под углом зрения военных,—им надлежит передать всю власть.

Лазо.—Надо подойти к вопросу с оценки предстоящей работы. Ликвидация военных частей—это дело военных. Но есть еще ряд вопросов хозяйственных и политических. Как-то: распределение грузов, финансовый. Военные были бы поставлены в затруднительное положение, если бы на них взвалили разрешение всего.

С. Лазо.

01 1.

Бутин.—Предстоит ряд задач: захват Сретенска, выпуск газеты, борьба партий. Это задачи политические, а потому надо создать Военно-Революционный комитет.

Балябин.—Пополнять выбранный состав кооптацией чрезвычайно трудно, работать никто не хочет, и можно остаться одним. Поэтому всю работу взвалить на военных не считаю возможным. Мы условились, что останется какая-нибудь организация, которая разрешала бы не военные дела.

Голосуются предложения: За передачу власти военным —24. За создание временного Военно-Революционного Комитета—33.

Число членов большинством голосов определяется в 5 чел. Голосование кандидатов принимается открытое в отсутствие голосуемых. Отказы не принимать во внимание. Интернационалисты заявляют о воздержании от голосования.

Большинством голосов избираются*): Лазо—62, Бутин —54, Балябин—52, Н. Матвеев—36, Д. Шилов—47.

Предлагается выбрать Рев. Трибунал: за—18, против—19. Считается отклоненным.

Возбуждается вопрос—принять или нет резолюцию по поводу роспуска Заб. Обл. Исполнит. Комитета.

Принимается решение: никакой резолюции по этому поводу не выносить и решить этот вопрос самим членам Исполкома.

На очереди вопрос о роспуске армии.

Прокофьев.—Вопрос решается сам собой: распустить необходимо раз нет советских организаций. Взяв власть, мы отошли от масс. Надо вновь уйти в массы. Предстоят не только слова, но и дела. Поднимаются низы, нужно организовывать массы. Уйти в тайгу, спасаться—не дело революционеров. Возможная партизанская борьба—это лишь часть работы, ее реализация.

Лазо.—Предстоят практические задачи. Надо увести войска от опасных мест, снабдить каждого воина документом, деньгами, продовольствием и обмундированием. Остались неудовлетворенными железнодорожники, горные рабочие, прииска, революционные станицы. Все эти практические вопросы на этом собрании разрешать не приходится. Надо сняться с колес, умирание довести до конца.

*) Фамилии были написаны, а затем зачеркнуты, кроме начальных букв. Легко удалось восстановить их точность. **Ред.**

Шилов, Д.—Вопрос о ликвидации армии не так прост. Есть интернационалисты, им нельзя разойтись незаметно в чужой стране. Они решили на своем собрании разделиться на две части. Одна уйдет в Китай и будет интернирована, другая уходит в тайгу. В таком же положении еще некоторая часть ответственных работников, которым негде укрыться. Начинается уже партизанская борьба. Станица Размахнинская вся встала, поднимаются и другие. Какие задачи они могут себе ставить? в каких местах действовать? Нужны средства.

Балябин.—В настоящее время партизанская война недопустима. Без денег, без организации значит, обрекать отряды на грабежи и, вместо сочувствия, вызывать озлобление; не имеется патронов, ждать разгрома их. Цаган-Олуевская и Чиндант-Гродековская станицы послали своих депутатов в Читу заявить, что они признают власть правых, но лишь постольку, поскольку семеновщина не будет производить насилия. Тогда они восстанут все. Чехи этих насилий производить не станут и партизанской войны не вызовут. Мы не должны вызывать ее. Она должна возникнуть сама, и тогда мы придем ей на помощь. Иначе против нас будут посылаться карательные отряды, озлобляя против нас население за разорение. Кучке в 70 человек деться, укрыться будет негде. Итти вместе с интернационалистами по одной дороге не придется.

Вейсман.—Партизанская война невозможна. Мы не отделяли себя от русских товарищей, но раз борьба прекращается, то мы не хотим сдаваться, из рук винтовки не выпустим. В Китай нам ехать незачем, мы уйдем на 200—300 верст в сторону ж. д., прозимуем, а там видно будет. Уйти совсем—это не революционность. Шпана от нас ушла в Китай, продовольствия хватит на 10.000 человек. Нужно только организовать обоз. Мы зовем с собой и русских товарищей. Почему Балябин говорит о невозможности совместной борьбы? Мы ведь были на всех фронтах и уходили последними, у нас нет своих интересов, у нас они общие.

Лазо.—Партизанская борьба начнется не из тех отрядов, которые сейчас находятся у нас. Итти в Китай—не выход для интернационалистов. Нужно покончить, удовлетворить предъявленные требования и распустить части.

Омастак.—Идя на зиму в тайгу, мы вовсе не думаем умирать, мы готовы будем вернуться, когда снова начнется борьба. Нам нужно будет иметь от русских товарищей поддержку.

Бутин.—Прежде всего нужно вынести постановление о ликвидации фронтов, затем решить вопрос,—вести или нет партизанскую борьбу. Во всяком случае нужно быть готовым к новой борьбе, нужно иметь в виду лишь временное удаление, а не постоянное. Нужно объявить, что все предатели и провокаторы будут преследоваться и караться беспощадно, что будет даваться отпор всяким попыткам подобного рода.

Прокофьев.—Предлагает разрешить вопрос практически.

Ширямов.—Распыляться сейчас опасно в враждебной среде, отступать не следует слишком скоро, нужно держать для издания газеты некоторый фронт, нужно идти вместе.

Богомягков.—Падение Советской власти обусловлено временным равнодушием рабочих и крестьянской массы. Это не содействие, если в решительные моменты, привезя хлеб, требуют денег. Когда почувствуют тяжесть нового режима, когда их перепорют, отношение будет другое, и борьба будет возможна. Во имя спасения конечного результата—не нужно начинать борьбу деморализованными частями. Нужно сохранить оружие, деревня не примирится, она восстанет.

Голосуется по пунктам и принимается резолюция по вопросу о ликвидации военной борьбы организованным фронтом:

«Обсудив вопрос о продолжении военно-революционной борьбы с внутренними и внешними врагами нашей родины, Сибирской Федеративной Республики Советов, и рабоче-крестьянской революции, и принимая во внимание, что эта борьба, при создавшейся международно-политической обстановке, неизбежно превратится в борьбу с неизмеримосильнейшим и в численности и в техническом отношении противником, что для такой борьбы в распоряжении нашего военного фронта нет достаточного количества оружия, и вообще военных средств; принимая дальше во внимание, что последствия такой непосильной борьбы прежде всего лягут тяжелым бременем на плечи революционно-трудовой массы Забайкалья,—Конференция ответственных советских работников и представителей воинских частей постановляет:

1) Борьбу с врагом организованным фронтом ликвидировать.

2) Признать, что форма дальнейшей революционной борьбы должна сообразоваться с создавшейся международ-

но-политической обстановкой и должна быть направлена к использованию всех легальных и нелегальных возможностей к дезорганизации всех усилий наших врагов закрепить в пределах Сибири власть буржуазии и иностранного капитала и разгромить Советскую власть в России. Непременным условием этой борьбы должна быть упорная и организованная работа среди трудовых масс и использование таких средств, которые хотя бы косвенно не наносили ущерба трудовым массам и,—главное—чужды были деморализующего значения.

3) Объявить всех контр-революционеров, которые опираясь на штыки наемников, пытаются путем кровавой расправы рассчитаться со своими врагами, нашими товарищами, попавшими и могущими попасть в их руки, а также всех предателей, изменников, провокаторов и доносчиков, которые приступят к своей гнусной работе, на другой же день по приходе к власти их повелителей, щедро оплачивающих их Каиново дело, объявить их всех злейшими врагами народного дела и довести до всеобщего сведения, что организованные боевые дружины должны будут неустанно следить за их преступной работой и за кровь и страдания наших товарищей будут беспощадно им мстить.

4) Всем доблестным революционным войскам, выдержавшим многомесячную борьбу с врагами и оставшимся верным революционному знамени до конца, выразить глубокую братскую признательность».

Затем конференция поручает Военно-Революционному Комитету:

Снабдить всем необходимым интернационалистов, уходящих в тайгу для осуществления их планов спасения. Все революционные партии и органы должны и в дальнейшем оказывать им нужное содействие и помощь. Военному комитету предлагается вести ликвидацию фронтов. Ему же поручается распределить грузы с продовольствием между отрядами, ж.-д. служащими, станицами и пр. Ему же поручается выяснить финансовое состояние и удовлетворить законные претензии.

Затем конференция объявляется закрытой. Присутствующие делегаты пропели похоронный марш и Интернационал. С пением Варшавянки и Марсельезы, построились в ряды, и была устроена по Урульге, в полосе железной дороги, демонстрация.

Председатель (подписи нет).

Секретарь **Резников.**

Безсонов.

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ В ПРИМОРЬЕ.

I. ПЕРИОД КОЛЧАКОВЩИНЫ И ПАРТИЗАНЫ.

Приморье является одной из тех областей Дальнего Востока, на долю которой выпало перенести много тяжелых испытаний и пережить ряд кошмарных картин за время царствования кровавой атамановщины и японской интервенции. Ни одна, кажется, область Сибири и Дальнего Востока, за исключением разве Забайкальской, где царствовал атаман Семенов, не была так обильно залита человеческой кровью и так густо усеяна человеческими трупами, как Приморская.

Калмыковцы в Хабаровске.

С момента падения Советской власти и вступления на территорию Дальнего Востока союзных интервентских войск и белогвардейских банд различных атаманов, для Приморской области, а в особенности для Хабаровского уезда, наступило время мрачной реакции, сопровождаемой применением самых усовершенствованных пыток, насилий, грабежа и массового истребления рабочих и крестьян. С первых же дней появления в г. Хабаровске известного по своим зверствам палача, атамана Калмыкова, начались массовые аресты и расстрелы не только советских деятелей, но и рядовых работников и красноармейцев, а в особенности мадьяр. Последних расстреливали даже днем в городском саду на глазах массы народа (в первых числах сентября 1918 г. расстреляно 16 человек). Ни один из советских работников, не успевший во время выехать из Хабаровского района или других городов Приморья, не остался в живых, за исключением тех, кто скрывался во Владивостоке, или успел бежать в Ольгинский уезд, где разгул реакции был значительно слабее, в сравнении с ее центром—гор. Хабаровском, в котором за время пребывания Калмыкова расстреляно, замучено, изрублено шашками и вообще казнено свыше 5.000 человек,

принимавших участие в Советском строительстве и в Красной армии, не говоря уже о тех массовых жертвах, которые пали от руки палача атамана Калмыкова и его банд по деревням и селам Хабаровского уезда. Не мало было жертв и во Владивостоке, где кучами расстреливались портовые рабочие и члены Совета во главе с Сухановым, а также и в других городах и селениях области.

Таким массовым расстрелам много способствовало еще и само население, которое впоследствии жестоко поплатилось за свои ошибки.

В момент полного распыления революционных сил, крестьянство, а в особенности казачество, многих селений Приморской области, в лучшем случае сторонилось советских работников, будучи настроено по отношению к ним недоброжелательно, и в худшем случае само задерживало их и передавало в распоряжение белогвардейских властей, которые беспощадно расправлялись со всеми заподозренными в большевизме. Так продолжалось почти до конца 1918 г.

В этот период зверских расправ колчаковщины и атамановщины всем случайно сохранившимся и оставшимся в Приморье советским работникам приходилось скрываться в тайге, в различных землянках и переносить всевозможные лишения. Никакой мысли о вооруженной борьбе с насильниками и палачами трудового народа в это время не могло быть, т. к., во-первых, не было оружия, во-вторых, распыленные силы, боясь предательств, не могли сговориться между собою, и, в-третьих, настроенное анти-советски крестьянство относилось враждебно ко всем, кого подозревало в большевизме.

Население просыпается.

Однако, по мере того, как реакционная власть выявляла свою подлинную физиономию, разгул колчаковских и атамановских банд все больше и больше усиливался, произвол и насилия начали перекидываться из городов сначала в окрестные, а потом и в более отдаленные деревни,—население стало просыпаться; всюду слышался глухой ропот и недовольство существовавшей властью. В городах начали появляться мелкие подпольные организации, возникали единичные небольшие революционные вспышки, которые беспощадно подавлялись. Одураченное меньшевиками и правыми эсэрами крестьянство увидело весь обман лживых заверений предателей трудового народа и ту ошибку, которую оно

допустило в 1918 г. по отношению к Советской власти, свержению которой само во многом способствовало, если не открытыми протестами, то той пассивностью, какую оно проявило во время борьбы Советов с наступающей реакцией. С этого уже момента, т. е. с начала 1919 г., отношение многих крестьян к советским работникам значительно улучшилось, и появилась ненависть к правительству Колчака, но никакой активности крестьянство все же не проявляло, за исключением Ольгинского уезда, где революционный дух населения был непоколебим все время, и настроение было чисто советское.

Такое пассивное отношение к политической жизни большинства населения Приморской области можно объяснить, во-первых, тем, что крестьяне оценивали всякое правительство с точки зрения личной материальной выгоды, т. е. не привыкли понимать более правильно свои задачи в государственном строительстве, считали, что власть обязана снабжать их всем, что им необходимо; во-вторых, не могли еще окончательно притти к заключению, что единственной приемлемой для них властью является только Советская; в-третьих, хотя власть Колчака и рассматривалась ими, как никуда негодная, но начать борьбу с ней они не решались, не будучи уверены, что Советская власть победит, а также ввиду своей неорганизованности и боязни попасть под террор палачей, вследствие предательства своих же односельчан, сторонников колчаковщины, которые были в то время еще почти в каждой деревне, хотя и в слишком незначительном числе.

Появление партизанских отрядов.

Несмотря, однако, на произвол белых банд, буквально терроризовавших почти все население, то там, то здесь по деревням начали группироваться маленькие кучки вооруженных отрядов под руководством бывших советских работников или командиров красноармейских частей. Эти вооруженные группы людей, именовавшие себя партизанами, начали свою работу с агитации среди крестьянства по привлечению в свои ряды сочувствующих Советской власти для борьбы за свержение власти Колчака, отысканию попрятанного в разных местах оружия и усиленно готовились к открытому нападению как на отряды противника, так, главным образом, на железнодорожные учреждения, в целях разрушения транспорта.

Первое время эти отряды были слишком редки и невелики по своему численному составу. Кроме того, действия партизан были сопряжены с большими трудностями, так как население боялось оказывать им помощь и часто не доверяло чистоте их побуждений под влиянием злостной черносотенной агитации сторонников реакции. Проникновение в ряды партизан преступного элемента еще более усугубляло атмосферу недоверия к партизанам со стороны крестьянства и только часть беднейшего крестьянства смело и открыто поддерживала партизан, распространяя о них самые благоприятные известия. Все это не позволяло партизанским отрядам начать активную борьбу в более широких размерах, почему работа их первое время сводилась, главным образом, к организационной и подготовительной стороне дела.

Партизанские отряды растут.

К весне 1919 г. отряды начали быстро расти и в некоторых местах достигли таких размеров, что не только стали иметь возможность нападать на железную дорогу, но и вступали в бой с большими экспедиционными отрядами, как существовавшего правительства, так и союзных войск, особенно японских, нанося им поражения и спуская изредка под откос целые поезда с эшелонами.

К числу наиболее крупных организаций в это время принадлежали партизанские отряды, оперировавшие в Ольгинском уезде под командованием тов. Лазо, а также отряды Сучанской долины, сформировавшиеся преимущественно из рабочих Сучанских копей. Эти отряды нередко вступали в бой с превосходными силами противника (колчаковцами, японцами, американцами и др.).

Особенно большой популярностью среди населения пользовался отряд Гаврилы Шевченко (Гродековского казака), имя которого наводило страх на противника и нередко вызывало панику в его рядах во время боя. Кроме упомянутых отрядов, постепенно формировались отряды и в других местностях области—в районе Никольска, Имана и т. д.

В самом начале активных действий партизанских отрядов работа их не носила характера систематических нападений на неприятельские силы, а большей частью была направлена на разрушение тыла противника посредством отдельных набегов на линию железной дороги, на добычу продуктов и обмундирования у кулацких и черносотенных элементов и на борьбу с предательскими элементами, нахо-

дившимися в отдельных селениях. И лишь в тех случаях, когда представлялась возможность делать удачные засады на экспедиционные отряды противника, происходили вооруженные столкновения. Но, по мере того, как добывалось оружие и в связи с этим увеличивались отряды, чаще происходили вооруженные столкновения, в которых противник нередко терпел значительные поражения.

Как на одну из отрицательных сторон партизанской борьбы, приводившую иногда к неблагоприятным результатам, можно указать на отсутствие дисциплины и необходимой товарищеской спайки в рядах партизан, а также правильно налаженной связи между действовавшими в разных местах отрядами, которая и являлась главной причиной всех неудач и поражений. Однако, нужно заметить, поражения эти фактически сводились лишь к распылению отрядов без особенных потерь с их стороны, так что воображаемая противником ликвидация того или иного партизанского отряда далеко не оправдывалась на деле. Рассеянный в одном месте отряд или перекочевывал в другое место, или группировался опять в той же самой местности и вновь приступал к своей работе. С началом активных действий партизанских отрядов существовавший террор белых еще больше усилился.

Японцы действуют.

Японцы, настроенные вообще весьма недоброжелательно к большевикам и Советской власти, с появлением партотрядов стали применять жестокие меры не только к партизанам, но и к мирному населению. Разъезжавшие по деревням смешанные (белогвардейско-японские) экспедиционные отряды, посылаемые для уничтожения партизанских отрядов и усмирения восставшего населения, творили неслыханные зверства: пороли крестьян, допытываясь, где находятся партизанские отряды; грабили имущество, когда узнавали, что в деревню заходили партизаны; сгоняли в одну избу всех молодых женщин и там их насиловали; угоняли скот; по одному голословному указанию кого-либо из желающих выслужиться,—что такой-то крестьянин большевик, семью выгоняли на улицу, не разрешая жить в домах соседей, а самого предполагаемого большевика, после невероятных пыток, убивали на глазах односельчан.

И чем больше углублялась борьба, тем сильнее проявлялись зверства, убивались не только мужчины более молодых возрастов, но также старики, женщины и дети. Насе-

ление, особенно Хабаровского района, при одном известии об японском или калмыковском отряде приходило в ужас. Нет ни одной деревни в районе Хабаровска, побывав в которой японские или калмыковские отряды не учинили бы зверств или насилий над мирными жителями, а в целом ряде деревень оставили одни пепелища от сожженных построек многих крестьянских усадеб.

Население и партизаны.

Но чем сильнее становился произвол душителей русской революции и трудового народа, тем больше росло возмущение населения, тем теснее становилась связь между ним и партизанскими отрядами, в которых крестьянство стало видеть единственных и верных защитников от палачей и ненавистной реакции. Крестьяне начали снабжать партизан продуктами, одеждой, занимались собиранием сведений о неприятельских силах, сообщали о всех движениях экспедиционных отрядов, отправляли всю молодежь в партизанские отряды и т. д.

Всякие внутренние раздоры и доносы друг на друга совершенно прекратились, что не давало уже больше возможности палачам совершать массовые убийства, как это они делали в начале возникновения партизанского движения, потому, что пришлось бы уничтожать целые деревни, а этого они не рисковали делать, почему часто со скрежетом зубов заявляли крестьянам: «вы все большевики, но действуете так дружно, что не к чему придраться», и, ограничиваясь зачастую поркой отдельных лиц и грабежом имущества, уходили, хотя не редки были еще и единичные расстрелы.

К осени 1919 года почти все крестьянство стояло на стороне партизанских отрядов и готово было выступить для открытой вооруженной борьбы, и лишь отсутствие достаточного количества оружия не позволяло сделать этого. По мере добычи оружия, которое приходилось доставать с большим трудом, партизанские отряды увеличивались с каждым днем и представляли из себя большую угрозу противнику. С получением сведений о быстром продвижении Российской Советской регулярной Красной армии, революционный дух населения рос с непомерной быстротой, и все с огромным нетерпением ждали ее прихода.

Палачи трудового народа, направо и налево торговавшие народным достоянием, почуяв смертельную опасность, изыскивали все новые и новые способы борьбы с партиза-

нами. Не справившись с ними летом, они начали распускать слухи, что зимой они их всех выловят.

Белые меняют тактику.

Террор свой по отношению к крестьянам они значительно уменьшили и даже во многих случаях заискивали перед ними, чтобы расположить их к себе. С партизанами же дело обстояло иначе: всех пойманных случайно или захваченных в плен партизан страшно мучили в вагонах смерти, втыкая им под ногти раскаленные шилья, под кожу раскаленные шомпола, избивая до полусмерти нагайками и прикладами, вырезывая уши, выкалывая глаза и т. п. Чтобы заморить партизан голодом, не отпускали населению из города муки, хорошо зная, что все крестьяне кормят партизан. Запугивали население, что будут сжигать все деревни и убивать население, которое будет принимать и кормить партизан. Но все эти меры ни к каким результатам не приводили, так как движение против интервенции и власти Колчака приняло широкий массовый характер. Население открыто требовало в своих приговорах удаления японских и союзных войск.

Белые разлагаются.

Рассылаемые противником в партизанские отряды шпионы или разоблачались в отрядах и расстреливались, или втихомолку, не обнаружив совершенно себя, оставались среди партизан, как, например, Лапта в Николаевском районе.

В рядах колчаковских войск началось полное разложение; целые отряды, высылаемые для борьбы с партизанами, переходили на сторону последних, с полным вооружением, перебив предварительно своих офицеров. Остававшиеся же в городах части войск постепенно становились негласными сторонниками Советов. Таким образом, к началу 1920 года от армии Колчака фактически ничего не осталось. Действовали же против партизан лишь японцы и небольшая кучка самых отъявленных палачей, сгруппировавшихся вокруг своих генералов и атамана Калмыкова, которые, терпя при каждом походе поражения, быстро возвращались в места своих расположений. В это время городские рабочие, путем подпольных организаций, усиленно подготовляли почву для внутренних восстаний.

Предательская право-эсэровская и меньшевистская власть в лице земских и городских самоуправлений, представлявших из себя гнездо черной реакции, почуя не мень-

шую опасность, быстро перекрасилась, значительно полевела и начала заискивать перед партизанами, подыскивая удобные случаи для переговоров.

Попытки восстаний.

В то же время среди воинских частей Калмыкова то там, то здесь стали вспыхивать восстания, подготовляемые тайными революционными организациями.

Восстание в январе месяце 1919 года в г. Хабаровске части калмыковских войск, при содействии некоторых из американских солдат, окончилось неудачей, вследствие неорганизованности и колебаний восставших казаков. Это вызвало массовый побег бывших красноармейцев в ряды партизан. Те из повстанцев, которые попытались вернуться к Калмыкову, были беспощадно расстреляны.

Восстание в гор. Владивостоке под флагом право-социалистических группировок, под руководством чехо-словацкого генерала Гайды, также не имело успеха, причем с обеих сторон было много жертв.

В г. Хабаровске в конце октября 1919 г. была разгромлена подпольная организация, именовавшая себя Хабаровским Исполнительным Комитетом, вследствие предательства провокаторов, состоявших членами этой организации. Во время ликвидации этой организации погибло много ответственных советских работников и рабочих Хабаровских профессиональных объединений.

В начале января 1920 года в гор. Хабаровске были арестованы солдаты 36-го полка, заподозренные в большевизме. Для этого белогвардейцы прибегли к весьма своеобразному способу: они заманили солдат на специально устроенное богослужение и по окончании его окружили богомольцев-солдат японскими цепями, затем обезоружили и посадили в холодные казармы, откуда было уведено и расстреляно около 100 человек.

Подготовка к перевороту.

В это время во Владивостоке при участии и руководстве скопившихся там ответственых советских работников, была подготовлена почва для окончательного переворота. Велась также усиленная подготовка к перевороту и в г. Никольск-Уссурийском. Кроме того, начали доноситься слухи о перевороте в г. Иркутске, Благовещенске и других местах. Все это воодушевляло рабоче-крестьянские массы Приморской области и побуждало их к усиленной организации.

Особенно заметный перелом произошел сразу после оффициальных сведений о падении Иркутска. Увидевшая полную свою гибель свора приморских палачей сразу зашевелилась и начала усиленно готовиться к побегу, отбиваясь при помощи японских штыков от наседавших со всех сторон партизанских отрядов, которые держали на осадном положении города Приморской области, окружив их со всех сторон.

Переворот.

В конце января месяца 1920 г. в Никольск-Уссурийске восстали войска, и произошел переворот, а затем пал и гор. Владивосток, в который вступили без боя партизанские отряды под флагом земских войск. Под этим же флагом революционные войска, продвигаясь постепенно из Никольска, начали занимать другие города Приморской области.

Бежавший из Никольск-Уссурийска известный палач полковник Враштель со своей кучкой приверженцев, в числе около 250 человек при 11 пулеметах, направился на китайскую территорию. Но он дорогой был обезоружен революционным казачеством Полтавской станицы, арестован и доставлен в гор. Никольск со всеми офицерами, в числе 56 человек.

В первых же числах февраля месяца из Хабаровска со своей кучкой бандитов, в числе около 1200 чел., с орудиями и пулеметами, захватив 36 пудов золота, бежал палач Калмыков, а 16-го февраля в г. Хабаровск вступили революционные войска.

Высланные для преследования Калмыкова партизанские отряды неоднократно вступали с его отрядом в бой и нанесли ему большое поражение, но окончательно уничтожить не смогли, так как сам Калмыков с небольшой кучкой своих более близких сподвижников успел ускользнуть в Китай.

К этому времени вся Амурская область была уже очищена от белогвардейцев; были восстановлены Советы и японцы приступили к эвакуации своих войск из Благовещенска. В руках белых банд оставалась только Забайкальская область, где продолжал еще царствовать атаман Семенов. Вслед за вступлением в г. Хабаровск революционных войск был занят также партизанами гор. Николаевск на Амуре и вся Сахалинская область.

II. ХАБАРОВСКИЙ И НИКОЛАЕВСКИЙ РАЙОНЫ.

Партизаны в Хабаровском уезде.

Началом партизанского движения в Хабаровском уезде можно считать апрель месяц 1919 г., когда в Полетнинской волости, в районе реки Хор, рабочим Хабаровского арсенала Бойко-Павловым, при участии других товарищей, был сформирован первый отряд, частью из советских работников и бывших красноармейцев и частью из восставших крестьян названной волости, в числе около 500 чел. Этот отряд, вооруженный винтовками, берданами и частично гранатами повел усиленную работу среди крестьянства окрестных деревень гор. Хабаровска по подготовке всеобщего восстания. Свою вооруженную борьбу с противником отряд решил начать нападением на японский гарнизон на разъезде Хор, что и было сделано, причем японцы понесли крупные потери. Весть об этом выступлении партизан быстро распространилась по всему Хабаровскому району и стоустая молва исчислила этот первый партизанский отряд в 10,000 человек.

Японцам дан отпор.

Это обстоятельство заставило японское командование двинуть из Хабаровска по разным направлениям к месту нахождения отряда около 6000 войск. Несмотря на столь огромное превосходство неприятельских сил, отряд, руководимый своим штабом, в весьма благоприятных условиях местности, решил вступать с противником в бой, в результате которого японцы потеряли свыше 500 человек убитыми и ранеными. Незначительность, по сравнению с силами противника, состава партизанского отряда и отсутствие пулеметов не позволило партизанам выдержать дальнейший натиск, и отряд после нескольких дней борьбы, потеряв человек 15 убитыми и несколько ранеными, вынужден был распылиться на мелкие группы и отступить или, вернее, рассеяться по разным направлениям.

Распыление партизан.

Нанесение поражения, с одной стороны, и присутствие в штабе отряда преступных элементов, с другой, привело отряд к деморализации и подорвало авторитет партизан в лице крестьянского населения.

Местные крестьяне разошлись по домам с оружием, а часть отряда, состоявшая из пришлых рабочих красноармейцев и более активных работников, разбилась на три

группы, из коих одна под командой тов. Мизина была отправлена для оперирования по реке Амуру между Хабаровском и Николаевском, и две под командой других товарищей остались в районе Хора. Продолжая действовать, отряды не давали покоя Хабаровской власти. Поэтому через некоторое время в этот же район отправился сам атаман Калмыков со своим карательным отрядом для окончательной ликвидации партизан.

После ряда мелких стычек партизанские отряды окончательно были рассеяны. Прохождение Калмыкова с карательной экспедицией по тракту от Хабаровска до р. Хора ознаменовалось ужасными зверствами. Во всех положительно деревнях, расположенных на этом тракте, было сожжено по нескольку домов крестьян, все не успевшие скрыться участники восстания были убиты, а имущество их разграблено.

Первая конференция подпольных организаций.

После этого разгрома в гор. Хабаровске появилась подпольная организация, наименовавшая себя Исполнительным Комитетом, и в то же время штабом партизанских отрядов, которая и взяла на себя общее руководство партизанской борьбой в Хабаровском районе. Была созвана в гор. Хабаровске 1-я конференция партизанских отрядов, которая разработала все необходимые планы действий и дала соответствующие директивы.

В исполнение решений конференции, разбросанные по разным местам отдельные мелкие отряды были стянуты в одно место в районе Полетнинской волости, за исключением отряда Мизина, который не подчинился конференции.

Партизаны крепнут.

Таким образом, в конце августа месяца был сформирован вновь отряд, под общим командованием тов. Холодилова, численностью около 160 человек. Как только противнику стало известно о появлении отряда, из Хабаровска было послано две роты колчаковских солдат, которые после первого столкновения с партизанами бежали на ст. Верино.

На общем собрании в дер. Жулихе, куда прибыл командированный от Хабаровского Исполкома представитель, весь отряд был разделен на 5 мелких групп в 20—40 человек.

Сформированные таким образом, по постановлению Исполкома, отдельные небольшие отряды были разосланы в разные места, с определенными заданиями.

Отряд № 1 под командой тов. Жукова—в район р. Амура между Хабаровском и с. Вятским, № 2 под командой тов. Холодилова—на линию железной дороги от ст. Красная Речка до разъезда Кругликово, № 3 под командой тов. Тряпицына (прибывшего из Ольгинского уезда после разгрома там отрядов)—в район ст. Верино, № 4 под командой тов Караваева—в район ст. Дормидонтовка и № 5 под командой тов. Гермашева—в район ст. Вяземской.

Получив право автономии, отряды начали действовать по своему усмотрению. В это же время в районе Тунгузской волости на левом берегу Амура (примерно, против базы Амурской флотилии) сформировался новый отряд под командой тов. Шевчука. Все отряды начали действовать одновременно в разных местах, что заставило противника предположить о существовании массы партизан и вынудило его держать в Хабаровске крупные силы, которые предполагалось перекинуть в другие места, в том числе на советский фронт.

Партизанскими отрядами были сделаны набеги на железную дорогу и нападения на пароходы. В результате всех действий было сожжено 2 железнодорожных станции, потоплено три груженых баржи и обезоружено несколько казачьих станиц.

Растерявшийся противник должен был беспрерывно высылать во все места крупные экспедиционные отряды, не достигавшие никаких результатов, при наличии благоприятной для партизан таежной местности. Хотя вооруженных столкновений с противником партизаны в это время почти не имели, но зато не давали ему покоя.

Действовавший сепаратно вниз по Амуру отряд Мизина также задержал с грузом два парохода и захватил около 3000 пудов муки.

Вторая конференция партизан.

Бездействие, проявленное в отношении партизан Хабаровской подпольной организацией (Исполнительный Комитет) как руководящим органом, и отсутствие с ним всякой связи побудили отряды созвать 2-ю конференцию для организации центрального штаба и разработки плана зимней кампании.

Конференция была созвана на 1-е ноября в деревне Анастасьевке, Волхонской волости. На конференцию прибыли представители всех отрядов, кроме отряда Гермашева, на-

ходившегося очень далеко между ст. Вяземской и Бикином.

К этому времени как раз была раскрыта в Хабаровске и разгромлена подпольная организация, из которой спаслось лишь несколько человек, в том числе прибывшая на конференцию секретарь организации тов. Нина Лебедева.

На конференции был избран штаб партизанских отрядов Хабаровского района из 7 человек, которому и было вменено в обязанность объединить вновь все разбросанные отряды и разработать в спешном порядке план зимней кампании.

Реорганизация партизанских отрядов.

Приступая к выполнению постановлений конференции, штаб прежде всего издал приказ по формированию отрядов, согласно которого они получили следующие названия: Первый—сводный пехотный партизанский отряд, командиром которого по приказу был назначен т-щ Тряпицын; Второй—Тунгузский партизанский отряд т-ща Шевчука; Третий—пехотный партизанский отряд т-ща Мизина и Первый кавалерийский партизанский отряд т-ща Изотова.

Под этими названиями отряды действовали почти до конца 1919 г. Общая численность партизан всех поименованных отрядов в то время достигала до 275 чел. пехоты и 25 человек кавалерии.

Второй, самой главной и неотложной задачей штаба являлась забота о снабжении отрядов продуктами и обмундированием, так как действовавшие в полуголодном и разоренном противником районе партизанские отряды с наступлением зимы очутились в самом ужасном положении, оставаясь полураздетыми и без продуктов. Осуществляя практически эту меру, штаб постановил создать временную базу, с постройкой в тайге теплых бараков, впредь до обмундирования партизан, а для снабжения продуктами производили реквизицию необходимых запасов у реакционного крестьянства села Вятского.

Снова белые активны.

Как только эта мера была проведена в жизнь, противник не замедлил двинуть свои силы для разгрома базы. Во время вооруженного столкновения, в средине ноября месяца, вследствие неудачного командования члена Ревштаба т-ща Холодилова, первый пехотный и кавалерийский отряды вынуждены были уничтожить все запасы продуктов и отсту-

пить вниз по Амуру. Во время этой операции потери против ника выразились 4 убитыми, несколькими ранеными, 160 чел. обмороженными, а со стороны партизан—1 раненый и два легко обмороженные.

С прибытием отрядов и штаба в селение Сарапульское на Амуре было приступлено к разработке нового плана действий.

Новые планы партизан.

Три члена штаба с небольшим отрядом под командой Тряпицина были посланы вниз по реке Амуру для агитационной работы среди населения, организации революционных комитетов, мобилизации оружия, взятия на учет продуктов, необходимой одежды, привлечения в партизанские отряды добровольцев и т. д.

Командиру отправленного отряда Тряпицину было поручено продвинуться в низовье Амура и выслать разведку в гор. Николаевск.

С отрядами Шевчука и Мизина была установлена правильная связь. К этому времени сформировалось еще два отряда—под командой Соколова в районе реки Хора и под командой Кочнева в районе р. Тунгуски, с которыми также была установлена связь.

Мирное положение отрядов позволило штабу проделать большую организационную работу за время стоянки в дер. Сарапульской; присланное же из низовьев Амура, а также изготовленное на месте обмундирование дало возможность одеть большинство партизан. Памятуя уроки прежних неудач из-за отсутствия в рядах партизан необходимой дисциплины, штабу пришлось заняться введением таковой путем издания соответствующих приказов и проведения их в жизнь посредством разъяснений на общих собраниях. Для достижения успеха в осуществлении этой меры была организована также комячейка. Особое внимание было обращено на выкачивание из города продуктов, выдача которых населению была прекращена. С этой целью был издан приказ населению всего уезда о том, чтобы никакие продукты, фураж и топливо не подвозились в город Хабаровск до тех пор, пока Хабаровская власть не будет вынуждена производить выдачу продуктов населению в обмен на дрова, сено и пр., и вообще был воспрещен всякий ввоз продуктов, товаров, пушнины и т. п. в город.

Все продовольственные склады муки и рыбы, заготовленной на Амуре, были реквизированы и взяты на учет.

чтобы приказ выполнялся населением, командирам отрядов вменялось в обязанность расставлять посты на всех дорогах, ведущих в Хабаровск, и задерживать всех, кто не выполнял приказа. Все эти меры дали возможность обеспечить продуктами не только партизанские отряды, но и население.

Хождение денег с этого времени в уезде совершенно прекратилось: покупалась у китайцев только необходимая мануфактура, а продукты отпускались населению в порядке разверстки при посредстве сельских ревкомов.

Население и партизаны установили Советы.

Как только появились продукты, обмундирование и оружие, отряды начали увеличиваться с неимоверной быстротой. Население, воспринявшее идеи Советской власти и признавшее штаб партизанских отрядов за единственную военную и гражданскую власть в уезде, принялось дружно за работу: начало организовывать боевые дружины, вводить всеобщую трудовую повинность, производило добровольно мобилизацию всего, что требовалось для партизанской борьбы и т. д. Словом, активно вступило в борьбу и считало мобилизованным для этой борьбы все, вплоть до последнего имущества.

На всем протяжении от Хабаровска до села Нижне-Тамбовского по Амуру крестьянство так правильно осознало момент борьбы и ее способы, что без особых трудов удалось установить советский строй.

Кроме указанных выше мероприятий, штабом велась усиленная работа по разложению армии противника, с одной стороны, путем распространения воззваний, и с другой,—посылкой в гор. Хабаровск специальных людей. После выполнения ряда работ организационного характера, в средине декабря 1919 года штабу пришлось выехать в с. Малмыж, где находилась мастерская по набивке патрон и починке оружия.

Боевые действия против белогвардейцев и японцев.

В конце декабря месяца от Тряпицина были получены сведения об открытии боевых действий с противником в низовьях Амура и вслед затем от Шевчука—в районе р. Тунгуски вблизи Хабаровска. Это побудило штаб послать подкрепление Тряпицину в числе 165 человек и начать группировку сил на Амуре под Хабаровском.

Немного спустя, в районе р. Хор отрядом Соколова был разгромлен находившийся там японский гарнизон. С этого времени образовалось два фронта—Хабаровский и Николаевский, почему все члены штаба должны были разделиться

и выехать на фронты. При боевых столкновениях на обоих фронтах противник потерпел поражение, понеся крупные потери, что дало возможность партизанским отрядам добыть не только винтовки и патроны, но и обзавестись пулеметами. На всем протяжении Амура между фронтами было восстановлено телеграфное, телефонное и почтовое сообщение; во всех больших селах Амура были открыты лазареты; производилась переброска продуктов из низовьев Амура к Хабаровску, и вообще повелась усиленная подготовка к более крупным боевым операциям. 2-го января 1920 г. из г. Хабаровска бежала пулеметная команда 36-го полка с 4 пулеметами, большим запасом патронов, винтовками и гранатами, а вслед затем начали постепенно один за другим переходить на сторону партизан отряды противника, посылаемые из Хабаровска против партизан. К половине января месяца 1920 г. численность партизанских отрядов Хабаровского и Николаевского фронтов достигала 3000 чел. Разбросанность членов штаба и зародившийся у некоторых командиров отрядов (Тряпицина, Кочнева и частично Соколова), благодаря достигнутым успехам, сепаратизм побудили всех членов штаба немедленно собраться в с. Нижне-Тамбовском.

К этому времени состав штаба, пополненный крестьянскими представителями, увеличился до 14 человек и имел определенно налаженный аппарат с соответствующей канцелярией. В Нижне-Тамбовском штаб был разделен на пять следующих отделов: 1) операционный, 2) агитационно-организационный (политический), 3) хозяйственный, 4) медико-санитарный и 5) вооружения.

Оторванность штаба от фронтов ввиду слишком большого пространства территории, занятой партизанскими отрядами, с одной стороны, невозможность созвать 3-ю конференцию по случаю боевых действий, с другой, наконец, существовавший ранее сепаратизм отдельных командиров отрядов, вылившийся в форму полного неподчинения штабу после издания приказа о представлении отчетности по случаю истечения срока полномочий членов штаба—все это побудило штаб принять ряд спешных решений для предотвращения полного распыления сил, распада организаций и провала составленного штабом общего плана действий.

Реорганизация штаба партотрядов.

В числе этих решений наиболее важными являлись следующие: 1) создание штабов фронтов—Хабаровского и Николаевского, 2) назначение командующим Хабаровским

фронтом Шевчука и дача директив командующим фронтами. Для проведения в жизнь постановлений штаба члены последнего были разделены на три группы: часть осталась в центре для текущей работы штаба, два члена Безсонов*) и Нина Лебедева в конце января месяца 1920 г. выехали на Николаевский фронт, а Павлов-Бойко и Попко на Хабаровский.

Предположения штаба в отношении проведения в жизнь его постановлений не увенчались успѣхами, что повлекло за собою крайне вредные последствия.

Начало тряпицинщины.

Тряпицин не подчинился постановлениям штаба, объявил личную диктатуру на Николаевском фронте и полное непризнание штаба. Нина Лебедева, по приезде на фронт, предпочтя личные, чисто интимные отношения к Тряпицину общему делу, также присоединилась к мнению и действиям Тряпицина и вышла из состава штаба. Переговоры члена штаба Безсонова с Тряпициным, именовавшим себя командующим Красной Армией Николаевского фронта, не привели ни к каким результатам, так как Тряпицин не только отверг распоряжения штаба, но и не позволял даже знакомиться с общей постановкой дела, созывать собрания партизан и категорически отказался выдать провокаторов, находившихся в его рядах, на основании имевшихся у штаба документов (Лапта и другие), мотивируя отказ боевыми действиями, которых фактически не было, хотя и велась подготовка к взятию г. Николаевска.

В конечном счете действия Нины Лебедевой, начальника штаба Наумова и командира Тряпицина вылились в такую форму, что штабу, путем угрозы вооруженной силой Хабаровского фронта, пришлось потребовать отпустить члена штаба Безсонова, задерживаемого под всевозможными предлогами на Николаевском фронте.

Положение Хабаровского фронта.

Во время отъезда на Хабаровский фронт членов штаба в Вяземском районе произошло восстание крестьян и казаков, которые, свергнув власть Колчака, организовали районный совет, куда и выехал один из командированных членов штаба. Действовавший в районе р. Тунгуски отряд Шевчука после удачной первой операции, под напором прибывших на подкрепление крупных сил (около 1200 японских шты-

*) Автор настоящих воспоминаний.

ков), вынужден был отступить на китайскую территорию, почему второму члену штаба пришлось заняться усиленным формированием отрядов на Амуре под Хабаровском, чтобы не дать возможности противнику прорваться на Амур.

В то же время крестьяне, утомленные пытками палачей, стали настойчиво, приговорами, требовать от японцев вывода интервентных войск, указывая определенно, что партизаны являются их защитниками. Так, например, когда японцы потребовали от крестьян дер. Черная Речка убрать из деревни женщин и детей, ввиду намерения японцев начать орудийный обстрел деревни, то крестьяне попросили от штаба партизанских отрядов ввода в деревню для защиты ее всех партизан, а японцам заявили, что станут под ружье от мала до велика, но из деревни не уйдут.

Это заявление было по телеграфу сообщено всему населению реки Амура и нашло быстрый отклик и моральную поддержку.

Калмыков бежал—власть в руках земства.

Японцы, получив такое заявление, больше активных действий уже не предпринимали, тем более, что в это приблизительно время бежал из Хабаровска атаман Калмыков, а несколько дней спустя, в Хабаровск прибыли из Никольск-Уссурийска революционные войска, с представителями которых члены штаба партизанских отрядов вступили в переговоры, как с представителями земских войск.

В результате переговоров было изъявлено партизанами согласие принять временно формы земской власти и начать совместную работу. 19-го февраля вернулся с Николаевского фронта представитель штаба Безсонов, и 20-го февраля штаб командировал в гор. Хабаровск новую делегацию в числе пяти своих членов. После окончательно достигнутого соглашения два члена штаба были оставлены в Хабаровске для организационной работы и контроля над штабом революционных земских войск, причем т-щу Попко было поручено сформировать следственную комиссию и обезвредить оставшихся калмыковских сотрудников, а т-щу Безсонову—сформировать всю гражданскую часть города Хабаровска и его уезда.

При активном участии Хабаровского комитета партии коммунистов организационная работа шла чрезвычайно успешно, тем более, что отношения всего населения г. Хабаровска к революционным войскам было очень хорошее, и организация протекала весьма дружно.

Восстановление Советов.

В это время наладилась уже правильная связь с Владивостоком и Благовещенском. Революционный порыв партизан и крестьянства вызывал усиленный ропот на земскую власть, и отсюда сыпались требования восстановления Советской власти.

Это обстоятельство, с одной стороны, склонность многих коммунистов к скорейшему восстановлению власти Советов, с другой, и, наконец, директивы Владивостока о подготовке к восстановлению Советской власти—с третьей, побудили Хабаровский штаб и его гражданский отдел созвать совещание ответственных работников, на котором в ночь с 11 на 12-ое марта 1920 г. большинством голосов было постановлено переименовать штаб в Исполнительный Комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Таким образом, 12-го марта, в день празднования революции, вновь избранный президиум Исполнительного Комитета принял на себя всю полноту власти в Хабаровске и его уезде, а земство на торжественном заседании сложило свои полномочия.

Советская власть и ее представители были встречены во время торжества по случаю празднования революции бурными приветствиями всего населения г. Хабаровска, и празднование прошло с необычайным революционным подъемом при массовом скоплении народа на улицах города. Только японские конные и пешие патрули взволнованно сновали между толпами народа и вели себя, хоть и изредка, крайне вызывающе.

III. НИКОЛАЕВСКИЕ СОБЫТИЯ.

Командир партизанских отрядов Николаевского района Тряпицин, мобилизовавший все население по Амуру, от села Нижне-Тамбовского до г. Николаевска, и обоз до 300 крестьянских подвод, очистив от японских войск весь Амур и заняв крепость Чныррах, окружил город Николаевск со всех сторон и держал его на осадном положении.

Попытки японцев делать вылазки из города все время встречали отпор со стороны партизан, и японцы быстро возвращались в город. Держа таким образом город на осадном положении и ведя усиленную подготовку к наступлению, Тряпицин два раза посылал в гор. парламентеров, которых японцы зверски убили.

Наконец, когда Николаевское японское командование получило по радио от высшего командования распоряжение, содержание коего незвестно, оно прислало Тряпицину письмо о желании вступить в переговоры. В ответ на поставленные японцами условия, в которых усиленно выговаривалась неприкосновенность всех сражавшихся с партизанами белогвардейцев, Тряпицин послал ответ, в котором указал на пристрастие японцев к одной группе населения, требовал полного невмешательства во внутренние русские дела, и поставил ряд условий, на которых партизаны могли бы без боя вступить в Николаевск. Так как на предложение Тряпицина к назначенному в условии сроку (8-го февраля, к 12 часам дня) ответа от японского командования не последовало, то Тряпицин отдал распоряжение начать обстрел города из орудий, которые были захвачены в крепости.

Обстрел происходил несколько дней, но безрезультатно; несмотря на то, что японцы орудий не имели, Тряпицин наступать на город все же не решался, хотя все партизаны с нетерпением ждали наступления. Так тянулось до 22 февраля.

Тряпицинщина развернулась.

Имея в своих руках радио, Тряпицин вел переговоры с Иркутском, откуда получались все указания, которые он держал в строжайшем секрете, боясь, чтобы они не попали штабу. Посылаемые штабом сведения, сводки и запросы им не передавались, а если, быть может, и передавались, то в редакции, желательной для Тряпицина. Так никто и не знал о действительном положении дела. Все, что было известно по «радио Тряпицина» — это о продвижении Советской армии и о том, что на всем севере от Камчатки до Иркутска была повсеместно свергнута власть Колчака и восстановлены Советы, за исключением Сахалина, где власть Колчака хотя и была свергнута, но была объявлена власть земства. Несмотря на то, что прибывшие с о. Сахалина представители убеждали в том, что это только ширма, туда был послан карательный отряд с наказом уничтожить земство и провозгласить советы.

Действия приверженцев Тряпицина, которыми он себя окружил как в тылу среди крестьянства, так и в самом отряде его, выражавшиеся в порках, а иногда и расстрелах без особой на то причины, вызывали сильный ропот, который не выливался в открытое возмущение лишь благодаря железной дисциплине и уважению к самому Тряпицину за

его революционную храбрость. Видя столь неблагоприятное политическое настроение и принимая во внимание безвластие, заведующий агитационно-организационным отделом штаба т. Безсонов, находившийся на Николаевском фронте, совместно с некоторыми политическими работниками, при участии Нины Лебедевой и в присутствии Тряпицина, спешно разработал правила о выборах в Советы, инструкцию по проведению выборов, и разослал по всем деревням инструкторов для организации Советов, которые должны были пресекать на месте все бесчинства тряпицинских ставленников, а также вести подготовку к съезду трудящихся Сахалинской области после взятия Николаевска, которое ожидали со дня на день.

С падением Владивостока, Хабаровска и других городов Приморской области японцы вновь вступили с Тряпициным в переговоры и согласились на вход партизан в город.

Хлестаковщина Тряпицина, за время осады Николаевска, выразившаяся в массе произволов и насилий над мирным крестьянством и «непокорными» партизанами, а также в популяризовании по радио своих подвигов и заслуг, преувеличиваемых в несколько раз, после вступления в Николаевск еще больше усилилась.

Созванный Областной Съезд протекал под железной пятой Тряпицина, и никто не смел возражать, а если такие смельчаки и находились, то немедленно подвергались преследованию наравне с белогвардейцами, независимо от политических убеждений. Увлекаясь своим величием, Тряпицин и Нина Лебедева не замечали, как японцы усиленно готовились к выступлению.

Выступление японцев.

В ночь с 11 на 12 марта японцы неожиданно окружили штаб Тряпицина, подожгли здание и открыли по всему городу стрельбу. Застигнутые врасплох Тряпицин и члены его штаба бросились бежать из горевшего здания под японским обстрелом, во время которого был ранен Тряпицин, его начальник штаба—Наумов, а многие сотрудники штаба перебиты.

Застигнутые врасплох партизаны, находившиеся по частным домам, без всякой почти команды открыли бой с японцами. Несмотря на то, что японских войск было в городе около 600 чел., а партизан до 5000 человек, потери со стороны партизан были огромны, и если бы не китайские

канонерки, которые открыли огонь по японским цепям, направлявшимся к месту стоянки канонерок и для занятия главного выхода из города, японцы могли бы одержать верх.

Бой длился около трех суток, и в результате было сожжено несколько построек. Японский консул со всей своей семьей и сотрудниками миссии сгорел, все японские солдаты и мирные жители включительно до женщин и детей, как оказавшие содействие своим солдатам во время боя, были уничтожены. Потери со стороны партизан, по сведениям Тряпицина выразились в таких цифрах: 45 человек убитыми и около 150 раненых, в действительности же погибло около 600 человек.

Разогнанный японцами первый Областной Съезд, по окончании всех операций, был созван вторично.

С открытием навигации японцы двинули к Николаевску крупные дессанты из Татарского пролива и по Амуру, из Хабаровска. Видя невозможность сражаться с японцами, после нескольких боев, Тряпицин, взорвав крепость и разрушив почти весь город ,со всеми жителями Николаевска и окрестных деревень двинулся в село Керби, Амурской области, а часть войск двинулась вверх по Амуру. Японцы, прибыв в Николаевск, начали творить зверства над мирными жителями деревень Амура, как русскими, так и гольдами, которые также принимали участие в партизанском движении.

С прибытием в Керби возмущение против штаба Тряпицина росло все больше и больше, что заставляло его не прекращать репрессий. Если вообразить положение беженцев, измученных диктатурой Тряпицина еще в Николаевске, а затем прошедших пешком, с детьми на руках, сотни верст по пустынным горам в полуголодном состоянии, то можно представить себе, какое возмущение должно было царить в лагере беженцев, тем более, что находившиеся частью в рядах беженцев, частью в Керби скрытые сторонники белогвардейцев старались еще больше усилить недовольство. Чтобы не допустить до открытого бунта, Тряпицин стремился подавлять силой всякие возмущения, но это не помогало, так как в рядах партизан, даже верных ему частей, началось сильное брожение, готовое ежедневно вылиться в открытое восстание.

В конце концов никакие репрессии Тряпицина не помогли, и произошел бунт. Этому особенно способствовал следующий случай. Когда Тряпицин приговорил несколько

человек к расстрелу, и уже была приготовлена могила, то приговоренные при содействии всех возмущенных арестовали штаб Тряпицина.

Был избран новый штаб во главе с коммунистом Андреевым. Вновь избранный штаб приговорил Тряпицина и близких его сотрудников к расстрелу.

Так закончились печальные Николаевские события. Провокатор Лапта, направившийся с отрядом вверх по Амуру, был впоследствии арестован партизанами и также расстрелян.

---

01 1/.

IV.

Интервенция и контр-революция на Дальнем Востоке.

(Документы и материапы).

ГАЙДОВСКОЕ ВОССТАНИЕ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ 17—20 НОЯБРЯ 1919 ГОДА.

Помещаемые ниже документы, изъятые из дел Розановской контр-разведки, дают яркую картину подготовки выступления Гайды, предпринятого этим авантюристом в целях «демократизации войск чехо-словаков» под непосредственным руководством партии эсэров.

Восстание это было не удачным: как видно из документов, о нем Розановская контр-разведка была осведомлена довольно хорошо, а другие интервенты—американцы и японцы—это начинание не поддержали.

Отношение Владивостокской организации РКП к этому восстанию было отрицательное, т. к. никто из товарищей не сомневался в том, что оно является очередной авантюрой Гайды; он обращался с предложением к Облкому партии, но этих документов пока еще не найдено.

Из помещаемых документов видно, что и заграничные центры эс-эров не остались безучастны к этой авантюре, но в то же время Колчаковская разведка знала их намерения и предупредила Владивостокского «наместника» Розанова.

Все вместе взятое проливает свет на события в Приморье, до сих пор остававшиеся загадкой даже и для тех, кто в это время принимал участие в партработе в этом крае. Нужно надеяться, что товарищи, имеющие документы и материалы, относящиеся к этому периоду, дадут их для печати, и тогда картина этого периода будет освещена полностью.

Ред.

Секретно.

ТЕЛЕГРАММА

Хабаровск. Наштаокр Приамурского из Ставки. Военная. Срочно.

Наштарм 1, 2, 3, Южной Уральской, Наштаокр Тюменского, Курганского, Оренбургского, Иркутского, Приамурского, Наштаокр Степного. Шифр К-Р.

В настоящее время в Париже идет работа социал-революционеров для борьбы с национальным освободительным движением, возглавляемым верховным правителем и генералом Деникиным. Эс-эры выделили из себя «Совет шести», возглавляется Керенским, в составе Авксентьева, Чхеидзе, Церетелли и Иванова. По более поздним сведениям, в Совет вошел также эсэр Соколов—член бывшего Учредительного собрания. Совет шести постановил—начать борьбу террором с главнейшими руководителями национального движения. Наиболее ярым сторонником и скрытым участником работы Совета шести—является Савинков, имевший тайные свидания с Керенским. В Лондоне правой рукой Керенского—доктор Гапронский, который ведет пропаганду в английских газетах и парламенте. Звеном между Керенским и Савинковым является некто Фундаминский—еврей, участник убийства Александра второго. Лично Савинков и Керенский не видятся, но Фундаминский постоянно бывает у Савинкова, а Керенский в Париже, имея официальный свой адрес, фактически живет у Фундаминского. Другой еврей—фабрикант, живет у Фундаминского и очень причастен к организации. На собрании Совета шести решено не останавливаться ни перед какими средствами. В Сибирь послана уже группа эсэров под видом купцов—для террористических актов с агентом тайной разведки Кобылковским. К генералу Юденичу послан Корнашев, к другим пока не выяснено. На собрании партии Керенского принят проект разделения России на тридцать самостоятельных республик. Большую роль играют Ляичас, Розенбаум, Чхеидзе и Церетелли. Эсэры получили огромные денежные суммы от еврейских и масонских организаций и находят поддержку у левой части французской и английской печати. Сотрудниками Кобылковского в Париже являются офицеры—прапорщик Арбатский, корнет Бутягин, князь Ухтомский Михаил, подпоручик Быховец Адам, затем еврей Гейбович, некая Богданова и другие, главным образом, евреи из русских эмигрантов. Из других офицеров по преступной деятельности в Париже видели полковника Колонтаева, поручика Малахова, прапорщика Джинория. Последнее время Керенский в Лондоне.

Ставка, 16 Августа 1919 года.

НР 27575/кр. Второй генкварверх генмаиор **Рябиков.**

Срочно.
Совершенно секретно.

ВЫПИСКА ИЗ АГЕНТУРНЫХ СВЕДЕНИЙ,

полученных Владивостокским Отделением Военного Контроля 9-го сентября сего 1919 года.

Эсеровские и меньшевистские круги ведут деятельную работу по подготовке переворота и образованию Дальне-восточного правительства. В широком размере ведется агитация среди офицеров.

С приездом бывшего министра юстиции Старынкевича деятельность левых групп значительно оживилась.

Сегодня в Думском зале происходит закрытое заседание. Приглашены отдельными письмами общественные деятели левого направления. В приглашениях указано, что Старынкевич сделает доклад на тему: «Общественные задачи и текущий момент». После доклада будут «товарищеские беседы». Лица, состоящие во главе движения, уже наметили агентов Правительственной власти, кои должны быть физически обезврежены. Так, например, намечены для террористических актов—начальник отделения контр-разведки, его помощник—ротмистр Бабыч, шт.-ротмистр Савельев, подпоручик Криволуцкий и еще двое, фамилии коих пока не выяснены.

Дальнейшее агентурное наблюдение продолжается.

Начальник Владивостокского Отделения
Военного Контроля и Контр-Разведки капитан (подпись).

10 Сентября 1919 года
гор. Владивосток.

Срочно.
Совершенно секретно.

ВЫПИСКА ИЗ АГЕНТУРНЫХ СВЕДЕНИЙ,

полученных Владивостокским Отделением Военного Контроля 11 сентября 1919 года.

Работа к подготовке переворота идет полным темпом. Деятели движения рассчитывают в две, максимум, в три недели закончить всю подготовку. Видимо, организация ве-

дет свою работу, главным образом, на фронте и затем уже в тылу, вплоть до Владивостока.

На Дальнем Востоке, самыми активными городами являются: Харбин, Маньчжурия, Благовещенск и Владивосток. Организация очень многочисленная, средств очень много. В их распоряжении имеется масса паспортов и т. п.

По словам членов организации, чехи и американцы на их стороне. С японцами ведутся переговоры, чтобы они оставались пассивными в момент переворота.

Предположено в день переворота арестовать генерала Розанова и других агентов власти. Судьба арестованных не решена.

Есть два течения—расстрелять или заключить в тюрьму. Первое мнение преобладающее. Затем будет образование демократического управления.

Выдвинуты будут генералы, пользующиеся доверием. Привлечен генерал Гайда, вполне сочувствующий этому движению. Далее—заключение мира с большевиками и тем самым прекращение военных действий на фронте.

Лица, работающие во Владивостокской организации, частью известны, и о них будет сообщено дополнительно.

Агентурное и наружное освещение продолжается. Разработка производится.

Начальник Владивостокского Отделения
Контр-Разведки и Военного контроля капитан (подпись).

12 Сентября 1919 года.

НАЧАЛЬНИК
Владивостокского Отделения
Контр-Разведки
и
ВОЕНН ГО КОНТРОЛЯ
28 сентября 1919 года.
№ 8057
Кр. Владивосток.

Секретно.

Начальнику личной канцелярии Командующего Войсками Приамурского Военного Округа.

РАПОРТ.

Представляя при сем копию прокламации «К гражданам» от имени «Центрального Бюро Военных организаций Сибири», доношу, что подобные прокламации распространяются 3-м бронированным поездом, стоящим на ст. Ник.-Уссурийск.

Большая часть командного состава поезда настроена в духе прокламаций, а прапорщик Сидоров, по сведениям, имеет связь с поездом генерала Гайда, куда не раз ездил и получал деньги. Некоторые из офицеров в разговорах с солдатами угрожали взорвать поезд в случае несогласия в команде (такой разговор был с Н-м пулеметного взвода М. Рещиковым). При распространении прокламаций делают угрозы расправиться с несогласными.

По сведениям, шт.-капитан Голубев, командир броневого поезда № 3, был убит в Ник.-Усс. этой преступной офицерской организацией; вероятно, умышленно был приглашен в ж. д. собрание, по дороге куда и было совершено убийство наемным лицом; при чем офицеры, шедшие с шт.-капитаном Голубевым, не задержали преступника.

Капитан (подпись).

СТАРШИЙ
Наблюд. Окруж. К.Р. Отд.
Приам. Воен. Округа
ПРАПОР. ЯНИКАШ.
№ 19.
30 сентября 1919 г.
Г. Владивосток.

В. Секретно.

Н-ку Окружного К. Р. Отд.
Приамур Военного Округа.

РАПОРТ.

Доношу, что в связи с ожидавшимся выступлением чехов во Владивостоке за бывш. ген. Гайда, мною получены сведения, что офицеры бронепоезда № 3, стоящего в Никольск-Уссурийске, подпоручик Смирнов, прапорщики Сидоров и Климов тайным образом примкнули к чешскому штабу, часто некоторые из них из Никольска приезжали к Гайде за инструкциями, заключавшимися в полном присоединении бронепоезда со всем имуществом и вооружением к восстающим революционерам. На днях они должны были получить от бывшего ген. Гайда пулеметы и взрывчатые вещества, но что им не удалось, благодаря раскрывшемуся заговору и быстрой отправке их в Никольск-Уссур. 29/IX—19 г.

В случае удачи со стороны восставших, они решили захватить, стоящий на ст. Владивосток, бронепоезд «Калмыковец»».

При чем ими в Никольске велась агитация в 33 сиб. стрелковом полку за выступление чехов; ими даже расклеивались ночью по городу прокламации большевицкого содержания.

На днях, при похоронах убитого командира бронепоезда № 3 шт.-капитана Голубева, подпоручик, встретившийся на ст. Седанка с командиром бронепоезда № 2 поручиком Седловым, которому он предложил пока присоединиться к восстанию, но после того, как поручик Седлов его за это выругал и прогнал, тот угрожал убийством его.

Нет сомнения, что они являлись соучастниками при убийстве в г. Никольске шт.-капитана Голубева, который, судя по этому, им очень мешал.

Прапорщик **Яникаш.**

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА.

1919 г. сентября 30 дня я, офицер для поручений окружного контр-разведывательного отделения Приамурского Военного Округа прапорщик Бобровников, по приказанию начальника этого отделения производил дознание о......*).

Зовут меня Маркел Сергеевич Петухов, казак Енисейского войска, 33 лет, женат, правосл., под судом не был, служу при личной канцелярии комвойсками.

По делу показываю: в субботу, 27 сентября, я был на вокзале в ставке командующего войсками, возвращался оттуда в 10 часов вечера, меня повстречал какой-то военный, я думал, что часовой, хотя он был без ружья, но при револьвере и шашке, он, узнав меня, что я казак, стал говорить мне, за что мы теперь воюем и как бы хорошо было, чтобы пришла новая власть, но какая, я не мог понять из его разговоров, потом уже подхорунжий Соловьев высказывал казаку Коновалову свои мысли, что придет власть, но не большевистская. То лицо, с которым я начал разговор, я по фамилии не знаю, после встречи около вагонов, он пригласил меня в вагон, на стакан

---

*) Здесь, очевидно, пропущено название дела, по которому производился допрос, т. е. та обычная формула, которая пишется при допросах.

чаю, но так как я не располагал к нему сочувствием, как служащему в конвое Гайды, а из казаков там служил один енисеец, подхорунжий Соловьев, то, когда он ушел искать помидоры, я ушел оттуда. В вагоне я заметил пять казаков их конвоя, они сидели за столом и играли в карты.

Вставлено «казаку Коновалову» прочитано, записано правильно.

Маркел Петухов.

Прапорщик **Бобровников.**

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА.

Октября 1 дня 1919 г. гор. Владивосток.

Я, помощник начальника контр-развед. отделения Приамурск. Военного Округа, штабс-капитан Черненко, по поручению начальника отделения, допрашивал прапорщика Андреева, командира броневого автомобиля № 2, который показал: 27 сентября ко мне пришел подпоручик Смирнов, старший артиллерийский офицер на бронепоезде № 3, который сообщил мне про убийство шт.-кап. Голубева и сказал, что ему нужно со мной поговорить по очень важному делу.

Сначала он был нерешителен в своем разговоре, но постепенно разошелся и начал описывать мне положение в Сибири, указывая на восстания крестьян в Тайшете и др. местах и подчеркивая, что это не восстание большевиков, а крестьянское небольшевистское движение, которое вызвано политикой адмирала Колчака, в виду порок, расстрелов и т. п.; указав на это, Смирнов заявил, что такое правительство нужно свергнуть и установить демократическое п—во, которое дало бы амнистию всем заключенным, уничтожило бы порки и расстрелы и скорее бы заключило мир с большевиками.

Выслушав его, я задал ему вопрос, каким путем предполагается произвести переворот. На это Смирнов ответил, что генерал Гайда, уезжая из Омска намеревался уехать в Японию, но проехав всю Сибирь, и видя к себе сочувственное отношение со стороны населения, Гайда решил остаться во Владивостоке и помочь активно населению свергнуть власть Колчака. Далее Смирнов сказал, что если бы не приехал сюда Гайда, то все равно они-бы взорвали бронепоезд,

а оружие все постарались бы увезти в сопки к красным. Узнав же, что Гайда также против правительства адмирала Колчака, они, т. е. подпоручик Смирнов, прап. Сидоров и прап. Климов тайно от шт.-кап. Голубева послали к Гайда прап. Сидорова, являющегося у них вожаком, с предложением своих услуг, что бронепоезд № 3 к его услугам и по первому приказанию Гайды прибудет во Владивосток и будет исполнять лишь его приказания.

Здесь же Смирнов упомянул, что им очень сильно мешал шт.-кап. Голубев и тут-же подчеркнул, что убийство Голубева не их рук, но они довольны его смертью. Тут же Смирнов, упомянул, что видел меня, как я грузился на своем бронеавтомобиле для совместного выступления в город Владивосток из Никольска с конно-егерским полком, который они хотели взорвать, но решив, что я, быть может, пригожусь, оставили свое намерение. Рассказав все это мне, Смирнов предложил присоединиться мне со своим броневым автомобилем к ним и даже повлиять на других командиров—поручика Григорьева и шт.-кап. Чунихина. Далее он предложил пойти с ним в поезд Гайды, где я получу подробные инструкции и указания, как действовать. На это я ему сказал, что ответ дам завтра, и сам ушел ночевать в поезд генерала Розанова, куда прийдя, все рассказал капитану Пономареву и шт.-кап. Чунихину.

На другой день 28 сентября я пришел к себе на квартиру, где спал подпор. Смирнов. Разбудив его, я предложил ему итти на вокзал чай пить. Смирнов тут-же спросил меня о моем ответе, на что я сказал, что согласен. Тогда Смирнов сказал, что пойдем на вокзал, выпьем чаю, узнаем пришел-ли поезд № 3 с телом Голубева и скажем прапорщ. Сидорову о твоем согласии. Придя на вокзал, мы увидели, что поезд пришел, прошли в буфет, выпили кофе и Смирнов сказал, что пойдет переговорить с прап. Сидоровым, на это я ему сказал, что на минутку схожу в поезд генерала Розанова.

Вернувшись обратно, я нашел на вокзале подпор. Смирнова, с которым прошел в поезд № 3, где, поздоровавшись с Сидоровым, сейчас же ушел с Смирновым в поезд Гайды. Дорогой Смирнов сказал, что познакомит сейчас меня у Гайды с капитаном Калашниковым, бывшим поручиком, помощником командующего войсками Иркутского Воен. Округа во времена Керенского. Придя в поезд Гайды, мы прошли в вагон Северо-Донецкой дороги, где подпор. Смирнов спросил капитана Калашникова; на это сидевший в купэ

прапорщик (фамилию не знаю) ответил, что Калашникова нет, а вместо него, придет сейчас поручик Молотковский, который действительно через несколько минут пришел, и которому меня Смирнов представил, как командира бронированного автомобиля № 2. Было предложено сесть, и Смирнов обратился к Молотковскому с вопросом, действительно-ли они присылали офицера к ним в Никольск с литературой, на что Молотковский ответил утвердительно. Затем Молотковский спросил, действительно ли Голубева убили большевики, на что Смирнов сказал: «нужно думать, что большевики».

Окончив разговор со Смирновым Молотковский обратился ко мне с вопросом: «а о чем мы будем с вами разговаривать?». На что я ему сказал, что будучи посвящен подпор. Смирновым во все то, что вы предполагаете сделать, я, изъявляя свое согласие на участие в восстании, и пришел к вам за инструкциями. Тут же Молотковский подчеркнул, что бесполезно сопротивляться, т. к. союзники, в особенности американцы и чехи идут за Гайдой. Тут же Молотковский сказал, что о деталях моей помощи при выступлении поговорит отдельно. В общих чертах моя помощь должна выразиться в следующем виде: в день восстания я должен, имея белый флаг, ехать на своем автомобиле в чешский штаб, если нужно по пути стреляя в правительственные войска, и захватить замки от пулеметов с других бронированных автомобилей, которые не присоединятся. Бронированный поезд № 3 должен в это время стараться захватить бронепоезд «Калмыковец», если будет тут сам атаман Калмыков, то убить его, что взял на себя подпор. Смирнов. На вопрос Смирнова, что будет с атаманом после переворота, последовал ответ, что заманим их сюда во Владивосток под видом службы и убьем—Семенова, Анненкова и Калмыкова. Затем мы условились, что когда нужно будет мне что-либо сообщить, то ко мне позвонят на квартиру по телефону или пришлют офицера. На этом разговор окончился, и мы ушли, Смирнов к себе в бронепоезд, а я к себе в поезд генерала Розанова, откуда вскоре пошел на похороны шт.-кап. Голубева.

Во время похорон ко мне подошел Сидоров и спросил. был-ли я у Гайды и как решил вопрос о моем присоединении. Я ответил, что в утвердительном смысле. Подпор. Смирнов здесь все время просил меня познакомить его с поруч. Григоровым. Эту ночь он ночевал у меня. На другой день утром я видел Смирнова и проводил до поезда Гайды и с тех

пор больше не видел. Добавляю, что скрывшийся из поезда брон. № 3 прап. Климов находится на 1-й Речке у слесаря депо Иванова, здесь же живет жена Климова и возможно скрывается подп. Смирнов.

Показание мне прочитано и записано с моих слов.

Прапорщик **Андреев.**

Шт.-капитан **Черненко.**

Дополнительно показываю: сегодня 1 октября, в 5½ час. утра я пошел в поезд ген. Гайды, встретил ранее упоминаемого прапорщика, фамилия коего Козлов. На мой вопрос, где Смирнов, которого я уже не видел два дня, Козлов сказал, что бронепоезд № 3 весь раскассировался, переменена вся команда и офицеры, прапорщик Климов арестован в Никольске, а Сидоров и Смирнов скрылись и поэтому теперь скрываются, но находятся в безопасности у них в поезде. Далее Козлов предложил мне придти завтра, 2 октября в 12 час дня в поезд, где я увижу Смирнова. Далее Козлов согласился на приход пор. Григорова в поезд. После этого я попрощался и ушел. Показание записано с моих слов.

Прапорщик **Андреев.**

Шт.-капитан **Черненко.**

ПРОТОКОЛ

Октября 2 дня 1919 г., я, помощник начальника контрразвед. отделения Приамурского Военного Округа, по поручению начальника отделения, допрашивал прапорщика Андреева, командира бронир. автомобиля № 2, который показал:

В 12 час. дня сегодня я подошел к поезду ген. Гайды, где около вагона встретил подпор. Смирнова, который шел с котелком на кухню. Подойдя к Смирнову и поздоровавшись с ним, мы прошли в поезд, где Смирнов начал мне рассказывать, что в бронепоезде № 3 по прибытии его в Никольск были арестованы прап. Климов и прап. Сидоров и два юнкера. Когда арестованных вели на гауптвахту, то Сидоров и два юнкера убежали из-под конвоя и, придя к себе обратно в поезд, взяв оружие, пошли пешком во Владивосток, куда и пришли вчера 1 октября и в настоящее время находятся в безопасном месте.

Далее Смирнов стал говорить, что 29 сентября вечером он уехал в Никольск и вернулся 30 сентября и теперь снова поедет в Никольск сегодня ночью или завтра по очень важному делу, но боится ехать поездом, а поэтому предполагает ехать на лодке по Амурскому заливу, но если не удастся, то рискнет по железной дороге. Тут же Смирнов добавил, что виновниками ареста он считает или к-ра бронепоезда № 2 поручика Седлова или мл. унт.-офицера бронепоезда № 3 Рещикова, которого «мы скоро отправим туда, куда ушел Голубев». Здесь же Смирнов показал мне новый документ о личности, по которому Смирнов числится офицером «Ударного бессмертного баталиона имени Гайды», но уже под другой фамилией.

Во время моего с ним разговора, Смирнов был одет в форму этого б-на, которая состоит в том, в отличие от нашей русской, что на погонах на поперечном краю была зеленая ленточка, посредине две буквы «У Б» (ударный баталион) и на левом рукаве посредине на черном бархате эмблема смерти (череп с двумя перекрещенными костьми). Далее Смирнов сказал, что подождет еще дней 7-10, а там «начнем вынимать из обращения неугодных нам лиц».

Тут же Смирнов добавил, что за Климова в общем опасаться нечего, т. к. мы приняли нужные меры, и он будет скоро освобожден. Что же касается лично Смирнова, то в случае, если сам будет арестован здесь, то он, как имеющий чешский документ, обратится за содействием к иностранцам, если же почему-либо он все-таки будет доставлен на русскую гауптвахту, то его освободит полковник Бутенко или подполковник Хальзев (комендант города), которые за одно с ними. После этого разговора стали к нам в купэ приходить офицеры, с которыми знакомил меня Смирнов, но они тотчас же уходили. Затем вошел в купэ господин в полуштатском в полувоенном платье, который как оказалось, есть полковник, но фамилии его не говорят, т. к. он является одним из важных лиц у Гайды, кличка «Борис Иванович» *). В разговоре со мной «полковник» сказал, что знает меня, кто я, где служу и добавил, что если

*) Под этой кличкой значился полковник Солодовников, который после неудачи ноябрьского восстания в 1919 г. вместе с Гайда уехал в Чехию, где на досуге написал брошюру под заглавием: «Сибирские авантюры и генерал Гайда». Отзыв о ней т-ща Лепешинского помещен в «Пролетарской Революции» № 1 за 1921 г.

кто-либо из их офицеров будет арестован, то они скоро узнают, кто виновен и тот «24 минут» не проживет. Здесь же «полковник» просил меня по возможности побольше завербовать офицеров, но не приводить их в поезд, когда же понадобится меня увидеть, то в окне вагона № 1763 будет вывешена синяя или красная бумажка, когда я должен зайти в вагон. Затем я распрощался с «полковником» и с Смирновым и ушел. Показание мое записано правильно.

Прапорщик **Андреев.**

Шт.-Капитан **Черненко.**

ПРОТОКОЛ

1919 года октября 5 дня, я начальник контр-разведывательного отделения Приамурского Военного Округа подполковник Алексеев арестовал нижепоименованных лиц, которые показали:

1) Поручик Седлов, Геннадий Сергеевич, 21 года, православный, командир бронепоезда № 2 военного ведомства на Дальнем Востоке, под судом и следствием не состоял. Подпоручика Смирнова, старшего артиллерийского офицера бронепоезда № 3 я знал еще с 1915 года, когда ходил в артиллерийское училище. Подпоручик Смирнов был в Михайловском артиллерийском училище, а я был в Константиновском артиллерийском училище. Затем по окончании училища вместе служили в Одессе в 42 мортирном артиллерийском дивизионе. Вместе же с ним прибыли на Восток и поступили в особый Маньчжурский отряд атамана Семенова, а оттуда переехали в распоряжение генерала Хорвата, где вновь сформировали броневые поезда № 2 и 3. Накануне убийства капитана Голубева, подпоручик Смирнов передал мне через моего брата служащего добровольцем на бронепоезде № 2, что он хочет со мной поговорить по очень важному делу, что сейчас правительство Колчака не крепко, что уже организовалась группа, в которую предлагает войти и мне.

Во время похорон капитана Голубева я встретился с подпоручиком Смирновым и тут он подтвердил то, что передавал через брата, сообщив, что правительство Колчака не крепко, что уже образовалась организация, к ко-

торой можно было бы примкнуть, что скоро будет переворот, на что я ему ответил, что я никогда красногвардейских взглядов не разделял и послал его ко всем чертям. Прапорщика Сидорова знаю по службе в семеновском отряде, но с ним у меня частных разговоров не было. Знаю, что Смирнов и юнкер Мурашев и Рубцов старые друзья по Сибирскому кадетскому корпусу.

Поручик **Седлов.**

Подполковник **Алексеев.**

2) Прапорщик Миронов, Сафроний Феодосеевич, 22 лет, православный, младший офицер бронепоезда № 2, под судом и следствием не состоял. Подпоручика Смирнова знаю по отряду атамана Семенова, с ним никогда никаких бесед не вел, а прапорщика Сидорова знал больше, так как с ним был в одной команде еще в семеновском полку, а тогда вместе перешли в броневые поезда. За все время службы прапорщик Сидоров во время бесед всегда защищал сторону большевиков, а во время боев сам же их всегда бил и считался у нас первым бойцом большевиков, так что все, что говорил в пользу большевиков прапорщик Сидоров, вызвало у меня смех, и мы его понимали, как лицо, которое говорит одно, а делает другое и поэтому не придавали его словам значения. К прапорщику Сидорову приезжал брат из Читы, который сейчас служит в судостроительном заводе, уклоняясь от воинской повинности. Брат этот тоже защищает идею большевиков.

За последнее время прапорщик Сидоров стал говорить, что если его пошлют на фронт, то он сбежит в сопки. Однажды прапорщик Сидоров говорил, что лучше сбежать, а поезд спустить под откос, а затем и опять же захватить его в случае перевеса на их стороне. В общем прапорщик Сидоров не сторонник существующего строя.

Прапорщик **Миронов.** Подполковник **Алексеев.**

Дополнительно к сказанному выше прапорщик Миронов добавил, что находясь 22 сентября с. г. в командировке в гор. Никольске-Уссурийске, я останавливался в бронепоезде № 3. В тот же день вечером все офицеры бронепоезда № 3 были в железнодорожном собрании, и когда мы собрались уходить

из собрания, то прапорщик Сидоров вышел ранее нас минуты за две. Затем вышли остальные—капитан Голубев, поручик Зеберг, техник Яворский, военный чиновник Чурин и несколько солдат. Отошли шагов пятьдесят от собрания—из садика послышались два выстрела, был ранен поручик Зеберг, который сам дошел до поезда. Затем, на другой день, я поехал на службу, и меня провожал прапорщик Сидоров, который завел разговор о том, кто у нас в поезде относится к ожидаемому перевороту и что необходимо, так как это подготовит солдат, ибо у нас в поезде № 3 уже начали подготовлять солдат к этому перевороту, ибо существующее правительство Колчака слабо и лучше будет, если станут во главе эс-эры. На это я его выругал, обозвав комиссаром, и уехал, но он все же в догонку мне сказал—смотрите, как бы вам не пришлось плакать. Я знаю со слов поручика Лоскутова, что в день убийства капитана Голубева, Сидоров тоже ушел раньше из собрания и явился домой часа через два после убийства капитана Голубева, в этом деле подозревают, что Голубева, вероятно, убил прапорщик Сидоров. Прапорщик Сидоров и подпоручик Смирнов к ранению и убийству капитана Голубева отнеслись весьма безразлично и даже не явились и не высказали никакого сочувствия.

Прапорщик **Миронов.** Подполковник **Алексеев.**

ПРОТОКОЛ.

Октября 21 дня 1919 г. я, помощник н-ка к.-р. отделения Приамурского Военного Округа, опрашивал прапорщика Андреева, который показал:

21 октября, проходя мимо поезда Гайды, я увидел в окне вагона пор. Молотковского, который поманил меня пальцем, и я зашел в вагон. Здесь он сказал мне, что сейчас придет сюда «Борис Иванович» (полк. Солодовников). Действительно, через некоторое время пришел он и спросил меня, чем могу быть я им полезен. На это я сказал, что в случае переворота я могу у бронированных автомобилей снять магнет и замки у пулеметов, т. е. привести автомобили во временную негодность. Далее Солодовников спросил меня относительно других командиров брониров. автомобилей, на что я его уверял, что за деньги они будут также помогать. Далее Солодовников предложил мне давать ему сведения о всех проявлениях войск Семенова, Калмыкова и генерала Розанова, а также и их самих, сообщая обо всем этом за три дня. Далее сказал ему,

что я имею знакомство среди членов к. р., Солодовников предложил мне давать ему сведения о деятельности кап. Крашенникова и полк. Алексеева, указав, что мое посещение помещения к. р. не будет для них подозрительным, т. к. они мне доверяют. Тут уже Солодовников предложил мне оказать содействие приезжающим к ним из Сибири лицам, о коих они будут меня ставить в известность. Задав мне вопрос о причинах террористических актов, Солодовников предложил мне принять участие в намеченных убийствах. Между прочим, из разговора я понял, что они хотят убить кап. Крашенникова и полк. Алексеева, считая их большой помехой в деле, затеваемом ими.

Предложив мне давать сведения о контр-разведке, Солодовников указал, что у них имеются документы, компрометирующие американцев, и что эти документы необходимо украсть, на что будет отпущено, если нужно, миллион рублей и даже больше.

Шт.-кап. **Черненко.**

ПРОТОКОЛ.

24 октября 1919 года я, помощник начальника к.-р. отделения штаба Приамурского Военного Округа шт.-кап. Черненко, опрашивал прапорщ. Андреева, который показал:

23 октября мною был послан солдат моего броневого автомобиля мл. ун.-офицер Гирш в поезд Гайды, где его провели к Борису Ивановичу (полк. Солодовникову), который, узнав, что он посланец от меня, принял его очень любезно и сказал ему, что он, Гирш, являясь связью между им и мною, должен передать нижеследующее:

1) кто служил в контр-разведке из поезда ген. Розанова под № 54;

2) где находится квартира капитана Крашенникова;

3) состав контр-развед. отделений и кто начальники их;

4) подыскать конспиративную квартиру, указав все ее выгоды и невыгоды;

5) состав команды моего автомобиля, вооружение частей, охраняющих поезд генерала Розанова.

Указав на эти требования, Борис Иванович сказал, что общая задача постоянная—это указывать по возможности заблаговременно, но не менее как за 3—4 часа, что предполагает делать ген. Розанов, Семенов и Калмыков. Далее он сказал,

что вечером ко мне придет один господин с сигарой во рту. Действительно, часов около 8-ми вечера ко мне пришел господин, оказавшийся служащим т. дома Кунст и Альберс М. С. Ворониным, который сказал, что он в организации состоит недавно, что его в нее ввел прапорщ. Червас, что он не в курсе всего дела и здесь сказал, что меня просили передать вам, чтобы вы сделали то, что было утром вам передано от Бориса Ивановича, через солдата. На это я ему сказал—хорошо. После этого он ушел. Сегодня утром он мне позвонил, прося зайти к нему в магазин.

Больше ничего добавить не могу. Показание мне прочитано.

Прапорщик **Андреев.** Шт.-кап. **Черненко.**

ПРОТОКОЛ.

Опрошенный сего 30 октября 1919 г. прапорщик Андреев показал: 29 октября, в 8 часов вечера я пошел в поезд Гайды, где меня принял Борис Иванович (полк. Солодовников), который, попросив меня подождать, ушел и через минут 5 вошел в вагон сам Гайда, одетый в русскую генеральскую форму с орденами на груди, Борис Иванович представил меня Гайде, который сел напротив меня за стол. Тутже Гайда спросил меня, действительно-ли я командир бронированного автомобиля и что он давно хотел уже видеть меня и указать мне общие цели и задачи, какие преследует он—Гайда и какие предстоят мне. Далее Гайда сказал мне, что он совместно с партией эсэров намеревается свергнуть правительство адмирала Колчака, причем время переворота зависит от успехов армии генерала Деникина, т. е., если ген. Деникин возьмет в скором времени Москву, то он Гайда на время отложит свой переворот, почему—он, Гайда, мне не сказал. После переворота первой своей задачей Гайда ставит экономическое улучшение положения страны, путем урегулирования транспорта и поднятия курса рубля. Причем Гайда подчеркнул, что борьба с большевиками бессмысленна, т. к. они также слабы, как и мы, а потому всегда можно найти компромисс. Толчком к перевороту здесь во Владивостоке может послужить, например, убийство одного из солдат, или офицеров из поезда Гайда. Причем флот, по заявлению Гайды, на его стороне. Общее же положение: для ускорения переворота послужит ухудшение положения на фронте и у Деникина. Далее Гайда сказал, что сейчас между-

народное положение рисуется в следующем виде: здесь на востоке имеется три группировки—американо-чехо-китайская, англо-французская и японская. Последняя—японская—не опасна, т. к. в ближайшем времени вспыхнут сильные беспорядки в Корее и рисовые бунты внутри страны; англо-французы будут нейтральны, т. к. против чехов американцы*) не пойдут, остается американо-чехо-китайская—наиболее сильная и активная, которой мы придерживаемся и которая нам поможет.

Когда совершится переворот, то Гайда обещал мне выезд в Шанхай, полную безопасность и снабжение деньгами. Со мной сегодня же был шт.-кап. Чунихин, которого принял Гайда и сказал ему, что обещает также свободный выезд за границу за помощь, которую он окажет при перевороте. Что касается моего броневика, то Гайда сказал, что у него имеется кадр шофферов и пулеметчиков, которых он посадит когда будет нужно на автомобиль. Затем Гайда поблагодарил меня за службу и сказал, что когда я буду нужен, то в поезде в окне будет красный огонь.

Во время моего разговора с Гайдой, «Борис Иванович», присутствовавший здесь все время, сказал, что у них имеется черный список, куда занесено очень много лиц, между прочим он упомянул полковника Сыромятникова, подполковника Алексеева, капитана Крашенникова, подп. Булахова, шт.-кап. Черненко, ротмистра Бабича и др. Добавляю, что Гайда сказал, что он никому не выдаст прапорщика Козлова и ун.-оф. Артемьева, и что ни один прокурор здесь не поможет. В этот же вечер я был во всех вагонах поезда Гайда, повсюду царило возбуждение, все в поезде ожидали нападения, а потому все солдаты и офицеры поезда были одеты по походному и всю ночь не спали. Никого никуда из поезда не пускают. Установлено повсюду усиленное наблюдение как за отдельными лицами, так и за прибывающими эшелонами. Больше ничего добавить не могу.

Прапорщик **Андреев.**

Шт.-капитан **Черненко.**

---

*) Очевидно, надо сказать—англичане.

ПРОТОКОЛ.

Опрошенный мною, шт.-капитаном Черненко, прапорщик Андреев, показал: 4 ноября ко мне пришел Воронин, посланный от Гайды, чтобы я шел в поезд, где меня ждет Борис Иванович (полк. Солодовников). Я и шт.-кап. Чунихин пришли в поезд в 8 час. вечера. Здесь нас встретил Борис Иванович и сказал, что сегодня мы будем говорить с Гайдой, а пока спросил, что хочет получить Чунихин за содействие, которое он окажет при перевороте. Переговорив с Чунихиным, Солодовников позвал прапорщика Сидорова, который сказал мне, что у них имеется подозрение, что я якобы выдал властям бронепоезд № 3, но Солодовников сказал, что он отвергает это подозрение и убежден, что сделал это не я, что он и сказал Сидорову и Смирнову, который даже хотел меня за это убить. После прап. Сидоров предупредил меня, чтобы я был осторожнее. После этого мы пошли к Гайде, который встретил нас любезно и усадил в своем вагоне. Свой разговор начал Гайда с того, что сказал, что Омск почти что не существует, правительство также, ибо красные сильным и неудержимым потоком идут сюда на Восток, войска бегут, поэтому более благоприятного момента, как теперь, быть не может для переворота. Нам необходимо взять власть в свои руки и этот момент недалеко, всего лишь несколько дней. Что касается находящихся здесь русских войск, то Гайда сказал, что 7 рота инструкторской школы на Русском Острове на его стороне, и если остальные войска не подчинятся ему, то для этого у него имеется первый чешский полк, который подавит на Русском Острове всякое выступление. Другие чешские части, стоящие в разных частях города, также примут активное участие в перевороте и «разметут» все, что будет стоять у них на пути. Далее Гайда добавил, что при необходимости помогут ему и американцы. Что касается японцев, то Гайда сказал, что они,—японцы, по всей вероятности, против него, Гайды, не выступят, хотя у них имеется тенденция выступать, и если все таки они выступят, то будут быстро ликвидированы, т. к. их здесь мало и чехи их разобьют, а пока подойдет к японцам подкрепление, то мы успеем заключить мир с большевиками и совместно с ними откроем общий противо-японский фронт. Далее Гайда сказал, что генерал Розанов, хотя по убеждениям монархист, но человек честный и понимающий момент, а поэтому я уверен, что не сегодня—завтра он ко мне придет с визитом, видя бесполезность какого бы то ни было сопротивления. За-

ГАИДОВСКОЕ ВОССТАНИЕ.

Расстрелянные на вокзале.

Броневик «Калмыковец» на ст. Владивосток.

тем Гайда вынул из кармана прилагаемый при сем на рисунке значек и дал его мне, говоря, что когда прибудет ко мне человек от него с таким знаком, то на этом значке будет написано «немедленно», через час, два и т. д., тогда я должен буду садиться на свой броневик, никого не спрашивая и ехать к поезду, т. е. значит начинается выступление. Между прочим Солодовников сказал, что стоящий в Хабаровске 36 Сиб. полк весь на их стороне и что задача его, в случае переворота, выступить против отряда атамана Калмыкова. В конце разговора Гайда заметил, что повсюду у него великолепная организация, и он обладает силой и, как на пример, указал на освобождение с Никольской гарнизонной гауптвахты прапорщиков Мальковича и Климова, которые находятся теперь у него в поезде.

Прапорщик **Андреев.**

Шт.-капитан **Черненко.**

ДОКЛАД.

28 сентября с. г. в отделение поступили секретным путем сведения о готовящемся государственном перевороте, в котором видную роль должны играть некоторые чины броневого поезда № 3 В. В. на Дальнем Востоке.

Принятыми мерами выяснено пока следующее:

Генерал чешской службы Гайда, видя по дороге из Омска во Владивосток, откуда он предполагал уехать в Японию, сочувственное к себе отношение Сибири, возымел намерение активно помочь этому населению свергнуть правительство адмирала Колчака, для чего, оставшись во Владивостоке, стал предпринимать в этом отношении известные шаги.

Об этом намерении генерала Гайда стало известно офицерам броневого поезда № 3 подпоручику Смирнову, прапорщику Сидорову и прапорщику Климову, которые, тайно от командира этого поезда шт.-капитана Голубева, послали к генералу Гайда прапорщика Сидорова, являющегося у них вожаком, с предложением своих услуг к подготовке государственного переворота, обещая по первому требованию генерала Гайда доставить поезд во Владивосток, где он будет исполнять лишь его приказания.

Преступная деятельность этих офицеров, к которым примкнули также состоящие на службе в броневом поезде

№ 3 и скрывшиеся в настоящее время с последнего юнкер Мурашев и гардемарин Рубцов, началась с убийства на ст. Никольск-Уссурийский командира этого поезда штабс-капитана Голубева, стоявшего им на дороге к захвату бронепоезда.

В дальнейшем поступили сведения, что бронепоезд № 3, получив от чехов во Владивостоке противоправительственные прокламации и взрывчатые вещества, должен направиться в гор. Никольск-Уссурийский, где предполагается войти в связь с гарнизоном этого города и местным населением, для подготовки там вооруженного восстания против существующей власти.

На основании этих сведений, бронепоезд № 3, 29 сентября с/г., прибыл на ст. Никольск-Уссурийский, был подвергнут обыску для нахождения в нем преступных прокламаций и взрывчатых веществ, но таковых тщательным обыском обнаружено не было.

Офицеры этого поезда Климов и Сидоров были задержаны, причем Сидоров скрылся; подпоручик же Смирнов, с поездом в г. Никольск-Уссурийский не прибыл, а остался во Владивостоке.

В вещах подпоручика Смирнова был обнаружен начерченный карандашем на листе писчей бумаги план г. Никольск-Уссурийского; судя по заметкам на этом плане, последний имеет какое-то отношение к готовящемуся восстанию в этом городе; в вещах же прапорщика Сидорова найдена бессрочная паспортная книжка за № 1242, выданная Хотильмским волостным правлением Карачевского уезда, Орловской губернии на имя Григория Николаевича Козлова.

На другой день после обыска, а именно 30 сентября, рядовой бронепоезда № 3 Полюхович случайно обнаружил в вагоне рядом стоящего с броневиком № 3 состава какой-то сверток, оказавшийся с противоправительственными прокламациями, в количестве около 100 штук. Прокламации эти напечатаны на пол-странице писчего листа, озаглавлены «К гражданам», содержат призыв к свержению существующей власти и подписаны «Центральное Бюро военных организаций Сибири»*).

Ввиду полученных сведений, что скрывшийся от задержания прапорщик Сидоров, а также и подпоручик Смирнов намереваются прибыть в г. Никольск-Уссурийский, за появлением этих лиц было установлено наблюдение, которое отметило, что в субботу 4 октября к бронепоезду № 3 подо-

*) Достать текст этой прокламации не удалось. **Ред.**

шел какой-то прапорщик, и стал спрашивать не приехали-ли подпоручик Смирнов и прапорщик Сидоров.

Прапорщик этот, оказавшийся Мальковичем, был задержан вместе с находившимся при нем свертком, в котором были обнаружены: переносный телеграфный аппарат Морзе и два телефонных аппарата для подслушивания телефонных переговоров. Малькович при задержании показал, что он, намереваясь в этот день выехать, по личным делам во Владивосток, сидел на вокзале ст. Никольск-Уссурийский, когда к нему подошел неизвестный ему ранее чешский майор, по фамилии что-то вроде Кауделькe и, узнав, что Малькович едет во Владивосток, попросил его отвезти эти аппараты во Владивосток в чешский штаб; кому именно должны быть переданы во Владивостоке эти аппараты, он, Малькович, не успел узнать от майора, так как был вскоре после разговора с ним арестован.

Опросом некоторых чинов бронепоезда № 3 подтверждается существование в этом поезде какой-то, видимо, с преступными целями связи между подпоручиком Смирновым и прапорщиком Сидоровым, юнкером Мурашевым и гардемарином Рубцовым и даже возможность убийства бывшего командира этого поезда штабс-капитана Голубева если не самми этими лицами, то по настоянию и при участии их; за прапорщиком Климовым ничего подозрительного замечено не было; сам-же Климов, при опросе, показал: 17 сентября с/г. поручик Смирнов пригласил его в свое купэ, где уже находились прапорщик Сидоров, юнкер Мурашев, и гардемарин Рубцов. Удалив всех этих лиц из купэ, Смирнов сообщил Климову о готовящемся во Владивостоке перевороте и пригласил его помочь Земскому Собранию и быть наготове к перевороту. После уклончивого ответа на это со стороны Климова, Смирнов сказал, что если он, Климов, не хочет вступить в его организацию, то просит только молчать и не выдавать их; Климов согласился на молчание, при условии, что Смирнов, не будет трогать подчиненную ему, Климову, техническую команду бронепезда № 3 и на этом разговор окончился, и больше не подымался.

Скрывавшиеся с бронепоезда № 3 подпоручик Смирнов и прапорщик Сидоров в настоящее время находятся во Владивостоке, в поезде чешского генерала Гайда; причем Смирнов получил от чехов новый документ о личности, на другую фамилию, по которому он именуется офицером ударного бессмертного баталиона имени Гайды. Кроме Смирнова и Сидорова в этом же поезде Гайды постоянно про-

живают следующие лица, принимающие самое живое участие в подготовке государственного переворота: бывший полковник Борис Иванович Солодовников, капитан Калашников, поручик Молотковский, прапорщик Козлов и военный врач Григорьев.

Всеми этими лицами, во главе с Солодовниковым, принимаются в настоящее время усилия завербовать большее количество офицеров в свою преступную организацию, в которую, якобы, даже входят комендант Владивостокской крепости полковник Бутенко и комендант города Владивостока полковник Хальзев.

Дальнейшее наблюдение за всеми этими личностями и их деятельностью продолжается, а равно приняты меры к задержанию скрывающихся Смирнова, Сидорова, Рубцова и Муращова; задержанные же по этому делу прапорщики Климов и Малькович содержатся в Никольск-Уссурийской гауптвахте.

Выписка из протокола показания от 2 октября 1919 года.

.... «что же касается лично Смирнова, то в случае если он будет арестован здесь, то он, как имеющий чешский документ, обратится за содействием к иностранцам, если же почему-либо он всетаки будет доставлен на гауптвахту, то его освободит полковник Бутенко или подполковник Хальзев».

Подлинное подписано и верно:

Подполковник **Алексеев.**

НАЧАЛЬНИК
Приморского Областного Управления Государственной Охраны.
11 октября 1919 г.
№ 00835.
Г. Владивосток.

Секретно.

Начальнику Приморского Областного Управления Государственной Охраны.

Сего числа в гор. Владивостоке вышла новая газета «Воля», редактором-издателем коей подписывается М. Галий.

По негласным сведениям газета «Воля», являющаяся органом социал-революционной партии, издается под руководством известного Якушева, поставив-

шего себе целью, при посредстве названной газеты, всемерно дискредитировать ныне существующее правительство и, посвятив несколько номеров для более или менее осторожной обработки общественного мнения, через короткий промежуток времени выпустить сенсационный номер со всевозможными инсинуациями, направленными против адмирала Колчака; разумеется, к моменту выхода означенного номера газеты, весь ответственный состав редакции предполагает укрыться за пределы досягаемости.

Таким образом, видимо, газета расчитана на самое кратковременное существование и имеет целью сделать все возможное для того, чтобы возможно больше и скорее расшатать основы налаживающейся государственности, при чем выход последнего номера, повидимому, приурочивается ко времени открытия в гор. Иркутске Земского собрания.

Об изложенном доношу вашему превосходительству на благоусмотрение.

Полковник **Немысский.**

Верно: капитан **Владынич.**

АГЕНТУРНЫЕ СВЕДЕНИЯ.

О Краковецком.

По сведениям, заслуживающим полного доверия (Киселев), 20 октября 1919 г. б. Военный Министр Сибирского эсэровского правительства во Владивостоке Краковецкий в настоящее время находится здесь около трех недель и часто посещает поезд Гайды по вечерам. Краковецкий прибыл с места высылки из Томской губ. Адрес неизвестен. Имеет связь с Якушевым, Моравским и другими «с.-р.». Ходит в штатском.

Сообщил **Киселев.**

О Хане.

Гласный Областного Земства и Никольск-Уссурийской уездной управы, он же председатель Адиминского волостного земского собрания, кореец Хан Андрей Авраамович,

35 лет, роста среднего, голова стрижена под машинку, бороду стрижет под машинку, по профессии учитель, но своим делом не занимается, а ведет усиленную агитацию среди корейского населения гор. Владивостока, Никольска-Уссурийского и всех прилегающих селений о том, что освободиться от японского влияния корейское население может лишь в том случае, если вся полнота власти в Сибири перейдет к земским деятелям, т. е. «эс-эрам». Хан уверяет корейское население в том, что «земцы» дадут возможность корейцам образовать корейские национальные б-ны, которые с оружием в руках будут бороться против японского движения. Средства на агитацию Хану, очевидно, дают «с.-ры». Хан говорит осведомителю о том, что он встречается с Якушевым, Моравским и личным адъютантом последнего Готовтом и лицами (фамилии не называл) при «Закупсбыте», от которых получает инструкции.

Вместе с Ханом работает кореец Мук, о котором известно кап. Черненко. Хан в хороших отношениях с бывшим учителем Медведевым—председателем Областной Земской Управы.

ЛИЧНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ
Команд. Войсками
Приамур. Воен. Округа
и
Главного Начальника
Приамурск. Края
Ноября 1919 года.
№
Г. Владивосток.

Доклад Начальнику Глав. Управления Воен.-Адм. Учреждений Восточного фронта.

С изгнанием большевиков с территории Поволжья и Сибири власть государственная перешла сразу в руки партии эс-э-ров (Комуч, Директория).

Довольно непродолжительное время их царствования показало большую антигосударственность и неспособность эс-эров быть у власти.

Обстоятельства и момент требовали устранения от власти эс-эров и сосредоточения всего управления страны в единых руках. 18 ноября 1918 г.—это совершилось.

Потеряв и на сей раз кормило власти, партия эс-эров не успокаивается и вскоре опять начинает делать попытки, правда, осторожно и очень робко, к захвату власти.

В начале работа их, отличающаяся большой конспиративностью, мало была известна агентам государственной власти да и не внушала особого беспокойства.

С течением времени, в особенности после свидания Авксентьева с Керенским в Париже, эс-эры усилили значительно свою работу, как здесь на территории Сибири, так и за границей.

Начав свою преступную работу, эс-эры, поведя пропаганду среди рабочих и крестьян, главное внимание обратили на армию, как на организованную силу, обладающую техническими средствами для проведения в жизнь велений государственной власти.

Вскоре преступная работа эс-эров сказалась: мы видим ряд волнений и беспорядков среди войсковых частей (Кустанай, Троицк, Курган и др.), окончившихся к счастью благополучно, благодаря своевременно принятым мерам и открытию части этой организации. Все вышесказанное относится ко времени март—апрель текущего года, к каковому времени эс-эровская организация имела следующий вид:

Центральный Комитет имел свое местопребывание во Владивостоке, во главе которого стояли — Оржешко, Моравский, Жернаков и др.

Этот комитет рассылал директивы по городам, где имелись местные организации. Связующим звеном между Западом и Востоком Сибири были Якушев и Дербер, имевшие свое местопребывание в Томске. Центральная организация во Владивостоке получала приказания от Авксентьева, Зензинова и Аргунова из Америки через Японию. К этому времени относится получение эс-эрами семи миллионов рублей от Чернова, а также и большой суммы денег из Америки.

Неудачное выступление, о котором мы говорили выше, заставило эс-эров еще более законспирироваться, но мысль о захвате власти в свои руки их не покинула и свою преступную работу они повели еще более усиленным темпом.

Следующие за этим месяцы—май, июнь и июль прошли у эс-эров среди организационной и подготовительной работы.

В конце июля м-ца мы видим Дальневосточную организацию партии эс--эров значительно увеличенной, пополненной рядом лиц, прибывших с Запада, а также вхождением некоторых местных общественных деятелей.

К этому времени относится тайное согласование, заключенное эс-эрами с американцами и чехами, находящимися во Владивостоке, для оказания им широкой поддержки при перевороте.

В начале августа во Владивосток прибывает со своим поездом и громадным конвоем Гайда.

Первое время пребывание Гайды во Владивостоке не давало поводов думать о той гнусной работе, какую он здесь повел, войдя в полное соглашение с эс-эрами, а с ними вместе —с чехами и американцами.

В начале сентября отмечается усиленная работа, которую повели эс-эры к ниспровержению существующей власти.

Причем обнаружилось, что Гайда при своей поездке из Омска во Владивосток, повсюду по дороге оставлял своих людей, завязывая через них сношения с местными организациями эс-эров, с которыми он, очевидно, вошел в связь еще будучи на фронте. Сама организация эс-эров здесь, на Востоке включала в свой состав лиц, занимавших те или иные должности государственного и общественного значения.

Совместно с Гайдой прибыло также во Владивосток несколько военных (русских), которые вошли в число членов организации.

Как уже было говорено ранее, эс-эры первое и главное внимание свое обратили на войска, работу среди коих взял на себя Гайда и его прибывшие с ним единомышленники: полковник Солодовников, кап. Калашников, пор. Молотковский, пр. Козлов, доктор Григорьев и др. На первых порах они начали вербовать на свою сторону молодых офицеров и солдат из интеллигенции, обещая им крупные суммы денег, гарантию свободного выезда за-границу в случае успеха так и при неуспехе переворота. Сразу же несколько офицеров прельстилось этими заманчивыми обещаниями и в поезде Гайды среди живущих там офицеров появляется пр. Гервас 33 Сиб. полка, подп. Смирнов и прап. Сидоров бронепоезда № 3 и др.

Из поезда Гайды начинают, через завербованных офицеров и солдат, распространять среди войсковых частей прокламации и воззвания противоправительственного характера. (см. приложение № 2).

Завербовывая себе солдат и офицеров и тем постепенно разлагая армию, заговорщики не ограничились этим, они

ГАЙДОВСКОЕ ВОССТАНИЕ.

Расстрелянные в здании вокзала.

Убитые на таможенном дворе.

стали пускать в ход насилие, убирая со своего пути лиц, мешающих им. Таким примером может служить убийство капитана Голубева, к-ра бронепоезда № 3, стоящего в Никольске-Уссурийском

Само дело это рисуется в таком виде:

Подпор. Смирнов и прап. Сидоров, офицеры этого же бронепоезда, были заагентурены заговорщиками и им дана была инструкция склонить всю команду поезда, а также и другие бронированные поезда на сторону заговорщиков. Поведя свою преступную работу, Сидоров и Смирнов натолкнулись на капитана Голубева, офицера верного присяге и неспособного итти на такую преступную авантюру. Тогда они решили его убрать с дороги, для чего убили, но дело свое сделали так умело, что хотя подозрение пало на них, но никаких данных не было. Вслед за убийством были назначены похороны кап. Голубева во Владивостоке, куда поезд № 3 (броневой) прибыл, привезя тело своего командира. После похорон поезд должен был итти обратно в Никольск.

В это время были получены сведения, что этот поезд повезет с собой взрывчатые вещества для Никольска и прокламации, полученные из поезда Гайды. Туда был командирован офицер для производства там обыска в поезде и ареста лиц, причастных к заговору. Арестованы были: прап. Сидоров, пр. Климов, юнкер Рубцов и гардемарин Мурашев. Подп. Смирнов остался во Владивостоке у Гайды и с поездом не выехал. Из вышеназванных лиц арестованных пр. Сидоров, юнкер Рубцов и гардемарин Мурашев при сопровождении на гауптвахту бежали и прибыли во Владивосток, где имеют пребывание в поезде Гайды.

При обыске в поезде ничего не было найдено, но на площадках вагонов рядом стоявшего поезда были обнаружены кипы прокламаций.

Дальнейшие сведения показали, что заговорщики сумели завербовать себе почти во всех войсковых частях офицеров и солдат, которые, образовывая на местах маленькие ячейки, должны в случае переворота увлечь с собой на сторону заговорщиков всю часть.

При установлении наблюдения за деятельностью поезда Гайды с одной стороны, эс-эровская организация также была взята под усиленное наблюдение, в результате чего было выяснено место их собраний, главные участники заговора и т. п. 9 сентября в городе появилась в небольшом количестве «Грамота Председателя Сиб. Обл. Думы», подписанная Якушевым, отпечатанная на пишущей машине. Ши-

рокого распространения эта прокламация не получила. (См. прил. № 3). Вслед за этим решено было начать постепенную ликвидацию заговорщиков. Но тут пришлось натолкнуться на ряд таких трудностей, которых никогда нельзя было ожидать. Прежде всего было выяснено, что те лица, которые подлежали ликвидации (Якушев, Моравский, Краковецкий и др.) скрываются, ночуя в поезде Гайды, а днем, разъезжая обыкновенно по городу на автомобилях, имея с собой чехов или американцев, которые с одной стороны охраняют их, а с другй берут их под свое покровительство, не допуская никаких насилий над ними. Кроме того, все автомобили, на которых ездят заговорщики, ходят под чешским или американским флагом.

Далее, когда начальник Владивостокского к.-р. отделения получил предписание от н-ка личной канцелярии комвойск и главначкрая о производстве арестов некоторых участников заговора, то ему по телефону было сделано предупреждение комендантом союзных войск чехом полк. Вухтерле, что он, Вухтерле, приказал своим солдатам на месте расстреливать лиц, кои будут производить обыски и аресты (см. прил. № 4). Такие действия союзников почти совершенно парализовали возможность активной борьбы с заговорщиками, которые в это же время, чувствуя свою безнаказанность, развивали усиленно свою работу. Из данных, которые к этому времени поступили, видно, что заговорщики успели сманить на свою сторону коменданта крепости полковника Бутенко, которому был обещан высокий пост после переворота. К этому времени относится арест прап. Мальковича на ст. Никольск-Уссурийский, у которого при обыске было обнаружено телеграфный аппарат и две телефонных мембраны для подслушивания телефонных разговоров. Малькович был заключен на Никольскую гарнизонную гауптвахту, откуда 27 октября бежал, а вслед за ним, 28 октября, бежал последний из арестованных участников заговора прап. Климов, и оба они ныне находятся в поезде Гайды. Одновременно с сим совершается в поезде Гайды убийство юнкера инструкторской школы Соколова, убитого в 3 часа дня. В оправдание этого гнусного поступка Гайда в газетах заявил, что убитый покушался на его жизнь, между тем фактически дело обстояло так: Соколов являлся не гласным агентом контр-разведки в поезде Гайды и был, очевидно, кем-то выдан заговорщикам, которые его и убили. Следствие начал вести прокурор, который допросил на месте, в поезде, участников убийства—прапор. Козлова,

унт.-офицера Артемьева и чешского офицера Гусарика, которые показали, что убили Соколова, спасая жизнь Гайды, которого Соколов хотел убить. По распоряжению прокурора убийцы были оставлены на свободе, но на другой день должны были прибыть в камеру прокурора для снятия допроса, вместе с свидетелями из поезда Гайды, но никто из них не прибыл, а Гайда, в разговоре с одним из агентов контр-разведки, заметил, что он не допустит никого из своих лиц арестовать и если, паче чаяния, что-либо подобное будет сделано властью, то это будет лишь сигналом к перевороту. В начале своей преступной работы Гайда, объясняя причину и цель предполагаемого им переворота, говорил: нынешнее правительство, не съумев приблизить к себе народ, а, наоборот, оттолкнув его, недостойно и неспособно управлять страной. Войска не слушаются начальников, а потому поражение неизбежно. Видя все это, он, Гайда, решил помочь русскому народу свергнуть нынешнее правительство и поставить новое—эс-эровское, которое, опираясь на народ, быстро улучшит положение страны и подымет боеспособность армии и тогда можно будет итти войной против большевиков.

Последние сведения указывают, что Гайда переменил свой взгляд, при чем значительно влево, а именно: после переворота он предполагает заключить перемирие с большевиками и по всей стране произвести плебесцит, кто за Учр. Собр., кто за Совдепы. Где будет большинство, туда будет передана власть, при чем Гайда подчеркивает, что если японцы будут активно или даже пассивно сопротивляться этому и кому-либо помогать для борьбы с ним, то он, совместно с большевиками, откроет общий противояпонский фронт.

Самый момент переворота у них не назначен, хотя, по уверению Гайды, для этого все готово и в данный момент имеются две причины, которые временно оттягивают начало: это—армия ген. Деникина и положение на восточном фронте. Если Добровольческая армия будет действовать успешно, то он, Гайда, возможно и не сделает переворота, надеясь сговориться с ген. Деникиным, в случае же неуспеха ее, а также и тяжелого положения на восточном фронте—переворот совершится скоро, при чем сигнал к перевороту дает Владивосток.

Для пропагандирования своих преступных замыслов эс-эры стали издавать газету «Воля», которая, выпустив около десяти номеров, закрылась, и против редактора ее

возбуждено уголовное преследование. Таким образом, лишь небольшая частица этой преступной организации ликвидирована, не вызвав вмешательства союзников.

В дальнейшем и поныне Гайда, а совместно с ним эсэры, ведут свою преступную работу, устраивая частые собрания как в городе на своих квартирах, так и в поезде, причем на заседаниях этих присутствуют представители рабочих организаций, от войсковых частей, а однажды даже были представители красных, действующих отрядов в крае. Все участники привозятся и отвозятся на автомобилях, сами же собрания происходят ночью, имея охрану чехов и американцев. В поезде Гайды имеется своя контр-разведка, которой заведывает полк. Солодовников, известный там под кличкой «Борис Иванович», агентами ее являются в большинстве чехи, которые в последнее время установили сильную слежку как за помещением нашей к.-р., так и за ее начальниками.

У Гайды имеется в поезде около 400 человек солдат, составляющих личный конвой его и ударный б-н его имени. Имеются три пулемета и масса бомб. Обмундирование у них канадское, полученное неизвестно откуда в изобилии. Что касается японцев, то они, будучи хорошо также осведомлены о работе эс-эров и Гайды, смотрят на все оптимистически, говоря, что переворот они не допустят.

Резюмируя все вышесказанное, видно, что пребывание здесь, на востоке, Гайды крайне опасно для государственной власти, ибо его работа, направленная в конечном виде к ниспровержению существующей власти, подтачивает государственный организм, не давая возможности спокойно и планомерно вести тяжелую и трудную работу по воссозданию государства. Распускаемые им и его сподвижниками по городам самые нелепые сведения о положении пр-ва, армии и т. д. создают в обществе панику и подрывают доверие к власти. Кроме того, многие лица, совершившие тяжкие преступления и подлежащие аресту и преданию суду, ныне находят себе приют в поезде Гайды и даже на случай возможного их ареста снабжены тем же Гайдой чешскими или иными иностранными документами, что опять-таки лишает органы власти возможности их арестовать, не создав международного конфликта. Убийство кап. Голубева и сведения, имеющиеся в распоряжении, указывают на существование у заговорщиков особой террористической ячейки, которая уже даже наметила ряд лиц, которые должны быть убиты перед переворотом и во время его.

Докладывая о вышеизложенном, полагал бы необходимым и крайне настоятельным, чтобы краевая и центральная власти предприняли в самое ближайшее время конкретные шаги по удалению Гайды из пределов страны и аресту скрывающихся у него в поезде лиц, совершивших преступления.

Подполковник (подпись).

ЯПОНЦЫ В БЛАГОВЕЩЕНСКЕ.

Представители Японского правительства весьма любят указывать, что «Японская экспедиционная армия в Сибири не вмешивалась во внутренние дела русских и только способствовала охранению порядка». Помещаемые ниже документы проливают свет на «деятельность» японской жандармерии в городе Благовещенске, когда этот район в 1919 году был занят японцами, при благосклонном участии русских белогвардейцев.

Действия японской жандармерии, грубо вмешавшейся даже в дела белогвардейцев, заставили последних начать следствие об убийстве японцами 18 русских граждан без всякого суда и следствия. Эти документы ясно говорят о том, что даже и белогвардейщина, в лице судебных властей, пыталась привлечь японцев к суду, но вооруженная сила была на их стороне, а военные власти белых, весьма понятно, не желали ссориться с друзьями по разбою.

Чтобы еще ярче подчеркнуть момент японской расправы, произведенной 26 марта 1919 года, мы помещаем перепечатку статьи из сборника «Красная Голгофа», вышедшего в г. Благовещенске в 1920 году, после освобождения этого города от белых и желтых зверей. Статья эта была написана Жуковским, со слов т. Повилихина, случайно избежавшего смерти и рассказывавшего об этом на другой день после избавления от рук палачей...

Каждый, кто прочитает весь этот материал, поймет, что Дальний Восток пережил и от чего освободился... Помещенные документы говорят сами за себя.

Японские насильники должны предстать на суд истории перед трудящимися всего мира такими, какими они были в действительности и какими их записали в документы родственные им друзья—белогвардейцы.

Ред.

ДОКУМЕНТЫ

по расследованию дела об убийстве 16 арестованных т. т., взятых из Благовещенской тюрьмы японцами 26 марта 1919 г.

НАЧАЛЬНИК
Благовещенского пункта
военного контроля
и
пропускного паспортного.
Марта 26 дня 1919 г.
№ 927.
Г. Благовещенск.

Срочно.

Начальнику Благовещенской Областной тюрьмы.

С получением сего прошу выдать посланному конвою 23 человека арестованных, поименованных на обороте сего, для допроса.

Подполковник **Лебедев.**

СПИСОК

1. Шафир Яков.
2. Поспелов Николай.
3. Маленов Василий.
4. Шелковников Николай.
5. Мельниченко Георгий.
6. Зубок Петр.
7. Вшивков Прокопий.
8. Еслин (инженер).
9. Воробьев (комиссар).
10. Шумилов (комиссар).
11. Семиченко Иван.
12. Семиченко Андрей.
13. Констанчук Михаил.
14. Прижбиляк Антон.
15. Чумак Андрей.
16. Бутаков Михаил.
17. Бутин Иван.
18. Федин Евдоким.
19. Хабаров Мамонт.
20. Шемякин Гавриил.
21. Шестаков Иван.
22. Володин Игнатий.
23. Повилихин Василий.

Подполковник **Лебедев.**

1919 г. марта 26 дня означенные в сем списке лица в числе 18 чел. за исключением Бутакова Михаила, Маленова Василия, Прижбиляк Антона, Володина Игнатия и Бутина Ивана принял прапорщик **Пономаренко.**

Пом. начальника тюрьмы (подпись не разборчива).

М. Ю.
НАЧАЛЬНИК
Благовещенской Областной тюрьмы.
27 марта 1919 года.
№ 4193.
Г. Благовещенск.

Арестантское

Г. Прокурору Благовещенского окружного суда.

При сем представляю список заключенных, взятых из тюрьмы на допрос 26 с/марта, доношу, что означенные лица до сего времени в тюрьму обратно не возвращены. О том, будут ли они возвращены в тюрьму, мною одновременно с сим за № 4194 запрошен начальник Благовещенского пункта военного контроля и пропускного паспортного.

Начальник тюрьмы **Турецкий.**

Пом. Начальника **Хацелиул.**

Справка. Затребов. от Нач. тюрьмы документы, на основании, которых выданы арестованные, 485 (подпись не разборчива).

Срочно.

Запросить начальника Благовещенской тюрьмы, кто являлся в тюрьму за арестованными и кому именно им были переданы означенные в списке арестанты, взятые из тюрьмы на допрос 26 сего марта.

28 марта.

СПИСОК

заключенных Благовещенской Областной тюрьмы, отправленных 26 марта 1919 г. на допрос к Начальнику Благовещенского пункта военного контроля и пропускного паспортного, согласно отношения его от того же числа за № 927 и обратно в тюрьму не поступивших.

№№ п/п	Имя, Отчество и Фамилия.	Примечание.
1.	Андрей Тихонович Семеченко.	
2.	Георгий Михайлович Мельниченко.	
3.	Яков Григорьевич Шафир.	
4	Василий Васильевич Повилихин.	
5.	Николай Михайлович Шелковников.	

6. Прокопий Егорович Вшивков.
7. Андрей Кондратьевич Чумак.
8. Евдоким Иванович Федин.
9. Николай Иванович Поспелов.
10. Сергей Полиэктович Шумилов.
11. Гавриил Иванович Шемякин.
12. Иван Ильич Шестаков.
13. Леонид Михайлович Белин.
14. Николай Иоаникиевич Воробьев.
15. Михаил Петрович Константчук.
16. Мамонт Александрович Хабаров.
17. Петр Зубок.
18. Иван Тихонович Семенченко.

Примечание: Кроме означенных лиц, вызывались еще Василий Маленов, Михаил Бутаков, Антон Прижбиляк, Игнатий Володин и Иван Бутин, но из них Михаил Бутаков, из тюрьмы освобожден по постановлению Благовещенской Следственной комисси и служит в 1-ом Амурском пехотном полку, а остальные лица больны: Маленов, Бутаков и Прижбиляк—сыпным тифом, а Володин не заразной болезнью.

Пом. Нач. Благовещенской
Областной тюрьмы **Хацелиул.**

ПРОТОКОЛ

1919 г. марта 29 дня г. Благовещенск, Я, помощник начальника 1 участка Благовещенской городской милиции, Алешин, записал в настоящий протокол нижеследующее: сего числа из Благовещенской городской больницы по телефону было сообщено в Управление участка, что за больницей, около ям кирпичных сараев, обнаружены убитые несколько человек. Получив извещение, отправился на указанное место, где в присутствии ниже подписавших лиц в порядке 258 ст. Уст. Уголов. суд. за отсутствием судебного следователя производил осмотр места происшествия, при чем оказалось: за городом, на расстоянии версты, в яме, ранее приспособленной для обжигания кирпичей, завалено несколько трупов, судя по ногам и головам торчащим из земли, здесь же набросано несколько штук старых пальто, пиджаков и шапок. Первый видневшийся из-под земли труп был немедленно отрыт и в нем опознан инженер Леонид Михай-

лович Белин, который со дня переворота последнего содержался в Благовещенской Областной тюрьме. Трупы были извлечены все, которых оказалось всего пятнадцать человек, один труп без головы, которая найдена отдельно, у всех трупов рубленые шейные раны, у некоторых головы раздроблены сваливаемыми от стен ямы камнями. Постановил: об изложенном записать в настоящий протокол, трупы направить в анатомический покой и произвести дальнейшее дознание и установить личность остальных убитых.

Пом. Нач. 1 уч. **Алешин.**

Понятые: **Коновалов, Нинетлов.**

Спрошенный по настоящему делу прапорщик Пономаренко объяснил:

По поручению Начальника военного контроля мне было приказано взять из тюрьмы двадцать три человека арестованных, согласно списка и передать японскому командованию. По прибытии в тюрьму вечером 26 марта, мне пришлось взять только 18 человек, а пять человек были больны. Получив восемнадцать арестованных, мною все они были сданы японскому командованию; куда они их повели, я не знаю.

Прапорщик **Пономаренко.**

Пом. Нач. 1 уч. **Алешин.**

НАЧАЛЬНИК
Благовещенского пункта
военного контроля
и пропускного паспортного.
Марта 30 дня 1919 г.
№ 137.
Г. Благовещенск.

Вх. № 87
31/III 19 г.

Секретно.
Срочно.

Г. Прокурору Благовещенского окружного суда.

На отношение Ваше от 28 сего марта за № 103 уведомляю, что указанные в списке 18 арестованных были, согласно требования японского штаба от 26 с/марта, направлены в последний для допроса.

Подполковник **Лебедев.**

Справка: Затребован подл. отнош. Япон. штаба № 486—10 Апр. 1919 г.

М. Ю.
НАЧАЛЬНИК
Благовещенской Областной тюрьмы.
30 марта 1919 года.
№ 4247.
Г. Благовещенск.

В. Срочно.

Г. Прокурору Благовещенского окружного суда.

Прокурора Благов. окр. суда
31 марта 1919 г. Вх. № 2738

На предписание от 29 с/марта за № 3195 доношу, что за арестантами, в числе 18-ти человек, являлся прапорщик военного контроля Пономаренко, совместно с другими 2-мя прапорщиками означенного военного контроля и японский отряд конвоя.

Выданы они под расписку прапорщика Пономаренко.

Начальник тюрьмы **Турецкий.**

Пом. Начальника **Хацелиул.**

ПРОТОКОЛ

1919 г. апреля 1 дня судебный следователь 1 участка Благовещенского Окружного суда опрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст. Уг. Суд. и он показал:

Зовут меня Иван Митрофанович Пономаренко, лет 22, звание гр. г. Благовещенска, вероисповедания православного, под судом не был, живу по Никольской ул. д. 25, кв. 7. По поручению начальника военного контроля, полковника Лебедева, 26 марта вечером прибыл с отношением начальника военного контроля на имя нач. тюрьмы в тюрьму с целью получить по списку, приложенному к отношению заключенных, числом 23 чел. и передать японскому отряду, согласно требования японского штаба. Из 23 человек я, в виду болезни остальных, получил только лишь 18, которые и переданы были мною японскому отряду, бывшему в тюрьме Куда их японцы водили и зачем я не знаю, ибо, передав заключенных, вместе с бывшими со мной офицерами, прапорщиками Ржаниковым и прапорщиком Максимом Файбушевич, уехали из тюрьмы в канцелярию военного контроля.

В военный контроль мы вернулись часов в 7 с половиной. В тюрьму прибыли часов в 5 веч. На моей обязанности и обязанности сопровождавших меня офицеров было вы-

яснение личностей за исключением требуемых японским штабом [1]).

Когда я прибыл в тюрьму, то японский отряд был там и, как я слышал от японского офицера, имели попытку получить нужных им заключенных, но начальником тюрьмы они не были выданы, после чего японцам пришлось обратиться в военный контроль. Больше показать ничего не имею.

Прочитано: прапорщик **Пономаренко.**

И. д. суд. следователя **Бодров.**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1

4 апреля 1919 г. в гор. Благовещенске Военный следователь Благовещенского участка Приамурского военного округа Полковник Якушев, рассмотрев полученную 3 с/апреля, при надписи прокурора Благовещенского Окружного суда от того же числа за № 3414, переписку, нашел:

26 марта 1919 г. начальником Благовещенской тюрьмы, согласно сношения начальника Благовещенского пункта военного контроля и пропускного паспортного, были выданы для допроса 18 человек содержавшихся в тюрьме под расписку прапорщика Пономаренко, который передал всех 18 арестованных прибывшему с ним японскому конвою, уведшему их неизвестно куда. По сообщению начальника Благовещенского пункта военного контроля от 3 марта за № 137 (секр) на имя прокурора Благовещенского Окружного суда 18 чел. арестованных, согласно требования японского штаба были направлены в последний для допроса. Взятые для допроса из тюрьмы 18 арестованных обратно в тюрьму доставлены не были. 27-го марта между Северной и Соборной улиц был обнаружен труп одного из числа этих арестованных, а 29 марта за городом, на расстоянии версты, в яме, приспособленной для обжигания кирпича, обнаружено 15 трупов из числа тех же арестованных, при чем труп, найденный отдельно, с пулевыми и штыковыми ранами, а 15 трупов найденных в яме,—с рублеными шейными ранами, и у одного трупа голова совершенно отделена и лежит отдельно.

---

[1]) Здесь какая то неясность, т. к. непонятно, чьи личности должен был выяснять Пономаренко и его товарищи: тех ли, что передавались японцам или других, сидящих в тюрьме.

В изложенных фактических данных в отношении военно-служащих не имеется признаков преступных деяний, обследование коих входило бы в обязанность Военного следователя, а действия иностранных войск—вне компетенции его[1]).

А потому руководствуясь ст. 347 Уст. воен. Суд., военный Следователь **постановил:**

1) означенное дело к своему производству не принимать, а возвратить его обратно прокурору Благовещеского окружного суда,

2) копию этого постановления препроводить Военному Прокурору Приамурского Военно-Окружного суда.

Военный следователь Благовещенского
участка Полковник **Якушев.**

ПРОТОКОЛ

1919 г. апреля 6 дня Судебный следователь 1 уч. г. Благовещенска производил через уездного врача Карницкого, в присутствии нижеподписавшихся понятых, судебно-медицинское вскрытие трупов, найденных за городской больницей к лагерю 38 полка, оказалось, что смерть Андрея Семенченко, Георгия Мельниченко, Г. Шемякина, Н. Воробьева, М. Констанчука, И. Семенченко и Е. Федина последовала от рубленных ран в области шеи с последующим повреждением кровеносных сосудов шеи и мозга [2]).

Смерть Я. Шафира, Шелковникова, Чумака, Поспелова, Шумилова, Шестакова, Хабарова и Белина последовала от огнестрельных и колотых ран, проникающих в грудную полость и полость живота, с повреждением лежащих там органов сердца, легких, печени и кишечника. 12 апреля 1919 г.

Уездный врач **Карницкий.**

---

[1]) Эта заключительная фраза военного следователя, а затем и его постановление о невмешательстве в действия иностранных войск чрезвычайно характерны. Они во-первых показывают, что военный следователь старался отделаться от этого щекотливого инцидента, а, во-вторых, здесь мы видим, что японцы являлись полными хозяевами оккупированных местностей нашего Дальнего Востока и могли совершенно безнаказанно убивать и расстреливать не угодных им людей.

[2]) При деле есть подробное описание внешнего и внутреннего осмотра всех 15 трупов, но поместить его не представляется возможным за недостатком места. **Ред.**

НАЧАЛЬНИК
Благовещенского пункта
военного контроля
и
пропускного паспортного
Апреля 15 дня 1919 г.
№ 1392.
Г. Благовещенск.

Судебному следователю 1-го участка.

С возвращением настоящей переписки прилагаю подлинный список с требованием о выдаче арестованных, подписанный японским штабом.

Подполковник **Лебедев.**

В ОБЛАСТНОЙ ТЮРЬМЕ:

Шафир Яков—Комиссар.
Поспелов Николай—тоже.
Маленов Василий—тоже.
Шелковников Николай—Участник нового восстания.
Мельниченко Георгий—Комиссар.
Зубок Петр—Ярый агитатор.
Вшивков Прокопий—Комиссар.
Бейлин (инженер)—Комиссар.
Шумилов—Комиссар.
Семенченко Иван—Убийца.
Семенченко Андрей—Убийца.
Констанчук Михаил—Комиссар.
Прижбыляк Антон—Комиссар.
Чумак Андрей—Комиссар.
Бутаков Михаил—Командир отряда Красной Армии.
Бутин Иван—Член Исполнительного комитета.
Федин Евдоким—Тоже.
Хабаров Мамонт—Тоже.
Шемякин Гавриил—Видный советский агитатор.
Шестаков Иван—тоже.
Володин Игнатий—Убийца и поджигатель.
Повилихин Василий—Член Исполнительного комитета.

(Написано от руки) Японский жандармский управление вызвать в контр разведку.

Икуто.

В УПРАВЛЕНИИ МИЛИЦИИ:

Крапивин Савелий—Участник вновь подготовлявшегося восстания.

Малютин Денис Степанов—Тоже.

Плотников Виктор—Тоже.

Попков Иван—Тоже.

Означенных и поименованных на обороте сего двадцать семь человек прошу Военный контроль направить для допроса, вследствие возникшей надобности в Японский штаб. 26 марта 1919 г.

(Подписано по русски) **С. Накаяма.** (Японская печать).

ПРОТОКОЛ.

1919 года апреля 17 дня судебный следователь 1 уч. гор. Благовещенска допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. У. У. Суд. и он показал:

Логин Константинович Турецкий, 43 лет, Начальник Благовещенской тюрьмы, православный, грамотный, под судом не был, живу при тюрьме.

18 человек заключенных 26 сего марта выданы были мною под расписку прапорщика Пономаренко, на основании отношения Начальника Благовещенского пункта военного контроля и паспортного пропускного, от того же числа и по приложенному к отношению списку. Прапорщик Пономаренко прибыл вместе с двумя офицерами (фамилии их не знаю) часов в 5 вечера. Через полчаса ко мне в кабинет прибыли еще 6 или 7 японских офицеров. Попытки получения арестованных японцами до прибытия русских офицеров не было. Когда прибыл японский конвой, до прибытия русских офицеров, одновременно или после, я не знаю, т. к. конвой находился внизу. Больше показать ничего не имею.

Прочитано: **Л. Турецкий.**

И. д. Суд. следователя **Бодров.**

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА.

1919 г. июня 9 дня, судебный следователь 1-го участка Благовещенского окружного суда в присутствии нижеподписавшихся понятых производил осмотр документа из япон-

ского штаба от 26 марта 1919 г. по делу найденных за городской больницей пятнадцати трупах неизвестного звания, причем оказалось слудеющее: на полулисте писчей бумаги отпечатано на пишущей машинке следующее:

В ОБЛАСТНОЙ ТЮРЬМЕ:

Шафир Яков—Комиссар.
Поспелов Николай—Тоже.
Шелковников Николай—Участник нового восстания.
Маленов Василий—Комиссар.
Мельниченко Георгий—Комиссар.
Зубок Петр—Ярый агитатор.
Вшивков Прокопий—Комиссар.
Бейлин (инженер)—Комиссар.
Воробьев—Комиссар.
Шумилов—Комиссар.
Семиченко Иван—Убийца.
Семиченко Андрей—Убийца.
Констанчук Михаил—Комиссар.
Прижбыляк Антон—Комиссар.
Чумак Андрей—Комиссар.
Бутаков Михаил—Командир отряда Красной Армии.
Бутин Иван—Член Исполнительного комитета.
Федин Евдоким—Тоже.
Хабаров Мамонт—Тоже.
Шемякин Гавриил—Видный советский агитатор.
Шестаков Иван—Тоже.
Володин Игнатий—Убийца и поджигатель.
Повилихин Василий—Член Исполнительного комитета.

Дальше следует подпись чернилами: «Японский жандармский управление вызвать в контр разведку

Икуто».

В УПРАВЛЕНИИ МИЛИЦИИ:

Крапивин Савелий—Участник вновь подготовлявшегося восстания.
Малютин Денис Степанов—Тоже.
Попков Иван—Тоже.
Плотников Виктор—Тоже.

Означенных и поименованных на обороте сего двадцать семь человек прошу Военный контроль направить для до-

проса вследствии возникшей надобности в Японский штаб. 26 марта 1919 г.

(Подпись) **С. Накаяма** и печать японская.

Больше ничего существенного не обнаружено.

И. д. Судебного следователя (подпись не разборчива).

Понятые—**Фил. Останин, Петров.**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1919 г. июня 9 дня, Судебный следователь 1 уч. Благовещенского Окружного суда, приняв во внимание, что осмотренное выше в протоколе осмотра отношение японского штаба имеет важное значение для настоящего дела, а потому **постановил:** отношение японского штаба приобщить к настоящему делу в качестве вещественного доказательства.

И. д. судебного следователя (подпись не разборчива).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1919 г. Июня 14 дня, судебный следователь 1 уч. г. Благовещенска, рассмотрев настоящее следственное производство и принимая во внимание, что обнаруженные 29 марта с. г. за городской больницей пятнадцать трупов и 27 марта один труп по Загородной ул., есть трупы заключенных Благовещенской тюрьмы, выведенные из последней 26 того же марта по требованию японского штаба и переданные, в силу этого требования, офицерам военного контроля японскому конвою, который обратно в тюрьму их не возвратил, почему имеется достаточное основание, что убийство это совершено чинами японских войск, что деяния чинов японских войск вне компетенции русского суда, что следовательно дальнейшее производство по этому делу является бесцельным, а потому применительно к ст. ст. 277 с. У. У. С. постановил:

Направить это дело через участкового товарища прокурора в Благовещенский окружной суд с ходатайством о прекращении его за неподсудностью.

И. д. судебного следователя **Бодров.**

Из этого постановления Судебного Следователя 1 уч. г. Благовещенска явствует, что русские гражданские судебные власти, имея в руках полный обвинительный материал японцев, совершивших убийство 16 арестованных, были совершенно бессильны что-нибудь сделать. **Ред.**

М. Ю.
ПРОКУРОР
БЛАГОВЕЩЕНСКОГО
Окружного Суда.
Июня 26 дня 1923 года.
№ 7343.
Г. Благовещенск.

Г. Судебному Следователю 1-го участка округа Благовещенского окр. суда.

Возвращая при этом направленное Вами в порядке 277 ст. уст. Уг. С. дело о найденных за Городской больницей 29 марта 1919 г. 15 трупах заключенных Благовещенской тюрьмой—Шафира и др., на основании 286 ст. Уст. уг. с. предлагаю Вам дополнить следствие выяснением того обстоятельства, что убийство означенных лиц совершено действительно японскими войсками, также вскрытием трупа убитого Зубка и осмотром и приобщением к делу в качестве вещественного доказательства расписки Пономаренко в получении арестованных. Затем по дополнении следствия всем, что по ходу его окажется необходимым, дать ему дальнейший законный ход.

За прокурора Суда (подпись).
Секретарь (подпись).

ПРОТОКОЛ

1919 года, октября 27 дня Судебный следователь 1 участка г. Благовещенска допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст. У. С.

Николай Степанович Зубок 31 года, православный, грамотный, милиционер 1 участка г. Благовещенска, не судился, покойному Петру Зубку,—двоюродный брат.

С покойным братом своим — Петром Зубком я жил в ссоре и почти никогда не виделся. При большевиках он служил комиссаром и после переворота был арестован и приговорен к смертной казни. Кто приговорил его, я хорошо не знаю. В тот вечер, когда его расстреляли, я стоял на посту на Почтамской набережной. Расстреляли его часов в 9 веч. В час ночи я пришел в участок и милиционер

Якупов, стоявший вечером на посту в Иркутской и Загородной, сказал мне, что, кажется, японцы расстреляли моего двоюродного брата. Я просил его рассказать, как было дело, и он рассказал мне, что стоя на посту, он услышал выстрелы и когда прибежал на место, где стреляли, то застал там японцев. Японцы были с ружьями и, указав на лежавшего на земле убитого человека, сказали «вот большевик» и ушли. Из разговора с милиционерами и жителями Северной улицы я узнал, что мой брат был вместе с 14-ю большевиками, трупы которых были найдены спустя два дня после убийства моего брата. Когда их привели на место, то брат убежал и бросился по направлению к городу. Японцы стреляли по нем,но попасть не могли. Брат бежал по китайским огородам и когда взлез на забор, чтобы выбраться на улицу, то проходивший японский патруль выстрелил в него и убил. Кто мне это рассказывал, я сейчас припомнить не могу. Якупов уволился и жил в Благовещенске по Артиллерийской ул. д. № 24. Брата хоронили с выносом, но какой священник — я не знаю. Могилу его я знаю и могу указать. Прочитано. **Зубок.**

И. д.судебного следователя (подпись).

ПРОТОКОЛ

1919 г. октября 31 дня в г. Благовещенске суд. следователь 1 участка Благовещенского Окружного суда в присутствии городского врача Таубера, тюремного священника о. Виноградова, Николая Степановича Зубка и нижепоименованных понятых производили на втором Вознесенском кладбище вырытие из могилы трупа Петра Ивановича Зубка.

Могила, в которой похоронен покойный Зубок, была указана Николаем Степановичем Зубком и находится на 2 Вознесенском кладбище недалеко от входа по правую сторону от дороги. По разрытии ее на дне ее оказался белый гроб, который Николай Степанович Зубок признал за тот, в котором был погребен его двоюродный брат Петр Зубок. Крышка с гроба была снята и Николай Степанович Зубок признал, что лежащий в гробу труп есть покойный

его двоюродный брат. После этого гроб был вынут из могилы и было приступлено к осмотру трупа Петра Зубок.

Городской врач **Таубер.**

И. д. суд. следов. (подпись не разборчива).

Понятые: **Н. Кудрявцев, Сухарев, Священник Виноградов.**

ПРОТОКОЛ

1919 г. октября 31 дня в г. Благовещенске Судебный следователь 1 уч. Благовещенского окружного суда в присутствии нижепоименованных понятых, городового врача Таубера производил осмотр трупа Петра Зубка. Тождество трупа установлено Николаем Степановым Зубком.

Наружный осмотр.

Труп с гробом извлечен из могилы при глубине 3 аршин глинистой почвы, гроб полуистлел и полуразрушен. В гробу труп Зубкова, положенный и одетый по православному обряду, находится в сильной степени разложения, слегка сплющен. Все платье и белье на трупе сильно пропитано гнилостными жидкостями и крепко прильнуло к кожным покровам тела, которое частью сдирается вместе с бельем. Все кожные покровы серовато-темного, местами черного цвета. Вследствие гнилостного разложения представляют маркую слизисто-сальную массу. На лице и конечностях мягкие части частью распались и кости оголились. Глаза ввалились, волосы отделены, половые органы сглажены. Кости левого предплечья разрушены на много осколков. На груди в разных местах имеются 4 раны кругловатой и неправильной формы, в диаметре от 1 до 5 сант. Ввиду полного разложения трупа дальнейший осмотр его не производился.

Гор. врач **Таубер.**

Понятые: **Н. Кудрявцев, Сухарев.**

И. д. Суд. следователя (подпись не разборчива).

Заключение:

На основании данных настоящего осмотра и дела, видно, что Зубку были нанесены огнестрельные раны, что и было причиною смерти Зубка.

Гор. врач **Таубер.**

31 октября 1919 г.

ПРОТОКОЛ.

1919 г. октября 31 дня, судебный следователь 1 уч. г. Благовещенска допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст. У. С.

Иван Тарасович Алешин, 42 л. православный, судим не был, бывший помощник начальника милиции 1 уч. города Благовещенска, живущий по Торговой ул. д. № 48, посторонний.

По настоящему делу показываю следующее: в марте с. г. поздно вечером, будучи в участке, я услышал выстрелы по Загородной улице, куда и немедленно отправился с нарядом милиционеров, по дороге узнал от постовых, что выстрелы были за углом между Иркутской и Вознесенской, куда я и направился; около забора мы увидели убитого человека в арестантской куртке, при осмотре я тотчас же признал бывшего комиссара призрения Петра Ивановича Зубок, личность коего я хорошо знал. Зная, что Зубок содержался в тюрьме, я полагал, что Зубок бежал и при преследовании был убит. Наведя справку в тюрьме, я узнал, что Зубок в числе других 18 человек по требованию военного контроля был выдан под расписку прапорщику Пономаренко. Опросив в свою очередь прапорщика Пономаренко, я узнал, что всех арестованных в числе 18 человек, он получил в тюрьме и передал японскому командованию, куда таковых они дели—ему неизвестно. Через день после убийства Зубок из городской больницы было сообщено, что за городом в яме найдено убитых несколько человек. Я отправился на указанное место, где и обнаружил в яме засыпанных землею несколько человек, один из них лежал лицом вверх, и я узнал в нем комиссара, инженера Белина. Около этой ямы были следы крови, которая зачищена лопатой. При извлечении трупов обнаружены у всех глубокие рубленые раны на шее у затылка, а у одного была отрублена голова. Все трупы отправлены в больницу и опознаны те, кои были поименованы в списке взятыми из тюрьмы за исключением двух, не оказавшихся в числе убитых: комиссар Воробьев и комиссар труда Поспелов. Кто убил этих 15 человек, я не знаю. Опроса в японском штабе я не производил. Ни постовой городовой, и никто из местных жителей убийства этого видеть не могли, так как оно совершено поздно ночью и далеко за

городом и можно только предполагать, что убиты японским конвоем. Больше добавить ничего не могу. Иван Тарасович **Алешин.**

И. д. Судебного следователя (подпись неразборчива).

ПРОТОКОЛ.

1919 г. ноября 1 дня судебный следователь 1 уч. гор. Благовещенска допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей с соблюдением 443 ст. Уст. У. С.

Татьяна Исаевна Шафир, 50 л. иудейского вероисповедания, грамотная, Иркутская мещанка, живу в г. Благовещенске по Семинарской ул., д. № 36, не судилась, покойному Шафиру—жена.

Мой муж 16 лет служил в конторе Чурина и, расчитавшись в ноябре 1917 г., собрался ехать в Петроград летом. До захвата власти большевиками он состоял членом местного совета рабочих и солдатских депутатов, который воспользовался поездкой мужа в Петроград и выбрал его на третий съезд Советов. При господстве большевиков в Благовещенске муж занимался только литературным трудом и в советских организациях совсем не работал. После переворота он был арестован, никакого обвинения мужу не предъявляли, но, кажется, ставили в вину участие в третьем съезде советов. В марте м-це он был убит. Я узнала об этом на другой день, поехала к начальнику тюрьмы, и он сказал мне, что мой муж в числе 18 чел. уведен в штаб на допрос. Тогда я поехала в штаб, но там мне сказали, что никаких арестантов на допрос не приводили и о моем муже никаких сведений нет, при чем обещали собрать сведения к 2 часам. Когда я вновь приехала в штаб, то мне сказали, что действительно мой муж убит, и убит японцами. Один из арестованных, некто Повилихин, бежал и через одного человека назначил мне свидание на кладбище. При свидании он рассказал мне, что он содержался в тюрьме в одно время с моим мужем. После вечерней проверки в день убийства из камеры вызвали Шелковникова, который был оправдан следственной комиссией и подлежал освобождению. После него вызвали моего мужа, которому, как я говорила, не было предъявлено никакого обвинения. Сна-

чала они предполагали, что их освободят, но когда стали вызывать комиссаров, то у них закралась мысль, не поведут ли их на расстрел. За арестованными пришли японские солдаты и четыре русских офицера. Повилихин назвал мне фамилии их, и я запомнила только одну — Файбушевича; где он живет и в каком полку служит—я не знаю. Из тюрьмы вызвали 18 чел., связали им веревками руки и повели попарно под конвоем. Арестанты спросили: «Куда ведете?». Им ответили: «заложниками на ту сторону». Когда их вывели за тюрьму, то у них не оставалось сомнений, что их ведут на расстрел. Дорогою Петр Зубок бежал и был убит. Среди японцев произошло смятение. Повилихин попал в яму пролежал в ней всю ночь и, освободившись от лежавших на нем трупов, вылез из ямы и скрылся. Из ружей в арестованных совсем не стреляли, исключая Зубка, который был убит ружейными выстрелами, остальным нанесены были раны штыками и шашками. Кто именно убивал—Повилихин не видел, он только говорил, что вели их японские солдаты и четыре русских офицера. Прочитано. **Шафир.**

И. д. судебн. следователя (подпись не разборчива).

Харис Якупов, 27 лет, магометанин, грамотный, бывший милиционер, живу по Артиллерийской ул., д. № 24, не судился, посторонний.

26 марта текущего года я стоял на посту на углу Иркутской и Загородной. Часов в 8 вечера я услышал стрельбу между Вознесенской и Соборной-Загородной и когда бросился на выстрелы, то встретил трех японских солдат, которые подбежали и наставили на меня винтовки. Я сказал им, что я милиционер, и они тогда объяснили мне частью знаками, частью на ломаном русском языке, что они убили из винтовки одного большевика—комиссара. Они указали мне место, и когда я пришел туда, то заметил, что возле заплота лежит на земле труп человека, при осмотре оказалось, что убитый бывший комиссар Петр Зубок, которому было нанесено в грудь несколько штыковых и пулевых ран, кроме того левая рука была перерублена. Я предполагаю, что Зубок убежал от конвоя и бросился к забору, чтобы перелезть во двор. Японские

солдаты погнались за ним и своими острыми штыками разрубили ему левую руку, которою он ухватился за заплот. Когда провели Петра Зубка и остальных арестантов, я не видел и кто убил их—мне неизвестно. Зубок был убит посредине квартала по Загородной ул. между Вознесенской и Соборной. Прочитано: **Якупов.**

И. д. судебн. следователя (подпись не разборчива).

ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ *).

Убийство 17 революционеров 26 марта 1919 года в г. Благовещенске, со слов обреченного т-ща В. Повилихина.

Это было в кошмарный период буржуазно-офицерской диктатуры, когда кровавые властители ставили человеческую жизнь ни во что, когда Амурская область стонала в когтях вампиров... Тюремный мартовский день приближался к концу. Мороз усиливался к ночи. Жутко в вечерних сумерках тюрьмы; чувствуется веяние смерти, так как каждую ночь кого-нибудь выводят на казнь и никто из узников не был гарантирован, что его сегодня тоже не выведут на казнь, без суда, выведут, так себе, ни за что, ни про что, отнимут жизнь мучительным образом просто из любви к искусству...

— Я сидел в одиночке с товарищем Ерыгиным,—рассказывает т-щ Повилихин. Прошла вечерняя поверка, сосчитали нас по обыкновению и, кажись, ничего особенного, но предчувствие чего то недоброго закралось в душу. Нервы у меня в этот период были еще не истрепаны, крепкие, но ежеминутное ожидание всякой страшной, роковой неожиданности давало себя чувствовать.

Не успел утихнуть шум удалявшейся стражи, как вдруг в коридоре послышался топот сотен ног и лязг оружия. Вооруженные люди подходили к одиночкам и останавливались. Стали открываться двери одиночек и послышались возгласы стражи:—Шумилов, Поспелов, Хабаров, выходи!—и целый ряд других фамилий. Мы тревожно и вопросительно переглянулись с товарищем, и сердце забилось тревожно и быстро...

Открывается и наша одиночка и грубый окрик: «Повилихин, выходи!» заставил нас вздрогнуть. Растерялся, не зная в чем дело, куда ведут в такое время? Ведь после поверки ни-

*) Перепечатка из сборника «Красная Голгофа», изд. газ. «Амурская Правда», 1924 г.

куда не вызывают, только на смерть. Неужели на волю—мелькнула мысль. Спешно целуюсь с Ерыгиным, он что то говорит, но до моего сознания доходят только последние слова: «г-н начальник, а меня нет в списке»? Мгновение и я в коридоре, одиночка захлопнулась, а в ушах гудит противный голос палача:—«завтра и ты будешь, и тебя вызовут»...

Увидя коридор, переполненный японцами, среди которых стояли фигуры Шумилова, Шафира, А. Семенченко, Шелковникова, А. Чумака, Шемякина, И. Шестакова, Л. Белина, Н. Воробьева, И. Семенченко, П. Зубка, П. Вшивкова, Мельниченко, Поспелова, Хабарова, Федина и тут же «доблестных» офицеров Файбушевича и Чичуа—я понял, что затевается что то недоброе, что то страшное,—чему нет названия. Полумрак темного коридора, бряцанье оружия, тишина ночи—все это наполняло душу тоской и скорбью. Откуда то появились веревки и нас всех, восемнадцать человек, стали связывать друг с другом веревками, попарно рука с рукой. На наши недоуменные вопросы—куда нас ведут?—послышались злорадные двусмысленные ответы:

— На свободу...

— В другое помещение...

Японец-офицер успокаивающе говорит, что нас отправляют на Сахалин в качестве заложников, чтобы большевики в области не предпринимали активных действий.

Связанных веревками, плохо одетых, вывели на тюремный двор. Морозом пахнуло в лицо.

— Прощайте, братья, прощайте, товарищи!—и гул сотен голосов из тюрьмы огласил тюремные стены.

— Прощайте, до свиданья... Прощайте, братья!—кричим мы. Кричим и не вполне сознаем, что это прощанье навеки...

Прощайте, братья...

— И вы там завтра будете.—кричит Турецкий, начальник тюрьмы и грубой циничной бранью заканчивает свою речь.

У конторы нас остановили, окружив тесным кольцом конвоя японских жандармов, осматривают—крепко ли связаны руки; подходит японский солдатик ко мне с винтовкой, трогает руками веревку—а у самого на глазах слезы.

«Куда нас поведут»—спрашиваю—убивать? (контрами)?

Японец утвердительно качает головой, а крупные слезы одна за другой текут по его желтому лицу. Милый, добрый

японец! в твоей темной душе дикаря нашлось чувство человека, чуткого к страданию, к людскому горю...

Крепко связанные руки немеют, дрожь пронизывает до мозга костей. Тяжело... жутко... в душе пустота и смерть... Подходит офицер-японец, «садит» в рот папироску и мгновенно вынув, тычет грязными пальцами конфету...

Издевается...

Осмотрев всех, крепко ли связаны руки, палачи направили нас к выходу. Заскрипели тюремные ворота, выпустили обреченных и ночная тьма, словно львиная пасть, поглотила нас. Подгоняемые со всех сторон штыками и ударами, мы направились за тюрьму, к ямам, где весной копают глину для выработки кирпича. Там для нас предназначалось место вечного покоя, место казни. Пока мы прошли это, сравнительно недалекое, расстояние - я успел пережить целую вечность. Целая жизнь пронеслась в моем мозгу. Вспомнилось детство, мать, родина, все, все до мельчайших подробностей. Даже самые незаметные мелочи жизни всплыли почему то особенно ярко...

А сердце бьется так быстро-быстро, как раненая птица.—Товарищ, дорогой,—говорю связанному со мной Вшивкову,—думал ли я, что мы будем связаны друг с другом одной веревкой и вместе умрем!..—За сказанное слово солдаты бьют беспощадно.

Тяжело, мрачно в душе. Пустота... а жизни так жаль, так обидно умирать, глупо и бессмысленно, добровольно подставляя голову под удар палачей. Умирать с сознанием, что даже ничего не сделал для идеи, для пользы ближних.

А жить так хочется! Молодой сильный организм не хочет мириться с неизбежностью смерти, он протестует. И в голове зароились мысли о сопротивлении, о побеге.

— Ударить конвойного, броситься в темноту ночи: или быть убитым сразу—или спасенье!..—Я насторожился, напряг все внимание на мысль о побеге, но связанные веревкой отекшие руки парализуют волю.

Итак, все пропало!.. Проклятые руки, проклятые веревки!

Эх! да разве можно передать все это словами! В человеческой речи нет тех слов, которые могли бы выразить хоть одну маленькую часть ужаса, пережитого нами. Словами этого не передашь... Все мы одеты налегке, кто в летней рубахе, кто в легком пиджачке. И несмотря на то, что шагаем быстро—холодный ветер пронизывает насквозь. Дрожим от холода и волнения; зуб на зуб не попадает. Чувствую, как

товарищ Вшивков дергает руками, пытается незаметно освободиться от веревок. Напрягаю всю силу и делаю тоже, но страшная боль не позволяет двинуть ни одним мускулом, а товарищ Вшивков все дергает. Спрашиваю у офицера Файбушевича—куда нас ведут, и получив ответ, что на Сахалин—говорю ему, что ведь дорога не туда ведет.—Вероятно, убивать ведете?—«А если знаешь, то зачем спрашиваешь».

Пришли на место казни. Остановились... Я почувствовал, что веревка, связывающая нас, ослабела. Очевидно, товарищ Вшивков работал не даром; маленькая, маленькая надежда закралась в мою душу.

Началось приготовление к казни, а мы, словно стадо ягнят, окруженных голодными волками—робко сжались в кучу... У многих на глазах слезы, а в душе страшная драма смерти, веяние крыльев которой уже шумит над нами, говорит о вечности. Стали прощаться перед уходом от жизни, начались поцелуи, слышалось затаенное рыданье. Живой человеческий организм не хотел признавать никаких доводов, он не мог мириться со смертью... жутко... страшно, а, главное,—нет выхода, чувствуешь свое бессилие.

— Какой произвол, какой жестокий произвол!.. Даже с родными не пришлось проститься—говорит Яков Григорьевич Шафир и жгучие слезы туманят его старческие глаза.

Палачи приготовились к бойне. Напряженная, торжественная страшная минута.

Вдруг товарищ Зубок, отвязавшийся от своего спутника, бросается на колени перед офицером и в каком то отчаяньи молит палача: «Сжальтесь, пощадите! У меня дети маленькие—пожалейте их»!..—Какой болью, какой мучительной болью отозвался в нашей душе вопль несчастного. Камень—и тот разрыдался бы, но наемники капитала остались неумолимы. Холодным и спокойным тоном:—«Я ничего не знаю»—отвечает «доблестный» офицер. Мгновение, и товарищ Зубок, поднявшись с колен, изо всей силы ударяет одного из мучителей и бросается в сторону. Раздались крики, посыпался град пуль, но беглец исчез. Конвой насторожился и придвинулся к нам, нас поставили на краю ямы, на дне которой был еще снег.

— Становись на колени!—протяжно раздалась команда и все обреченные опустились на колени. Серкнули шашки, бряцанье оружия, предсмертные стоны и... хрустенье костей. Кровь застыла в моих жилах. Куда девался Вшивков, что происходило дальше—не помню. Какая то нечеловечская сила, словно вихрь, или страшный удар столкнули меня в яму,

прозвучал выстрел и я потерял сознание. Долго ли я пробыл в таком состоянии—не знаю, но страшный, леденящий душу холод привел меня в чувство, так как я лежал в одной рубахе, грудью на снегу, а вокруг меня и на мне лежали убитые и умирающие в судорогах товарищи. Первою моей мыслью было, что я умираю, но отсутствие физической боли успокоило меня. Масса крови моих несчастных братьев обрызгала меня, заливала лицо, а связанные сзади руки делали меня совершенно беспомощным. Вся яма переполнилась стонами, хрипением умирающих и скрежетом зубов. Я попытался подняться, но лежавшие на мне трупы не давали возможности это сделать. Повернув голову в сторону, я столкнулся лицом к лицу с товарищем Шелковниковым-Гуном, который умирал в страшных судорогах и его слабое дыхание обдавало мое лицо. Мне стало жутко. Со страшным усилием воли повернулся я на другую сторону, сдвинул чью то руку, опустившуюся на мое плечо, которая снова опустилась на меня. С крепко связанными руками я был весь во власти моих мертвых товарищей, отчаянье закралось в душу с новой силой. Чувствовал, что схожу с ума. Решил во что бы то ни стало спастись и, работая плечами, стал выбираться из груды мертвых тел, которые плотно придвинулись ко мне, как бы не желая расстаться со мной. Карабкаясь среди тел, успел разглядеть окровавленную голову старика Шафира и красивое страдальческое лицо товарища С. Шумилова, которого узнал по большой черной бороде.

Среди всего этого кошмара, опьяненный чувством сознания, что я жив, я совершенно забыл об опасности там, на верху, забыл про палачей, как вдруг до слуха моего донеслись голоса людей, о чем то горячо говоривших. Я весь похолодел и замер, прижавшись к убитому товарищу. Мысль, что меня могли заметить—наполнила душу ужасом, а ко всему этому мне послышался звон лопат и шорох о землю. Мне казалось, что яму будут закапывать и перспектива быть похороненным заживо—было страшнее всего пережитого за весь вечер. Лежал и не шевелился. От дрожи зуб на зуб не попадал. Сколько прошло времени, не знаю, быть может, одна минута, показавшаяся вечностью. Но голоса постепенно начали стихать, шаги удалялись все дальше и все стихло.

Мертвая тишина нарушалась только стоном одного из товарищей, лежавших подо мной, но вскоре и он замолк. Я подождал еще несколько мгновений и, убедившись, что опасность миновала, стал выбираться из могилы на свет бо-

жий. Это мне стоило больших усилий, так как мертвецы не пускали меня.

Наконец, я все-таки выбрался из ямы, огляделся—кругом ни души. Решил пробираться к городу, к человеческому жилищу, ибо шагать к тайге в мокрой летней рубашке не было сил. А тут еще вспухшие связанные руки мешают идти; боль адская, даже в глазах темнеет.

Жажда жизни так овладела мной, что готов был отрубить руки, лишь бы уйти. Долго ли шел до города,—не помню, но очутился у избушки сторожа городской больницы С бьющимся сердцем постучал туда. Глубокий старик открыл мне дверь и, увидя меня в крови связанного—испугался. А ведь много ужасов видел он за это время: не одного расстреляли на его глазах.

— Дедушка, спаси меня! Я бежал от казни, помоги мне...

Окинул меня тусклым взглядом старик и покачал головой:

— Хорошо, я старик—мне уж все равно, а ты, ты еще молод. Ложись!—и он указал мне на койку, развязал руки, прикрыл меня, а когда убедился, что всюду спокойно, обмыл меня спиртом и снова уложил. В бреду и грезах я пролежал до утра, а утром, поблагодарив моего спасителя, отправился к Ольге Васильевне, благодаря которой отыскал товарища Козина, у которого и поселился...

Тут я узнал, что товарищ Зубок, убежавший от казни, был замечен на Соборной улице японским караулом, когда перелезал забор. Его сняли с забора на штыках. ....

....

Я видел товарища Повилихина на другой день после кошмарной ночи. Его правдивый искренний рассказ произвел на меня потрясающее впечатление. Прошел уже год, могилы мучеников 26 марта заросли травой, но когда я вспомню об этом, мороз подирает по коже, словно я сам переживал этот кошмар. Живя сам на нелегальном положении, я не мог тогда записать его слов, поэтому в моем рассказе многие яркие моменты потускнели, но они сохранили свою точность и историческую правдивость.

Жуковский.

198

ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ АТАМАНОМ СЕМЕНОВЫМ И КОМАНДИРОМ 4-ГО ИНГОДИНСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА ПАКУЛОВЫМ.

ПИСЬМО СЕМЕНОВА.

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Походного атамана всех казачьих войск российской восточной окраины. 12 августа 20 г., гор. Чита. Станичнику Пакулову.

Неужели вы не слышали голос и вопли родного вам Забайкалья. Неужели вам чужды страдания русского народа, чего же вы, наконец, тлупите. Ведь, если вы до сих пор боролись, как вы об этом говорили, за прекращение гражданской войны и установление мирной жизни, то чем объяснить ваше настоящее выступление? Ведь, вы сейчас взяли оружие в руки именно в тот момент, когда ваши же политические руководители—Шилов, Краснощеков подписали мирный договор с Японией и со мной, и мы накануне общего мира и спокойствия.Неужели Вам не надоело бродить по лесу и влачить жалкое существование. Опомнитесь же, народ ваш устал и хочет мира. Не мешайте закончить мирные переговоры, которые близятся к благополучному концу, иначе вспыхнет новая, но более ужасная братоубийственная война, а иностранные государства могут воспользоваться нарушением вами договора и отнять у нас наше родное Забайкалье. Понимаете ли, вы своими действиями встали на путь врага всего русского народа.

Атаман **Семенов.**

ОТВЕТ ПАКУЛОВА.

Д. В. Д. Р. Командир 4-го Ингодинского Партизанского отряда, августа 16, 1920 г. № 183, ст. Шилка.

Господин атаман. Письмо ваше получил 14/8 20 г., в котором Вы указываете о том, что я боролся до сих пор за прекращение гражданской войны и установление мирной жизни. Да, вы правы, но все же не совсем. Я еще и боролся

против вашей реакции, т. е. против того жестокого террора, которым вы притесняли трудовой народ, что несомненно по вашему приказу делали ваши доблестные офицеры. Нам ни одна история не говорит о таком разбое, какой чинили вы, атаман. Я задам вопрос. Просил ли кто из трудящихся быть повелителем и властелином здесь в родном нашем Забайкалье вас? Но вы еще изволили именоваться повелителем крестьян Всея России. Оглянитесь, атаман, назад, вы увидите целую вереницу вдов, сирот, отцов, матерей, обездоленных и это дело ваших рук, любезный атаман. Едва ли может быть еще в мире изверг, как вы, атаман. На совести вашей лежит тяжкое преступление, и вы искупаны в народной крови, и эта кровь не даст вам покоя. Если вы человек, но не изверг, и вы мне указываете еще о каких то поступках, о какой-то могущей вспыхнуть войне с японцами, я со своим отрядом стою на той линии, которая мне указана, не мешая осуществлению мирных переговоров между Японией и Народно-Революционной армией. Я не выхожу из рамок распоряжения своего командования. А если ваша провокация еще хочет натолкнуть на войну с Японией, так знай, атаман, что Япония, видя ваши поступки, перестала верить вам. Вы помните, наверное, ваше послание японскому принцу, пред которым вы проливали крокодиловые слезы, но как видно не осуществилось. Вы теперь трепещете за свою жизнь, а почему не трепещете за те жизни, когда подписывали смертные приговоры. Так будь же ты проклят, атаман, от имени всех сирот, вдов, отцов и матерей убитых тобою людей.

Командир 4-го Ингодинского партизанского отряда
Пакулов.

ПРИКАЗЫ КОЛЧАКОВСКОГО КОМАНДОВАНИЯ.

ПРИКАЗ

Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего.

гор. Омск. № 143. 21 февраля 1919 года.

Некоторые новобранцы, находящиеся в действующих частях обращаются с просьбами в Волостные Земские Управы о выдаче им удостоверений о том, что они не добровольно поступили в армию, а призваны по мобилизации, дабы, имея такое удостоверение, избавиться от притеснений со стороны большевиков в случае пленения.

Приказываю таких удостоверений не выдавать. Начальствующим лицам разъяснить, что солдаты, возбуждающие такие ходатайства, недостойны звания русского воина, честно и открыто идущего на защиту родины.

Подл. подписал: Генерального Штаба генерал-маиор **Лебедев.**

С подлинным верно: и. д. Начальника Отдела Управления дежурного Генерала при Верховном Главнокомандующем, Полковник **Гириберг.**

С подлинным верно: Секретарь (подпись).

ПРИКАЗ

Забайкальскому казачьему войску, марта 3 дня 1919 г.

№ 122.

Согласно ходатайства Цаган-Олуевского станичного собора, нижепоименованные казаки этой станицы, принимавшие деятельное участие в большевистском движении и как состоявшие в рядах Красной армии, лишаются с переименованием в рядовые, званий:

Вахмистра: Петр Афан. Бородин, Владимир Егор. Атавин, Дмитрий Петров.

Старшие урядники: Петр Семен. Беломестнов, Василий Ив. Бородин, Петр Петров Викулов, Иван Степанов Новиков, Семен Дионисов Каменщиков, Григорий Алексеев Зайков, Иван Васильев Савватеев, Александр Ив. Беломестнов.

Младшие урядники: Никита Козьмич Филиппов, Иван Тимоф. Войлошников, Михаил Андреевич Костромин, Иван Васил. Большаков, Михаил Петрович Викулов, Михаил Иванович Вагин.

Нестроевые старшего разряда: Семен Иванов Бородин, Павел Бородин, Иван Семенов Бутин, Агафапод Ив. Бородин, Степан Аф. Бородин, Ксенофонт Петрович Беломестнов, Владимир Иванович Седякин.

Приказные: Алексей Васильевич Акулов и ветеринарный фельдшер Александр Алексеев Эпов.

Закон: Приказ В. В. 1911 г. № 126.

Справка: Надпись начальника военного района на территории 2-го военного отдела от 13 февраля с. г., за № 139 и приговор Цаган-Олуевского станичного собора от 28 января с. г. за № 13.

Подп. Войсковой Атаман Полковник **Зимин.**

Копия приказа по Нерчинско-Заводскому Гарнизону.

22 марта 1919 года № 4.

Несмотря на то, что уже не может быть возврата к тому государственному строю, который погубил Россию и который достаточно было раз попытать, чтобы вызвать у каждого гражданина полнейшее к нему отвращение, однако, находятся еще люди, которым дороги хищнические заветы советской власти, и они стараются всевозможными способами восстановить безвозвратно утраченное ими господство над народом при большевистском режиме. Люди эти, в большинстве скрывающиеся деятели советской власти, которые в преступном стремлении вновь вызвать гражданскую войну, к сожалению, увлекают за собой путем обмана и провокации многих несознательных граждан, а иногда и целые селения и покидают таковые при приближении высылаемых для ликвидации восстания отрядов, заставляя, таким образом, сдавшихся на обман одних граждан населения рассчитываться за все содеянное посетивших их большевиков. Так, 12 марта прибыл в Какталгу из заграницы отряд большевиков в 30 человек, отстранил атамана, милицию, занял все выходы, организовал военно-революционный штаб, учредил совдеп. В поселках Какталгинском, Аркинском и Кучугайском мобилизовали насильно всех казаков пятнадцати сроков, начиная с 1906 г., при этом

они пустили провокационные слухи, что гор. Благовещенск, ст. Могоча, Шилка взяты большевиками, Чита окружена, 4 военный отдел тоже занят большевиками и вообще большевики везде сделали переворот, что все гарнизоны и войска перешли на сторону большевиков, вывесили прокламации. Все мобилизованные казаки пятнадцати сроков под их вооруженным давлением и провокацией собрались в пос. Какталге, и хотели их большевики двинуть далее, и только через 4 дня поняли мобилизованные всю гнусную ложь большевиков, их очевидную провокацию от только что приехавших с Могочи, и сами же арестовали ночью пришедший из за-границы отряд большевиков, а также и своих большевиков и препроводили их начальнику района, в чем и составили приговор от 17 марта с 120 подписями. Эти события в Аркине и Какталге показывают, насколько легко население верит гнусной лжи и провокации.

Хорошо, что они во время узнали эту ложь и провокацию и во время арестовали большевиков, а то могли бы пойти дальше с ними и, конечно бы в результате получили законное возмездие. Поэтому граждане призываются не верить провокационным слухам врагов народа, этим волкам, приходящим к вам в овечьей шкуре.

Большевистские агитаторы от того же отряда успели ложью смутить население и в Богдатской станице, в пос. Налимском и Береинском, но благодаря тому, что проезжавший Аркинский станичный атаман разъяснил и они во время остановились; конечно, виновники будут строго наказаны. Подлинный за надлежащими подписями.

ПРИКАЗ

по 4-му Военному району Забайкальского казачьего войска. № 36. 31 мая 1919 г., г. Нерчинск-Заводский.

§ 1.

В дополнение приказа по району с. г. № 34 объявляю выписку из телеграммы, полученной из Ставки Верховного Главнокомандующего: «Верховным Правителем издан приказ о конфискации всего имущества солдат Русской Армии, добровольно сдавшихся в плен или же перешедших к противнику до боя, также лиц добровольно служивших красным или помогавшим им точка Земля таких лиц будет передаваться распоряжение правительства для удовлетворения нужд

солдат, честно исполнивших свой долг перед родиной, их семей точка Изменников и предателей, уличенных переходе красным или способствующих им, подлежат расстрелу на месте без суда».

При этом объявляю, что для разбора об арестованных большевиках, разграбленном имуществе, удовлетворения лиц, пострадавших от большевиков и от военных действий, прибывает в Нерчинский завод Областной Юрисконсульт.

Подл подп. Вр. и. д. Начальника военного района
Хорунжий **Кибирев.**

С подлинным верно: И. д. Начальника Административного отдела, Чиновник военного времени **Медведев.**

ПРИКАЗ

По Забайкальскому казачьему войску. Июля 19 дня, 1919 г.

№ 630.

В ночь с 14 на 15 июля в 1-м Забайкальском казачьем полку произошло печальное событие: две сотни под влиянием агитации фельдшера Васильева и др. преступных лиц —окончательно разложились, забыв долг перед возрождающейся Родиной, честью родного войска, запятнали себя позорным именем изменников, — перебили часть своих офицеров и ушли к бандам большевиков. К сожалению приходится отметить, что офицеры опять были не на своих местах, далеко стояли от казаков, не вели необходимых бесед, не были лучшими друзьями казаков, а стояли настолько далеко, что казаки со всеми духовными запросами не могли просто и доверчиво обращаться к ним.

Происшедшее—неизбежный результат взаимоотношений офицеров и казаков.

Приказываю: всем офицерам войска стать ближе к казакам, вести с ними беседы на доступные их пониманию и интересующие темы. Строго следить в части за проникновением разлагающей, преступной пропаганды. Виновных строго карать по закону и офицеров, допускающих мордобойство и другие выходки по отношению казаков, предавать военно-полевому суду.

Всех казаков первого Забайкальского полка, перешедших к красным, как изменников Родины и Родному казачеству, при поимке расстреливать без суда. Вместо бежавших призвать теперь же из их семейств их братьев и отцов, мо-

гущих носить оружие. Из семей изменников взять заложников. Объявить казакам, что в случае бегства их к красным, из семьи изменника будет расстреливаться старший член семьи.

Все бежавшие к красным лишаются земельных наделов, вычеркиваются из списков войска и, как изменники, расстреливаются.

Подлинный подписал Войсковой Атаман **Семенов.**

Скрепил старший адъютант сотник **Пинигин.**

С копией верно: И. д. Адъютанта Дивизиона,
чиновник военного времени (подпись).

ПРИКАЗ

2-му Забайкал. казачьему артиллерийскому дивизиону.

24 июля 1919 года, г. Чита.

№ 10. §-2.

В то время, как все великие нации, счастливые сознанием победы над врагом, пожинают плоды своих пота и крови на благо мирного труда своих народов,—мы, русские люди, принужденные бороться за возрождение родины, должны приложить все силы и разум к поднятию величия России, чтобы снова стать в ряды великих народов.

Честь и достоинство России в сердцах и руках армии.

Приказ объявить этот в батареях и привлечь всех чинов к сознательной работе для доведения дивизиона на высокую степень порядка и боевой готовности.

П. п. Командир дивизиона полковник **Кобылкин.**

Верно: И. д. адъютанта, чиновник военного времени **Попов.**

ПРИКАЗ

Забайкальскому казачьему войску. 13 августа 1919 г. № 717.

Об исключении из войскового сословия за принадлежность к большевистскому движению.

На основании постановления 2-го Войскового Круга от 15 июня с/г. ,нижепоименованные казаки Ундинской и Верхнеудинской станиц исключаются из войскового сословия Заб.

казачьего войска, как принимавшие активное участие и вообще причастные к большевистскому движению:

Ундинской: Хорунжий Андрей Васильевич Комогорцев, прапорщик Прокопий Осипович Поздеев, нестроевой старшего разряда Максим Крутиков, урядник Петр Григорьевич Блинников, Иван Иннокентьевич Блинников, Василий Л. Чеглоков, Василий Матвеевич Блинников, Диомид Матвеевич Журавлев.

Верхнеудинской: Степан Андреевич Козулин, Василий Гавр. Первушин, Иван Михайлович Гаськов, Семен Михайлович Жаркой, Иван Данилович Серебренников, Иван Степанович Дорофеев, Федор Васильевич Попов, Константин Алексеевич Козулин, Александр Николаевич Козулин, Александр Павлович Козулин, Иван Григорьевич Лисин, Михаил Вас. Яньков, Адриан Дмитриевич Таракановский и девица Любовь Алексеевна Янькова.

Справка: протокол 3-го Войскового Круга, за № 29.

Подл. подписал: За войскового Атамана
Генерал-Майор **Бакшеев.**

С подлинным верно: Делопроизводитель **Филиппов.**

ИМЕННОЙ СПИСОК

Казаков Улятуевской станицы, бежавших в разное время, будут преследуемы за большевизм.

1. Петр Иванов Кремнев.
2. Алексей Павлов Пельменев.
3. Филипп Павлов Пельменев.
4. Семен Павлов Пельменев.
5. Домин Иванов Дорофеев.
6. Федосей Николаев Луговской.
7. Елизар Ефимов Дорофеев.
8. Поликарп Иванов Литвинов.
9. Николай Ефимов Темников.
10. Алексей Афанасьев Чипреев.

Старший адъютант Управления начальника Военного Района на территории 2-го Военного отдела Заб. Казачьего войска, хорунжий **Токмаков.**

ПРИКАЗ

Начальника военного района. 2 сентября 1919 г.

гор. Нерчинский-Завод № 70.

При сем объявляю для сведения и самого широкого распространения среди населения воззвание Командующего Фронтом Генерал-Майора Шемелина.

Казаки и крестьяне. Враги народа, большевики, пользуясь Вашей темнотой и тем, что до Вас не доходят вести о том, что делается в России, распространяют среди Вас листовки, в которых самым наглым образом искажают суть событий, присходящих сейчас в Сибири и России.

Они громко кричат о том, что только они одни есть действительно истинные друзья народа, что будь всюду советская власть, и наступит, мол, рай на земле. Цену всем этим словам, всем этим обещаниям русский народ хорошо знает.. Большевики обещали мир с Германией. Они дали нам его—позорный Брестский мир, по которому мы становимся полными рабами Германии. Одной контрибуции мы должны заплатить по этому миру столько миллиардов рублей, что и правнукам нашим не выплатить. Могли ли мы признать этот мир, делающий русского мужика рабом немца? Конечно, нет! Большевики, дав мир с Германией, внесли войну во внутрь России. Только Господь один знает, сколько горя, слез и невинно пролитой крови принесла и приносит эта война народу. Они говорят, что они воюют с буржуями, на самом деле грабят всех, у кого что есть, хотя бы это достояние и было добыто потом и кровью, и за все время большевиков не так страдал буржуй, как страдал мужик-хлебороб. Большевики говорят про то, что они стоят за власть народа, а на деле власть забрали проходимцы, бродяги с уголовным прошлым и нагревают свои руки у народного добра. А когда народ заявлял о своем желании переизбрать советы—в ответ раздались ружейные выстрелы, как это было в Петрограде, Москве, Сормове, Мотовилихе. Если бы большевики были друзья рабочих и крестьян—не создалась бы на Урале, так называемая Воткинская армия из мужиков крестьян и рабочих, численностью до 150000 человек, которые дубьем и дрекольем отбивались от своих «друзей-благодетелей», большевиков. Большевики зовут Вас в свои ряды, угрожая Вам проклятьем ваших детей и внуков в будущем. Но за то, что они делают сейчас сами, их уже проклинает разоренный русский народ. Не слушать негодяев насильников, умеющих петь красивые слова, цена которым грош,—а бить их беспощадно, вот что надо делать для того, чтобы действительный мир и покой воцарился среди нас.

С врагами народа других разговоров быть не может.

Подписал командующий фронтом Генерал-Маиор

Шемелин.

Казаки и крестьяне. Вот уже несколько месяцев, как банды разбойников и грабителей, называющих себя большевиками, разоряют Ваш край, мешая мирному труду. Нарушено правильное ведение хозяйства, многие из вас разорены совершенно, скот и лошади уведены, хлеб съеден. Но верьте, что всем вашим бедам приходит конец. Как бы ни изощрялись большевики, хотя бы и временами успех и был на их стороне, их песня спета и надеяться им не на что. Все государства: Япония, Англия, Франция и др. считают большевиков тем же, чем считаем их и мы—разбойниками, грабителями. Со стороны этих государств обеспечена нам помощь всем необходимым для армии—вооружением, обмундированием. А ближайшая наша соседка и лучший друг — Япония помогает нам и своими войсками. Но если из вашей среды найдутся такие, которые по своему желанию присоединятся к большевикам, то горе им, и пусть они уже в будущем пеняют на себя. С ними будет поступлено по всей строгости приказа Верховного Правителя, который сейчас применяется в отношении ушедших в ряды большевиков.

Подписал Командующий фронтом Генерал-Маиор **Шемелин.**

К Вам, казаки и крестьяне, насильно уведенным большевиками, я обращаюсь. Обдумайте свое положение. На что Вам надеяться? Что ждет вас в будущем? Что бы ни говорили вам главари большевиков, какими бы ложными словами они вас ни обнадеживали—песня их спета. На нашей стороне справедливость, право. На нашей стороне сила. Большевиков никто не признает. Все государства считают их тем же, чем и мы—грабителями, разбойниками. Союзники помогают нам, ,снабжают нас оружием и обмундированием, мало этого, японские войска вместе с нами принимают участие в уничтожении большевиков. Жалея вас, принимая во внимание, что только угрозы силой заставляют вас оставаться у большевиков, предлагаю вам арестуйте своих главарей, выдайте Журавлева, Якимова, Федорова, Швецова, Киргизова, Чугуевского, Толстокулакова и др. и я приму вас обратно, никто не будет из вас наказан, всем будет оказана помощь. В про-

тивном случае—пеняйте на себя. Милости к вам и вашим семьям в поселках не будет, вы это знайте. Одумайтесь казаки!

Подпис. Командующий фронтом Генерал-Манор
Шемелин.

Настоящий приказ прочесть на всех станичных поселковых волостных и сельских сходах. Подл. подпис. Начальник Военного Района Войсковой старшина **Гладышев.**

С подлинным верно: Комендант, Коллежский Регистратор **Мишин.**

ПРИКАЗ

по 4 военному району, октября 21 дня 1919 г. Нерчинский-Завод № 108.

При сем объявляю копию приказа войскам Нерчинско-Заводского отряда от 19 сего октября за № 13 § 3, для сведения.

Приказываю всем командирам групп и частей—дома, из которых за последнее время хозяева ушли на службу в красную армию,—немедленно предавать огню, все имущество конфисковать и передавать станичным атаманам для раздачи пострадавшим от большевиков.

Основание: Т—ма наштаба помвойсками за № 02783-а.

Подл. подп. Генерал-Майор **Шемелин.**

НКУВФВС **Гладышев.**

С подл. верно: Комендант, чин. воен. времени **Мишин.**

ОБРАЩЕНИЕ К НАСЕЛЕНИЮ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ.

1. Пребывание японских войск на территории России имеет целью не вести войну для войны и заставлять от от этого страдать **мирное население,** а войска настойчиво лишь преследуют тот элемент населения, который нарушает порядок и спокойствие и деятельность путей сообщения.

2. Все лица, состоящие в красных бандах, оказывающие бандам содействие и относящиеся к ним сочувственно,

рассматриваются японскими войсками, как разбойники, как враги общественного спокойствия и порядка в Амурской области.

3. Принимая во внимание вышеизложенное, японские войска слагают с себя всякую ответственность за возможные убытки, причиненные деревням от бомбардировки и других причин, в случае, если таковые будут признаны большевиствующими, или будут давать приют и оказывать содействие красным бандам, убытки ни в коем случае возмещаться не будут.

Командующий японскими войсками
в Амурской области
генерал-маиор **Ямада.**

Атаман Амурского Казачьего войска
Полковник **Кузнецов.**

17 ноября 1919 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ТОВ. МУХИНА.

ПРОТОКОЛ[1]).

1919 г. марта 8 дня, я начальник юридического отдела военного контроля допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, при чем он показал, что его имя, отчество и фамилия Федор Никанорович Мухин. От роду 41 год. Родился в городе Тюмени. Не прописан. Вероисповедания православного. По народности и племени русский. Занятие и ремесло его электромонтер. Особые приметы: на левой ноге конгрен (?) кожи. По семейному положению женат. Под судом был.

Я приехал в гор. Благовещенск 16 февраля с. г. для того, чтобы способствовать восстанию. Приехал я из Ивановки. В Ивановке было вынесено постановление относительно того, что настоящее правительство, являясь смешанным с иностранным и не разбираясь с правым и виноватым, порет и расстреливает правого и виноватого, поэтому мы настоящую власть опровергаем. В Ивановке восстание сделал я. Со мною там были красноармейцы. Помощниками моими были: Кошкин, Лашкевич и Емельянов. Были у меня еще помощники, но я многих по фамилии не знаю. Скрываюсь я все время в городе. В то время, когда вошел отряд Гамова, я ходил в городе по Мастерской, Благовещенской и Большой улицам. Когда же я увидел, что здесь дело такое, что мне ходить опасно, я зашел в парикмахерскую между Офицерской и Никольской по Амурской, побрился и остригся, пошел в столовую, пообедал и ушел. Затем я ушел в Горбылевку, Высокая улица д. № 48 к Малютину и оттуда мне пришлось уехать в Астрахановку. В Астрахановке я зашел к Пономаревой, где и прожил недели три. Это было спустя месяц после переворота. Оттуда я уехал в Ильиновку. Там я остановился у кузнеца Саяпина, прожил один день. Оттуда я ушел в Красный Яр, а оттуда уехал на заимки, во время прихода отрядов. После же ухода отрядов я с помощниками вернулся в Красный Яр. От-

---

1) Помещаемый ниже документ изъят из дел Благовещенской белой контр-разведки. Из других документов видно, что после второго допроса т-ща Мухина, при переводе его из помещения военного контроля в Благовещенскую тюрьму, он был убит сопровождавшим его конвоем белогвардейцев и японцев. **Ред.**

МУХИН

Феодор Никанорович Председатель перваго Совета Народных комиссаров Амурск. Обл. (больш.) убит 9 мар 1919 г.

туда я по приглашению выезжал в Рачиху. И ездил я только по приглашению во все деревни и стал организовывать отряды. С отрядами мы проехали через Завитинскую, оттуда в Ильиновку, ночевали в Земской. Отряд был в Ильиновке около 300 человек. Затем поехали в Борисоглебск, где были у председателя комитета безопасности. Затем отправились в Куприловку и оттуда в Песчаноозерки. В Песчаноозерки пришли в количестве около 300 чел., оттуда прибыли в Варвариновку и Анновку, где у нас стало уже около 400 человек в отряде. Оттуда мы пошли в Ивановку. С приходом в Ивановку у нас началось первое выступление. Разъезжали мы на крестьянских лошадях, и фураж был тоже свой. При падении Советской власти рабочим выдали мы трехмесячный оклад содержания не с целью подкупа на будущее, а мы смотрели на то, что все рабочие придерживаются Советской власти, то они при теперешнем правительстве будут выгнаны, и поэтому их мы хотели обеспечить на это время. Теперешнее выступление наше является вынужденным, так как порка и расстрелы, производимые теперешним правительством, волновали население. На случай выступления мы расчитывали в Ивановке найти около 300 винтовок и на каждую винтовку по 40 патронов. Пулеметов у нас не было; к нам приходили китайцы и предлагали за 16000 руб. 10 пулеметов. Но так как такой суммы я не имел, то и пулеметы приобрести не мог. Во время Черновских событий я находился в городе, и моим пристанищем была кузнечная мастерская угол Кузнечной и Амурской. Когда была облава, я находился там и видел, как вы входили. Я вошел тогда в маленький двор, где поднимал и опускал бадью в колодец, выйдя потом тихим шагом на тротуар. Японцы было хотели в меня стрелять, но я им сказал, что я мирный житель и хочу войти в соседний двор, и они меня пустили. Через три двора я вышел на Зейскую улицу и, таким образом, ушел. В первое выступление у нас в Ивановке было около 700 чел. и в это время наша разведка сообщила, что из города вышел отряд казаков и японцев. В разведочном отделе был начальником Кошкин. Связи у меня сейчас нет, какая у меня она была, в данное время она выловлена. Я, как Вам не безызвестно, пользуюсь среди крестьян, рабочих и населения большой популярностью и мне стоит только вскочить в любую квартиру, как я буду укрыт. Я вскакивал в квартиру Косицына к толстой

женщине, по Садовой ул., № 3, а потом я вскочил в № 6, угол Амурской и Ремесленной. В школе, в которой меня поймали, у меня есть только Бурундукова, у которой я хотел переночевать. Но она меня предупредила, что за ней следят, и это меня очень беспокоило. Когда я подошел к окну, то заметил, что Вы подходите к школе, и я тогда пустился вниз и тут встретился с Вами. Я отсюда, т.-е. из города, хотел выехать, так как все наши предположения были разбиты в корне и я искал себе места, где можно укрыться и прожить спокойно. Про здешние готовившиеся организации и выступления я могу сказать, что они происходили помимо меня, и на них надежды мы никакой не возлагали. Первое наше выступление было разбито, т. к. наши силы не были сконцентрированы. С китайской стороной я никаких сношений не имел. Присутствие китайцев в рядах нашей красной армии объясняется тем, что они питают недовольство к японцам. На китайцев я не расчитывал, так как они приходили без оружия к нам. Фамилий китайцев я не знаю. Они пришли с приисков из-за Зеи. Штаб состоял из трех-четырех человек. Регистрационное отделение состояло из одного меня, и я их не видал. В время советской власти мы часто разрешали недоразумения, происходившие на почве судоходства. Эти вопросы мы разрешали частным, чисто товарищеским путем. С китайскими властями никаких сношений не имел. Отсюда я хотел пробраться прямо во Владивосток, для чего имел в виду загриммироваться. Последнее время я здесь наклеивал русые усы. Теперь их куда то тов. Сизых утащил вместе с моей шапкой. Сизых от меня получал вознаграждение по сто, по двести рублей. Деньги я также давал на организацию объединения сил в области и помощь семьям, оставшимся после смерти красноармейцев, а также имел я здесь свою кузнечную мастерскую. Красноармейский красный крест состоял у нас здесь из Эрдерсона и Бутина и потом из женщин, одна высокого роста, блондинка, носит косу, кличка «Шура»; с красным крестом я связи не имел, и какими средствами он обладает—я не знаю. Во главе «Орочанина» состоял Макаров, среднего роста, черный, глаза карие, борода бритая, усики небольшие, комиссаром же «Орочанина» состоял матрос Новиков. В первом районе находится Патрушеев, он находился в Бузулуках. Мазановское выступление рисовалось мне так: в Мазанове был Лысенко, который торговал водкой, к которо-

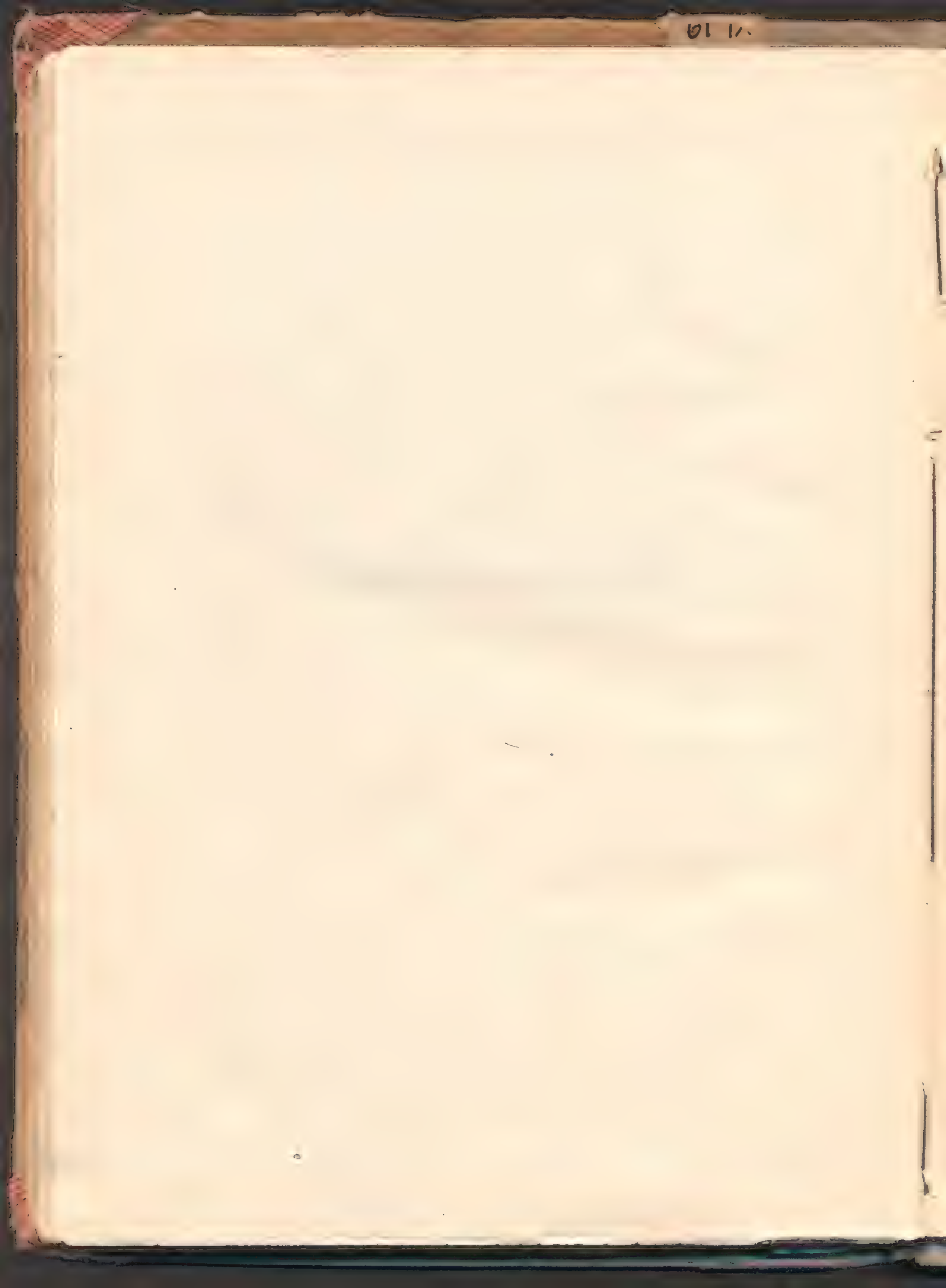
му приходили японцы и просили водки, он им не дал, изза этого они подрались и позвали других японцев, которые якобы побили семью—этим было вызвано выступление. Что говорит крестьянство о замене команд, я не слышал. Крестьяне требуют выборного правительства, что надеялись получить после переворота. В настоящее время избираются крестьяне и решают, как бы ликвидировать настоящее положение. Крестьяне говорили, что я все затеял и сам бежал, но я же сообщил, что я в городе для того, чтобы быть при выступлении, но таковое не состоялось. «Отец» это моя кличка. Предполагаемое восстание делалось без моего ведома. Я им говорил, что они сами будут за это ответственны. С октября месяца работали организации и профессиональные союзы в Горбылевке и Бурхановке, чтобы они все объединились и не делали единичных выступлений. Выступление мы отложили в виду того, что большая наличность войск, но мы не теряли надежды, что выступление все равно будет, так как все недовольны. Когда будет выступление — трудно определить, это играет, главным образом, роль в текущем моменте всей России и других государств. С газетой «Наши дни» я имел связь, как и со всеми организациями. Письмом Шадрина я просто поднимал массу. Прокламация о том, что щенки в золотых погонах врываются в тюрьмы, избивают людей мною не была выпущена. К Чумаку я имею отношение, как работнику по железной дороге, кем был освобожден Чумак я не знаю, а знаю, что на его место послан Зеленый, возможно, что подкуп был дан 2500 руб., за Чумака дал красный крест. Откуда получает средства Патрушев,—я не знаю, а знаю, что в настоящее время он имеет 40000 руб. (как эти деньги он получает из банка на той стороне, я не знаю, но положены они на его имя). Где теперь находится Шестаков,—я не знаю; одно время он находился в Серебрянке. Возможно, что деньги Патрушев получал через Шестакова. Прянишникова я знаю, как фронтовика, он мне и заявил, что мы выступаем, так как терпеть больше не можем. Патрушев находится в области с солдатами, с ним я связь имею, Краснощекова я знаю под фамилией Гнабельсон. Провизия, патроны, мука доставлялись через посредство китайских представителей в Иркутске, это было в июне, за наличный расчет. Пароходы по пропуску судов были по соглашению Китайского Правительства с Совнаркомом, это соглашение последо-

вало в мае—июне. Конференция, созванная Даоинем в Айгуне, была по инициативе китайских властей, на коей обсуждался вопрос о примирительной политике с законным правительством или открытии военных действий правительства с Совдепом, вопрос этот остался открытым. Будучи ратником 2 разряда и призванным на военную службу в 1917 г. в мае месяце, я оставался здесь и был уволен в декабре или начале января 1918 г. С Даоинем я коммерческих сделок никаких не имел. Васильева адвоката я знаю только как ходатайствовавшего об освобождении спирта. Левошко я не знаю. Пугин роли политической никакой не играл. Китайцев с ценностями на ту сторону я не посылал. Генерал Таубе работал в контакте с советской властью, проводя работу по военной организации. Немировский, как советский работник, был предан суду революционного трибунала за взяточничество. Перегуб-Погорельский, являясь в совет, неоднократно заявлял, что стоит всецело на платформе советской власти и поддерживает таковую, при чем у него было много неблаговидных действий в смысле взяточничества и темных дел. Зачеркнутому прошу верить. Мухин.

Начальник юридического отдела **А. Безруков.**

V.

Библиография.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Составил З. М.

А. И. Японцы на Сахалине и в низовьях Амура. «Жизнь национальностей» 1921 г. № 16 (114).

А. Ф. На Уссурийском фронте (страничка из воспоминаний). «Наш Путь» № 12, 1923 г., стр. 4—7. Чита.

Анти-Крен. Крен на Тобольск (материалы для сенаторской ревизии). Владивосток, 1918 г., стр. 28.

Брошюра содержит статьи: «Из родословной нововявленного правителя Хорвата», «Крен на Тобольск», «Курс реквизиционного права». Все статьи представляют памфлеты по поводу деятельности генерала Хорвата и его монархических устремлений. Автор брошюры не жалеет красок, чтоб очертить перед читателями политический облик генерала Хорвата, о котором он пишет в начале одной из глав:

«Платформа генерал-лейтенанта Хорвата, как бывшего кандидата в Учредительное по восстановлению самодержавия собрание, повидимому, на-днях будет исчерпана вся, и скоро полной грудью мы будем вдыхать забытый нами смрад царского режима. За короткий промежуток времени опубликовано уже 23 приказа и 8 «деклараций прав человека и гражданина» во вверенной генералу Хорвату полосе отчуждения. Сама полоса и зовется «полосой отчуждения», потому что здесь отчуждаются завоеванные наши свободы».

Подход к деятельности и оценке личности Хорвата ведется автором лишь постольку, поскольку они вредят... Временному правительству Керенского, последователем которого автор, видимо, и является.

Ауссем. Николаевская на Амуре коммуна 1920 года. «Пролетарская Революция» 1924 г. № 5.

Болдырев. Из пережитого. С примечаниями В. Вегмана. «Сибирские Огни». (Начало 1924 г., кн. 1-я, стр. 161—200, см. кн. 5—6, 1923 г.

Воспоминания б. генерала, игравшего большую роль в событиях на Дальнем Востоке, в военном и дипломати-

ческом отношениях. Он дает очерк событий на Дальнем Востоке с 1919 по 1922 г. г. с характеристикой главнейших революционных, контр-революционных и иностранных деятелей. Примечания т. В. Вегмана помогают разобраться в некоторых подробностях, о которых Болдырев касается слегка. Сам Болдырев начал свою карьеру с активной борьбы с большевизмом, а закончил признанием не только бесполезности борьбы с Советской властью, но и необходимостью работать только для нее в целях сохранения страны от разрухи и внешних посяганий.

Перед лицом смерти. Изд. Дальне-Восточно-Сибирского издательства «Книжное Дело». Чита, 1924 г., стр. 32.

В брошюре помещены воспоминания т. Вшивкова и Повилихина, случайно спасшихся во время казни японцами в г. Благовещенке 26 марта 1919 г.

М. Б. Барон Унгерн и его план борьбы с революцией. «Вестник Наркоминдел» 1921 г., № 9—10, стр. 82—93.

Бородавкин, В. У мужиков. «Творчество». 1921 г. № 7, стр. 27—30. Чита. Эпизод из партизанства в Амурской губернии в 1919 г.

Борьба за русский Дальний Восток. Сборник материалов под редакцией В. Шумяцкого. «Библиотека Политпросветработника». № 19. Чита. 1923 г.

То же. Иркутск. 1922 г.

Борьба за Хабаровск. Сборник статей. Чита. 1922 г., стр. 95+5.

Борьба с контр-революцией в Сибири и на Дальнем Востоке. Изд. Воен. Революц. Сов. Н. Р. Арм. и Фл. ДВР. Чита. 1922 г., стр. 150+1+1 карта.

Буйко, А. Советизация Дальнего Востока. «Наш Путь». 1922 г. № 4. Стр. 3—9.

В. Р. Правовое положение русских в занятых Японией местах Сахалинской области. Издан. Т-ва «Свободная Россия». Владивосток. 1921 г. Стр. 58.

Очерк дает освещение вопроса с точки зрения буржуазно настроенного юриста, который сознается, что «политикой не занимается», но вместе с тем не прочь сквозь строчки найти виновников во всем со стороны большевизма.

Васильев, С. Н. На Байкальских высотах (из гражданской войны 1918 г.). «Творчество». 1921 г. № 7. Стр. 40—45. Чита.

Вега. Из кошмара калмыковщины. «Творчество». 1920 г. № 3. Стр. 16—19. Владивосток.

Виленский, Вл. (Сибиряков). Империализм современной Японии и социальная революция (к вопросу решения Дальневосточной проблемы). М. 1919 г.

Страницы брошюры от 34 до 52-й посвящены интервенции Японии в Сибири.

Виленский, Вл. (Сибиряков). Россия на Дальнем Востоке. Издание Высшего Военного Редакцион. Совета 5-й армии. Иркутск. Стр. 89.

Виленский, Вл. (Сибиряков). Япония. Издание Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения. М. 1923.

Среди прочих статей имеются: 1) Мировая война и интервенция в Сибири; 2) Японские «интересы» в Сибири; 3) Россия на Дальнем Востоке; 4) Захват Сахалина и вопрос о Камчатке; 5) Причины возникновения ДВР; 6) Черный Приморский буфер; 7) Конец японской интервенции; 8) От Дайрена до Чаньчуня; 9) Чаньчуньская конференция; 10) Совстизация Дальнего Востока.

Владимирова, Вера. Маккавеевские тени (записки невольной очевидицы). «Творчество». 1920 г. № 5. Стр. 4—8. Владивосток.

Воспоминания о расстрелах и пытках семеновцев на станции Маккавеево, Забайкальской ж. д.

Временное народное собрание Дальнего Востока. Стенографические отчеты. Издан. Редакц.-Издательск. части Приморской Обл. Земской Управы. 1920 г. Владивосток.

Отчеты даны за период от 20 июня со дня открытия собрания и до 28 июля 1920 г. Вследствие наличия в крае в то время интервенции, существования «Семеновской пробки», неизжития демократических иллюзий, коммунистам приходилось вести совместную работу с соглашателями и даже буржуазией. Отчеты дают материалы о крайне тяжелом положении края в то время в отношении политическом и экономическом, ввиду наличия в крае интервенции и белых организаций.

Георгиевский, А. П. Архив Русской Революции (по материалам Приморского Губернского Архивного Бюро). Вып. I-й. Отд. оттиск из выпуска III-го «Известий Приморского Губернского Архивного Бюро». Владивосток. 1923 г. Стр. 22.

Составитель дает в небольшой статье сведения о революционном материале, собранном в течение нескольких месяцев работы Приморского Губернского Архивного Бюро. В Бюро сосредоточены материалы не только революционного движения в крае в период 1917—22 г. г., но и более раннего времени, начиная с 1905 г. Из материалов периода 1917—22 г. г. имеются почти все ценные первоисточники в виде архивов, газет, листовок, прокламаций, плакатов и пр. Очень ценный материал имеется по истории партизанского движения и интервенции. В этом же оттиске даются образцы некоторых наиболее интересных, еще неопубликованных материалов.

Гибель русских окраин. Сборник статей из «Голоса Родины» по вопросам рыболовства. Владивосток. 1921 г. Стр. 20.

Содержит статьи: «От интервенции к оккупации», А. Х. «Гибель русских окраин». Освещение событий ведется со стороны буржуазных интересов.

Гинс, Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. I-й стр. 328 и т. II-й стр. 608. Издан. Общества «Возрождение России». Харбин. 1921 г.

Книга составлена одним из наиболее близких сподвижников адмирала Колчака. Во многих статьях этой книги даются сведения о контр-революции и интервенции на Русском Дальнем Востоке. Заметки эти дают представление о том, как смотрели на события на Дальнем Востоке контр-революционные элементы Сибири.

Гривенко. Интервенция и Советская власть на Дальнем Востоке. «Наш Путь». 1922 г. № 4. Стр. 18—23.

Дальистпарт. Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Книга I. Издание Акционерного Общества «Книжное Дело». Чита. 1923 г. Стр. 287.

Содержание: 1) Статьи и воспоминания. 2) История революции и РКП. 3) Партизанское движение на Дальнем Востоке. 4) Интервенция и контр-революция на Дальнем Востоке.

Дауреи, Н. П. Семеновские застенки. (Записки очевидца). Издательство «Маяк». Харбин. 1921 г. Стр. 77.

В книжке описывается деятельность атамана Семенова, его жены Марии Михайловны, Тирбаха и др. При этом все это описывается офицером, бывшим в рядах семенов-

цев и не выдержавшим того режима, в котором он оказался. Статьи написаны довольно сильно, изобличая все то, что поименовано «Семеновщиной». Сам автор, будучи антибольшевиком, не щадит, однако, красок, чтоб называть все случившееся настоящими именами. В своем предисловии он предвидит будущее тех «сильных мира», среди которых он вращался, считая, что гибель их предрешена «от рук своих же или же от правительства, которое выберет народ». В статьях даются сведения о кутежах, массовых расстрелах, о застенках. Он, например, пишет: «Сколько погибло людей! Атаман Семенов теперь сам, наверное, видит, что наделали его помощники, если даже такие глупые и никчемные люди, занимавшие высокие посты (подчас даже и дутые), как Понтович, Костров и др., надули его, обокрали и скрылись. Собственно, обокрали они, конечно, Россию, русский народ, но все же обманув атамана. Да и кто дал право атаману Семенову распоряжаться жизнью русских граждан, распоряжаться русским добром!» и т. д.

Дайрен и Чаньчунь в русско-японских отношениях. «Экономическая жизнь Дальнего Востока». Чита. 1922 г.

Действия Японии в Приамурском крае. Сборник официальных документов, относящихся к интервенции держав в пределах Приамурья. Изд-ство Т-ва «Свободная Россия». Владивосток. 1921 г. Стр. 142.

Содержание: От редакции. Начало интервенции. Часть I. Общая. Часть II-я. Сахалинская область. Часть III-я. Морская рыбопромышленность. Часть IV-я. Отдельные факты. Часть V-я. Общий обзор.

Сборник составлен сотрудниками газет: «Голос Приморья», «Голос Родины», настроенными против Советской власти, но в то же время и против интервенции. В предисловии они указывают, что «иностранная вооруженная интервенция принесла только жесточайшее разочарование в среду анти-большевистских элементов русского общества и была для русского национального дела жестоким ударом». Книга интересна обилием документов и материалов, рисующих беззастенчивое хозяйничанье японских империалистов в крае.

Доклады Приморской Окружной Торгово-Промышленной Палаты по вопросам экономики Русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию 1921 г. Владивосток. 1922 г.

Доклады составлены буржуазией, страдавшей в своей торговле и промышленности от интервенции в крае. Статьи написаны крупными специалистами по важнейшим отраслям краевой экономики. Приводя материалы в строго деловом описании, авторы статей проводят красной нитью положение, что «Дальний Восток, являясь русской страной по праву, неотъемлем от России, кроме того и потому, что он ей и необходим». Интересы буржуазии требовали ухода интервентов края, мешавших эксплуатации богатейшего края. Вместе с тем буржуазия в этом сборнике выявила свои классовые интересы, считая виновниками большевиков. Пользоваться книгой можно только в той части, где имеются документальные и статистические данные, критически относясь к общим рассуждениям и выводам авторов, нанятых буржуазией для написания нужных ей статей.

Жданов, Б. Вагон смерти. Изд. Акц. О-ва «Книжное Дело». Чита. 1924 г. Стр. 30.

Автором описываются личные переживания в калмыковском «вагоне смерти».

Жданов, П. Застенное. (Из записок председателя исполнительного комитета партизанских отрядов Хабаровского района). «Творчество». 1921 г. № 7. Стр. 31—36. Чита.

Жуковский. Пред лицом смерти. Убийство 17-ти революционеров 26-го марта 1919 г. в г. Благовещенске, со слов обреченного тов. В. Повилихина. «Творчество». 1920 г. № 1. Стр. 33—35. Владивосток.

Земская жизнь Приморья. Изд. Приморской Областн. Земск. Управы. Еженед. журнал 1919—1921 г. г. Владивосток.

Журнал на своих страницах дает много ценных материалов в отделах: «В земствах Приморской области», «Корреспонденции с мест» и проч., касающиеся деятельности контр-революционеров и японцев в 1919—1920 г. г. в Приморской и Амурской областях, а также о борьбе с ними местного населения и партизан. Освещение дается частью в эс-эровском духе, с отсутствием должной объективности в отношении деятельности партизан.

Ивановка в 1919 г. Страничка дальневосточной культуры или же потомки благородных самураев в Амурской области. «Творчество». 1921 г. № 7. Стр. 23—26. Чита.

Исторические документы. Оттиск из Дальневосточного журнала «Творчество». Чита. 1921 г.

Исторический очерк г. Владивостока. См. «Весь деловой и торговый Владивосток на 1924 г.» Отд. I-й. Стр. 7—15.

В означенных страницах дается очерк жизни города, начиная с февральской революции 1917 г. и кончая приходом Нарревармии в октябре 1922 г.

Итин, В. Японская политика в Сибири. «Сибирские Огни». 1922 г. Кн. 3—6-я. Стр. 141—155.

Кальнин, А. Японцы в Сибири и кооперация. «Приамурский Кооператор» 1920 г. № 10—12, стр. 13—15.

Статья написана в эс-эровском духе.

Караваев, П. Советская власть на Дальнем Востоке. «Наш Путь». 1922 г. № 4, стр. 10—17.

Катаяма, С. Япония и Советская Россия. «Коммунистический Интернационал» № 17, 1919 г. Москва.

Колосов, Е. Е. Дальний Восток и наше будущее. Изд. т-ва «Сибирские Огни». Красноярск, 1919 г., стр. 47.

В книге даются личные впечатления б. эс-эра о событиях на Дальнем Востоке в период «Чехо-Словацкого переворота» и «Сибирского Правительства» в 1918 г.

К материалам для истории партизанского восстания в Прибайкалье 1919—1920 г.г. «Известия кафедры Прибайкальеведения». Вып. 1-й 1921 г. стр. 33—38.

Куртеев, К. К. Угроза русскому Дальнему Востоку. Краткий очерк действий японцев в Приамурском крае за три года (1918 1920). Оттиск из книги «Действия Японии в Приамурском крае». (См. выше). Владивосток 1922 г. стр. 16.

Красная Голгофа. Сборник, посвященный памяти товарищей, погибших за рабоче-крестьянское дело. Под редакцией И. Жуковского и З. Мокина. Издание редакции газеты «Амурская Правда». Благовещенск. 1920 г. стр. 144.

Матвеев, З. Н. Периодическая печать на Дальнем Востоке в период революции 1917—1922 г.г. Отд. оттиск из выпуска III-го «Известий Приморского Губернск. Архивного Бюро». Владивосток, 1923 г. стр. 22.

В брошюре дается перечень всех периодических изданий, выходивших на территории Русского Дальнего Востока в период 1917—1922 г.г. по политическим направлениям и содержанию.

Листки о пройденных этапах борьбы. «Факел Творчества» 1923 г., № 1, стр. 33—37.

Мацокин, Н. П. Японская печать и внутреннее положение в России. «Дальний Восток». Вып. 1, стр. 83—86. Харбин 1918 г.

То же. Издан. т-ва «Свободная Россия». Владивосток 1917 г. стр. 10.

Брошюра дает сведения о взгляде японцев на революцию в России и на желание «помочь» русскому народу путем посылки из Японии миссии из японских политических деятелей, которые могли бы оказать здоровое моральное воздействие на дезорганизованный народ и укрепить правительственную власть. Обнаруживается начало интервентских поползновений.

Мацокин, Н. П. Японские вымыслы и их виновники. Харбин 1917 г., стр. 9.

Менис, Бор. У берегов японского моря (и советизация Дальнего Востока). «Молодая Гвардия». 1923 г. № 1 (8), стр. 244—249.

Н-вич, Н. Погибшие на Олекме (в кровавый 1918 г.), «Творчество». 1921 г., стр. 46—50, № 7. Чита.

Н. Ч. Как умер Уткин. «Творчество». 1920 г. № 2, стр. 44-я.

Неравнодушные строчки. В годовщину 4—5 апреля 1920 г.—дня выступления японцев в Приморье. Сборник под редакцией Н. Чужака, со вступительной статьей К. Харнского. Изд. «Дальцентропечати». Чита. 1921 г.

В сборнике ряд статей, очерков и стихотворений т.т. Харнского, С. Третьякова, Н. Чужака, С. Алымова и др. Среди них статьи, посвященные т.т. Лазо, Сибирцеву, Луцкому и событиям 4—5 апреля.

Никифоров, П. Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке. М. 1923 г. стр. 4.

Оффициальное сообщение о событиях в Николаевске. Опубликовано Императорским Японским военным и морским министерствами. Изд. Японского Осведомительного Бюро во Владивостоке. Владивосток 1920 г. Образец того, как японские империалисты оправдывали свои завоевательные планы на Востоке документами, состряпанными в Штабе японовойск во Владивостоке.

Павлович Мих. (Вельтман). Советская Россия и Империалистическая Япония. Издание «Красная Новь». М. 1923 г. стр. 154.

Содержание: 1.—Империалистическая политика царской России на Дальнем Востоке. Русско-Японская война 1904—1905 г.г. II.—Японский империализм. III.—Николаевский инцидент и захват северной части Сахалина. IV—Апрельские события 1920 г. в Приморской области. V—Создание Дальневосточного буфера. Японский черный буфер. Внутреннее Японское море. VI Дайренская конференция. VII Чаньчунская конференция. VIII—Взятие Владивостока и воссоединение с Р. С. Ф. С. Р. IX—Роль эс-эров в японской интервенции. Приложение: документы и материалы.

Павлович, Мих. (Вельтман). Японский империализм на Дальнем Востоке «Новый Восток». 1922 г., книга 2-я, стр. 3—57.

Содержание приблизительно то же самое, что и в вышеупомянутом труде того же автора.

Парняков. О семеновщине. Изд. «Центро-Сибирь». Иркутск. 1918.

Партизан Лев. Моя встреча с Лазо. (Из воспоминаний). «Творчество». 1920 г. № 1, стр. 31—33.

Парфенов, П. С. (Петр. Алтайский). Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918, 1919 и 20 г.г. Харбин. Изд-ство «Правда». 1921 г., стр. 170.

Автор дает хронологический обзор сибирской контрреволюции. Последняя глава посвящена событиям на Дальнем Востоке и борьбе ДВР за свое утверждение. Подробную рец. см. «Сибирские Огни». 1922 г., № 2.

Пионтковский, С. Контр-революция в Сибири. Доклад подполковника Глухарева. «Красная Летопись». 1922 г., № 5, стр. 356—370.

Доклад составлен одним из наиболее активных реакционеров в период правления Хорвата на Дальнем Востоке.

Пресса на Дальнем Востоке в период революции. Отчет о публичном заседании Дальванава 12-го апреля 1923 г. (основная канва доклада З. Н. Матвеева). «Новый Дальний Восток». 1923 г., № 12—13.

В докладе дана характеристика наиболее важнейших моментов для развития краевой прессы в период революции 1917—1922 г.г.

Революция на Дальнем Востоке. Вып. 1-й. Изд. Истпарта (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б). Госиздат. М. 1923 г., стр. 438.

Содержание: Д. С. Бузин—О партизанско-повстанческом движении в низовьях р. Амура 1919—1920 г.г. С. Се-

рышев—Вооруженная борьба за власть Советов на Дальнем Востоке. А. Яременко—Дневник коммуниста. Резников (Изгой)—Революционная хроника Забайкалья. Мировой—Партия, организация и работа на Дальнем Востоке. Владимирова—Профдвижение во Владивостоке. Лебедев—5 лет революционной борьбы на Якутском фронте. Ив. Гоженский—Участие корейской эмиграции в революционном движении на Дальн. Востоке. Н. Мамаев—К вопросу о хунхузническом движении на Дальнем Востоке. Е. Кано—Экономическое и политическое положение современной Японии. Т. Ирин и А. Лун-Яновская—Меркуловский переворот во Владивостоке. В. Маркелов—Воспоминания из партизанского движения на Дальнем Востоке (1921—1922 г.г.). О. Иогансон—Воспоминания красной сестры. Приложение: приказ русским отрядам на территории Советской Сибири № 15 (Приказ барона Унгерна).

Роль Японии в истории сибирской атаманщины. «Вестник Наркоминдел».

Русский Сахалин, как новая Япония. Сборник статей, помещенных в газете «Слово», с приложением постановлений Японского командования в Сахалинской области и других документов. Владивосток. 1921 г.

Освещение событий ярко черносотенное. Протестуя против интервенции, авторы не прочь от борьбы с большевизмом.

Р. И. Н. Дальневосточные проблемы и Вашингтонская конференция (факты и документы). «Русское Обозрение». 1921 г., № 8—16, стр. 229—247. Харбин.

Освещение вопросов японской интервенции со стороны черносотенных элементов.

С—кий, А. Ф. Материалы к истории интервенции. Роль Японии в Панмонгольском движении. «Новый Восток». 1922 г., № 2, стр. 591—603.

Савельев, А. Краткий обзор рабочего профессионального движения г. Владивостока за время с марта 1917 г. по август 1920 г. «Рабочая Жизнь». 1920 г., № 1, стр. 12—22. Владивосток.

Сартаков, Д. А. 21 день в японском застенке. «Наш Путь». 1923 г., № 8.

Сергеев. — Унгерниада. «Народы Дальнего Востока». 1922 г., №5, стр. 623—638.

Скриба. Советовластие в Сибири и на Дальнем Востоке. «Творчество». 1920 г., № 6, стр. 36—43.

Соколов, В. Октябрь за Байкалом (январь—февраль 1918 г.). «Пролетарская Революция». 1922 г., № 10.

Сперанский, А. Я. Роль Японии в истории Сибирской атаманщины. «Вестник Наркоминдел». 1922 г.

Старый сибиряк. Политическое положение; на фронтах; внутреннее положение. «Великий Океан». 1919 г., № 2—3, стр. 124—131.

Есть описание и партизан. движен. в Приморье. Освещение эс-эровское.

Старый сибиряк. Политическое обозрение. «Великий Океан». 1920 г., № 4—6.

В статье даются материалы по истории контр-революции, семеновщины, интервенции и по другим вопросам Дальнего Востока до 1920 г. с точки зрения эс-эровщины.

Т. Торжество победителей (Розаниада). Из случайного письма. «Творчество». 1920 г., № 3, стр. 19—21.

Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири в 1918—1919 г.г. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Дж. Уорда. Госиздат. М. 1923 г.

В книге имеются статьи, касающиеся и японской интервенции: «Япония вмешивается» (стр. 37—39), «Японские методы и дальневосточная политика союзников»» (стр. 40—43), «Японская политика и ее результаты» (стр. 161—16).

Ширман. Очерки по истории внешних сношений стран Дальнего Востока. Издание Института Востоковедения. Москва. 1924., стр. 143—235.

Эч., Ц. Коммунисты о положении на Дальнем Востоке. I. Япония и Дальний Восток. II. Америка и Япония. III. Япония и Китай. IV. Русско-китайские отношения. V. Общественная жизнь Китая. VI. Внутренняя жизнь Японии. Доклад отправленный в Советскую Россию из Владивостока. «Русское Обозрение». 1921 г., № 5, стр. 237—244.

Эч. Исчезнувший город. (Трагедия Николаевска на Амуре). Владивосток. 1920 г., стр. 70. (Период Тряпицына).

В высшей степени пристрастное описание событий в Николаевске на Амуре журналистом, командированным одной из редакций газет Владивостока.

Януш. — К истории японской интервенции. «Международная Жизнь». 1922 г., № 1 (135).

Япония на русском Дальнем Востоке.— Кровавая эпопея японской интервенции. Издательское отделение ЦК РКП. М. 1922., стр. 27.

В книжке в сжатой форме дается материал о хозяйничаньи японцев на Д. В., с начала прихода их крейсеров до меркуловщины включительно.

Японская интервенция в Сибири. Изд. Воен.-Революц. Сов. Н. Р. Арм. и Фл. ДВР. Чита 1922 г.

Яременко, А. Партизанское движение в Приморской области (1918—1920). «Пролетарская революция». 1922 г., № 7.

Japanese Intervention in the Russian Far East. Published by Special Delegation of the Far Eastern Republic to the United States of America. 1922

Очерк дает материалы для суждения Вашингтонской конференции, бывшей в 1922 г., где была делегация ДВР для осведомления американцев о деятельности японцев в Сибири.

Military Intervention in Siberia. Nikolaevsk, atrocity, etc „Japan Year Book“ 1920-21.

В очерке фабрикуются материалы и документы, оправдывающие империалистические замыслы японцев в Сибири.

Short outline of the history of the Far Eastern Republic 1920.

Издана той же делегацией в Вашингтоне, которая издала книгу о японской интервенции.

VI.

Примечания.

ПРИМЕЧАНИЯ.

К статье: **«Хабаровск и его район с 1-го июня по 1-ое ноября 1920 г.»** Общее освещение событий можно найти в следующих работах: 1) Волков, В. — «Краткий очерк 2-й Приамурской Ордена Красного Знамени стрелковой дивизии». (кн. изд. 1924 г.),—сделана сводка военных операций. 2) Парфенов, П. С. (Петр Алтайский) — «Уроки прошлого (гражданская война в Сибири 1918, 1919, 1920 г.г.), Харбин, 1921 г., изд—во «Правда». Стр. 170.—В книге использованы официальные документы описываемой эпохи, к сожалению, часто без указания источников (большей частью газетный материал).—На стр. 155 есть справка об упоминаемом в статье Милеева т. Уткине: «вскоре после этого, т.-е. 19 июня, сотник Коренев, во время своего визита, убивает уполномоченного временного правительства по Хабаровскому району П. Уткина и его секретаря Граженского».

Об Уткине см. также: 1) журн. «Творчество», Владивосток, 1920 г., № 2 (июль) стр. 43—44, где воспроизведен портрет П. В. Уткина с заметкой, что он убит 19 июня, и статья Н. Ч. (Чужака) «Как умер Уткин». 2) Портрет Уткина во весь рост можно найти на групповом снимке арестованных чехо-словаками в 1918 г. членов Владивостокского Совета в ст. Яременко, А. Н. «Дневник коммуниста». («Революция на Дальнем Востоке», в. I, Москва, изд. ГИЗ, стр. 170, см. также стр. 171).

Бодрый Николай «Костя Суханов». Подробности об убийстве чехословаками Суханова и Мельникова см. в упомянутой статье Яременко (стр. 169—173); на 170 стр.—Суханов снят в группе ответственных работников; на стр. 133 в сноске биографическая заметка о Суханове О. Сомова.

Гр. Мучник (Сибиряк) — «Борьба за Советы в Приморье». Сравните статью Д. С. Бузина (Бич) «Партизанско-повстанческое движение в низовьях реки Амура 1919—20 г.г.» («Революция на Дальенм Востоке», в. I, 1923 г., стр. 5—63); в этом же сборнике см. статью Серышева Ст.: «Вооруженная борьба за власть Советов на Дальнем Востоке» (стр. 65—128). Автор приводит интересные данные об Иване Павловиче Шевчуке (стр. 84—85); на стр. 110—111 портрет Павла Постышева и биографическая заметка о нем О. Сомова.

Воронцов, И. — «Первые шаги рабочей организации в Забайкалье». Этой же теме в связи с историей революции и РКП на ДВ вообще посвящена статья Е. Ярославского (Миней Губельман): «Первая рабочая организация в Забайкалье», напечатанная в историч. журнале «Про-

летарская революция», № 4 (16), 1923 г., стр. 344—346. Т. Ярославский вспоминает тех же товарищей, о которых пишет Воронцов; о наборщике Вайнштейне говорит, что он был арестован в начале 1902 г. в связи с появлением первомайских прокламаций, а также воззвания к солдатам, к казакам и офицерам; Вайнштейн казнен, по словам Ярославского, Меллером-Закомельским.

К отделу III: **«Партизанское движение на Дальнем Востоке».** О конференции на ст. Урульга Заб. жел. дор. 28 августа 1918 г. есть упоминание в статье Резникова (Изгой) «Революционная хроника Забайкалья 1917—1918 г.г.» (Революция на Дальнем Востоке», в. I, 1923, стр. 281—302); автор был секретарем конференции. Т. Резников упоминает о Шилове (Дмитрие?), Лазо, Бутине, Балябине, Вагжанове, как председателе следственной комисси по расследованию ограбления Читинского Государственного Банка и о других.

О Сергее Лазо. См. сб. «Неравнодушные строчки», Чита, 1921 г., где помещена последняя речь Лазо; в сборнике «Революция на Д. В.» См. страницы: 70, 85, 105, 246, 251, 262, 276, 278, 197, 300, 301; на стр. 246 помещен портрет Лазо с краткой биографич. заметкой: «командир восточн. фронта против Семенова в 1918 г. Руководит. партиз. движением в 1920 г. Сожжен белогвардейцами в паровозной топке, будучи передан японцами, в апреле 1920 г.». В журн. «Творчество» ((Владивосток, 1920 г., № 1, стр. 31—33) напечатаны воспоминания партизана Льва «Моя встреча с Лазо» (летом 1919 г. в тайге). В названной выше книге Парфенова см. о Лазо стр. 144, 152, 154. Лазо посвящена статья Н. Матвеева в газете «Дальне-Восточный Путь», Чита, 1923 г. № 75-403. В ж. «Наш Путь», 1923, № 8 напечатан документо о смерти Лазо, стр. 39—40.

Об Ив. Аф. Бутине смотри: 1) Сборн. «Красная Голгофа» под ред. И. Жуковского и З. Мокина, Благовещенск, 1920 г., где напечатаны автобиографические заметки Ив. Аф. Бутина (стр. 33—57) и два его письма—Жуковскому и товарищам; там же на стр. 60 биографическая заметка о Бутине. 2) В журн. «Просвещенец», Чита, 1924 г. № 2—3 на стр. 20 гравированный портрет Бутина (художника Кикина) и ценная биографическая заметка. 3) В ж. «Творчество», (№ 5, 1920 г., Владивосток) в статье Веры Владимировой «Маккавеевские тени» (записки невольной очевидицы) на стр. 77 есть строчки о Бутине: его привезли в Маккавеево перед самой ликвидацией этого застенка; но автор записок не говорит подробно о Бутине—«писать подробно об Иване Афанасьевиче я сейчас не буду по некоторым основаниям»...

Безсонов — «Борьба за Советы в Приморье».—См. об этом указанную выше статью Бузина, Д. С. «Партизанско-повстанческое движение в низовьях реки Амура 1919—1920 г.г.»,—в статье есть материалы о «тряпицинщине», об отдельных участниках борьбы за годы 19 и 20-й.

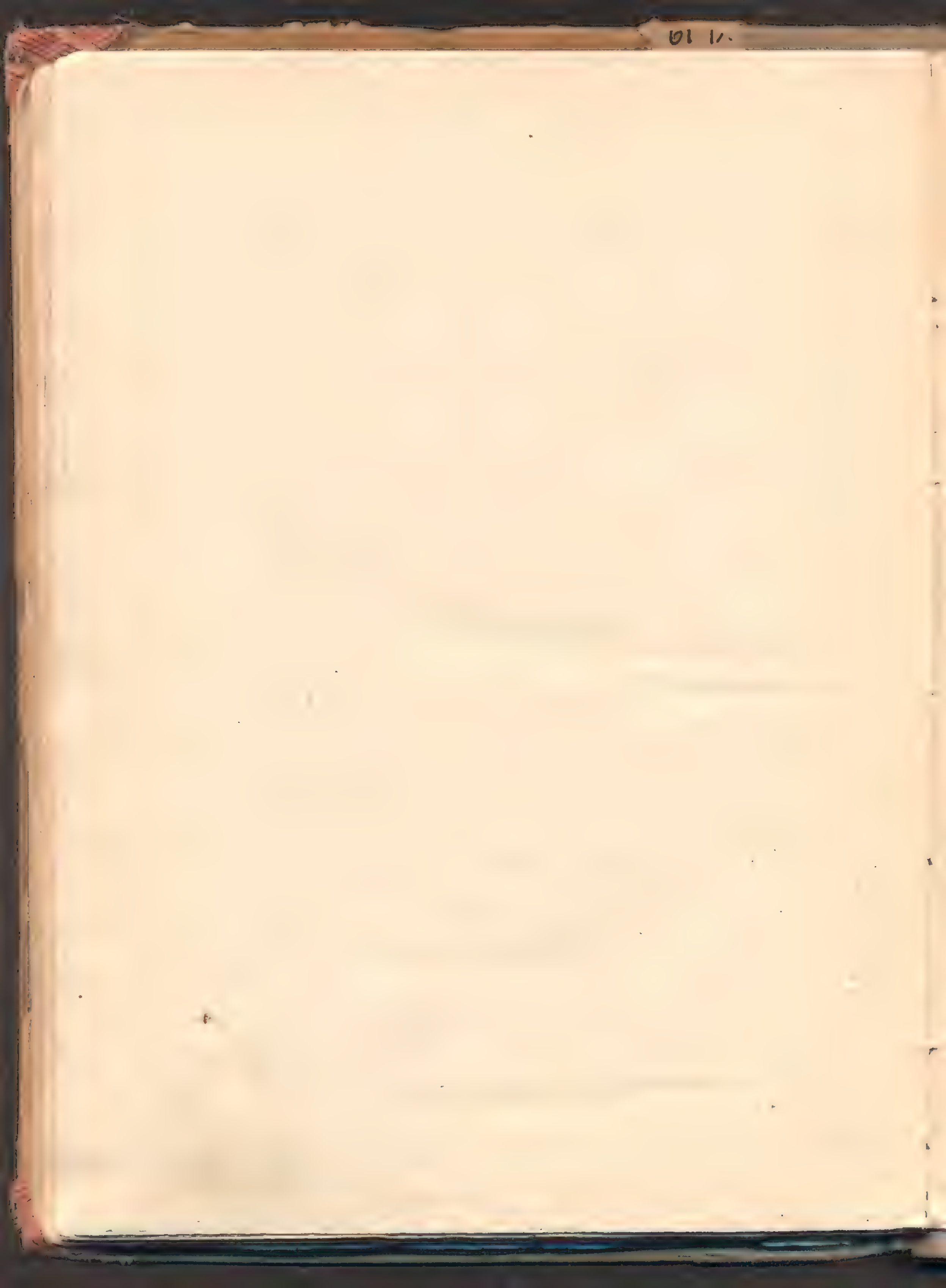
О японской интервенции см. указанные в прилагаемой к этой книге библиографии работы Виленского (Сибирякова), книжку Джона Уорда «Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 г.» и выше-названную работу Парфенова. О Калмыковщине имеется статья в ж. «Творчество», № 3, стр. 16—19: «Из кошмара калмыковщины». К этому же периоду относятся воспоминания Н. Матвеева «Из записок пленника» (юбилейный альманах «4-ый Октябрь», Чита 1921 г. стр. 5—11; «Дневник коммуниста» А. Н. Яременко (Революция на Д. В.).

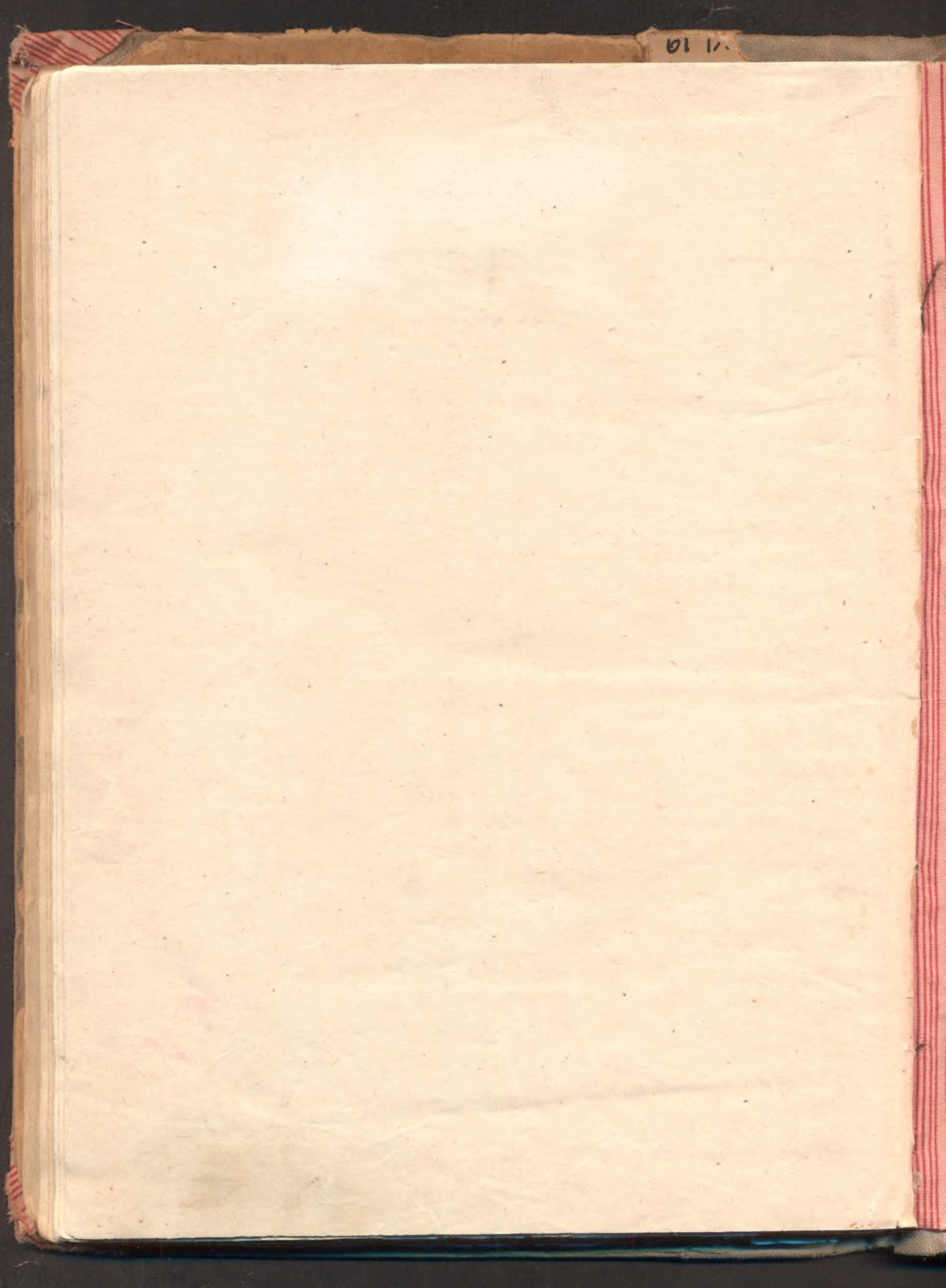
К материалам о расстреле японцами 16 человек в Благовещенске 26 марта 1919 года. — В сборнике «Красная Голгофа» (Благовещенск, 1920) напечатаны воспоминания одного из расстрелянных» тов. В. Повилихина (стр. 20—24—«Пред лицом смерти»), там же на стр. 94—96 биография **С. П. Шумилова** (в списке 10-ый), и на стр. 103—106 статья **«Памяти Якова Григорьевича Шафира»** (1-ый в списке).

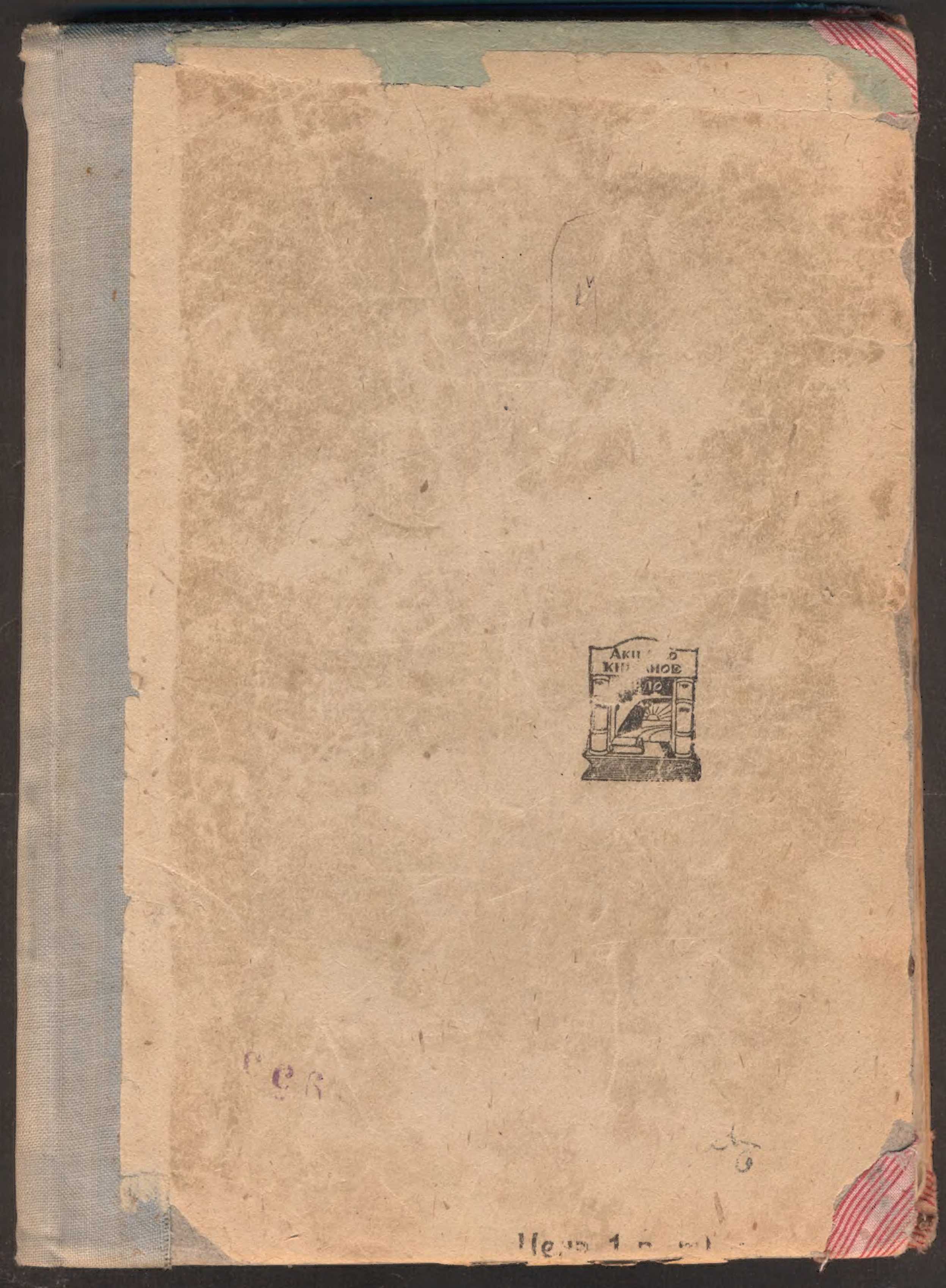
Мухин, Федор Никанорович. — В «Красной Голгофе» статья З. Мокина (стр. 27—28), там же воспоминания о нем т. Анищенко (29—30). Смотрите еще: Иогансон, Ольга «Воспоминания красной сестры» в сб. «Революция на Д. В.», стр. 421—428 (подпольная работа Амурской организации Р. К. П. за время последних месяцев 1918 и 1919 г.г.). В этой статье упоминается, что Мухин, также, как Ив. Бутин, погибли вследствие провокации (стр. 426). В указанной выше статье Степана Серышева Федору Мухину посвящен очерк на стр. 87—89 с ценным биографическим примечанием О. Сомова. На стр. 207 записок Яременко (см. выше) упоминается об отряде имени Мухина.

Редакция: М. Малышев и Гр. Мучник (Сибиряк).

СОДЕРЖАНИЕ.

Цена 1 р. [illegible]